

БАЛАЛЫК-ТЕПЕ

Л. И. Альбаум

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

Л. И. Альбаум

БОЛАЛИКТЕПА

ТОХАРИСТОННИНГ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ
ВА САНЪАТИ ТАРИХИГА ОИД

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЕТИ
ТОШКЕНТ—1960

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Л. И. Альбаум

БАЛАЛЫК-ТЕПЕ

К ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВА ТОХАРИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР
ТАШКЕНТ—1960

Монография посвящена изучению археологических памятников правобережного Тохаристана и написана на основании новых полевых археологических исследований, проведенных автором в Ангорском районе Сурхан-Дарьинской области.

Книга рассчитана на специалистов — археологов, историков, искусствоведов, архитекторов, этнографов, студентов гуманитарных факультетов, а также всех интересующихся историей материальной культуры и искусства Средней Азии.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В. А. Шишкин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Географические сведения и история изучения Ангорского района.	
Археологические памятники	7
Глава II. Раскопки Балалык-тепе	61
Глава III. Стенные росписи	126
Глава IV. Культурно-историческое значение памятников Балалык-тепе . .	163
Литература	220

ПРЕДИСЛОВИЕ

До Великой Октябрьской социалистической революции история народов Средней Азии изучалась очень слабо. Многие памятники их своеобразной древней культуры оставались неизвестными. Это приводило к тому, что культура Средней Азии определялась расплывчатым термином «арийская» и возникновение ее объяснялось иранскими, греческими или иными влияниями.

Такое мнение сохранялось вплоть до 30-х годов нынешнего столетия, когда началось планомерное археологическое изучение территории Узбекистана. Советские археологи М. Е. Массон, С. П. Толстов, Я. Г. Гулямов, В. А. Шишкин, А. Н. Бернштам и другие своими исследованиями доказали, что на территории Узбекистана существовала своя самобытная культура, развитие которой начинается за несколько тысяч лет до нашей эры.

Многие проблемы до сих пор являются дискуссионными. «Только поход за новыми, скрытыми в земле историческими фактами, только широко поставленные и целеустремленные археологические работы могут поставить разработку дискуссионных проблем древней истории Средней Азии на прочную, не допускающую кривотолков базу»¹.

Выбирая объектом изучения Ангорский район Сурхан-Дарьинской области, мы исходили из того, что он совершенно не исследован в археологическом отношении и в то же время богат памятниками, относящимися к различным историческим периодам. Кроме того, как установили наши разведки, эти памятники не многослойные, что должно было в дальнейшем намного облегчить их изучение и обещало дать новые сведения по истории, экономике, культуре и искусству Средней Азии рабовладельческого и раннефеодального периодов.

Еще не исследован вопрос о том, что происходило на территории Средней Азии после распада Кушанского царства и завоевания его эфталитами. В письменных источниках, которыми мы располагаем,

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 7.

почти нет никаких фактов, связанных с данным периодом, и только раскопки смогут пролить свет на эту малоизвестную эпоху в истории Средней Азии (III—IV вв.)².

Настоящая монография является результатом археологических исследований, проведенных автором на территории Ангорского района Сурхан-Дарьинской области в течение 1950—1955 гг.

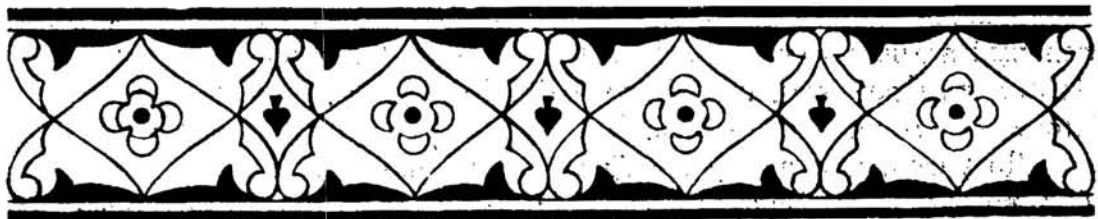
При написании ее автор ставил перед собой цель охарактеризовать впервые полностью вскрытый на территории правобережного Тохаристана замок — Балалык-тепе, который дал совершенно новый материал по архитектуре, материальной культуре и искусству Узбекистана периода сложения феодальных отношений.

Раскопки произведены также на городище Хайрабад-тепе, небольшой шурф был заложен на городище Зар-тепе, вскрыт замок Джумалак-тепе³. Изучаемый район был детально обследован рекогносцировочными пешими маршрутами.

Автор не претендует на всестороннее освещение поставленных вопросов, так как обильный новый материал, вводимый в научный обиход, может быть правильно осмыслен только в результате детального его изучения архитекторами, искусствоведами, этнографами и другими специалистами.

² История Узбекской ССР, т. I, Книга первая, Ташкент, 1955, стр. 96.

³ Результаты раскопок замка Джумалак-тепе, проведенных в течение двух полевых сезонов 1956 и 1957 гг., в настоящей работе не отражены.

Глава I

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АНГОРСКОГО РАЙОНА. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Сурхан-Дарьинская область — самая южная из областей Узбекистана — занимает площадь в 18,9 тыс. км². На западе она граничит с Туркменской ССР и окаймлена хребтом Кугитанг и отрогами Байсуна, с северной стороны отделена мощным Гиссарским хребтом от Кашка-Дарьинской области, а с восточной — хребтом Бабатаг от Таджикистана; на юге по Аму-Дарье проходит государственная граница СССР с Афганистаном.

Естественные горные преграды препятствуют проникновению на территорию области холодных северных ветров. Поэтому климат здесь мягкий, теплые зимы и жаркое лето позволяют выращивать субтропические растения.

Более половины территории области занято горами. Между горными хребтами Байсун и Бабатаг имеется большая равнинная депрессия, которую прорезывают реки Сурхан-Дарья и Ширабад-Дарья.

Долина Сурхан-Дарьи проходит узкой полосой (5—6 км) с северо-востока на юго-запад. По обеим ее сторонам хорошо видны четыре террасы, на которых расположены основные массивы орошаемых земель. В южной части долины имеется большая площадь, занятая песками Каттакум (результаты развеивания песчаников Хаудага). Пески лежат восточнее возвышенности Хаудаг и северо-восточнее Уч-Кызыла. Обе эти возвышенности являются невысокими грядами на равнинной депрессии, отделяющими долину Сурхан-Дарьи от долины Ширабад-Дарьи. Воды Ширабад-Дарьи недостаточны для орошения всех земель района, особенно в южной части, где они не доходят до песков Каттакум.

Южная часть Ширабадской долины в 1956 г. выделена в самостоятельный административный район — Ангорский, граничащий на юге с Термезским районом, на западе и севере — с Ширабадским и на востоке — с Джар-Курганским.

До революции население Ангорского района, несмотря на то, что был восстановлен Зангский канал («Занг-арык»), терпело большие бедствия. По словам проезжавшего здесь путешественника С. Неуструева, «...кишлаки в северной части долины несколько более обеспечены водою, чем кишлаки Ангорского района», который «получает воду отчасти из Ширабадской системы, отчасти из р. Сурхан по Занг-арыку. Насколько мало обеспечены кишлаки водою показывает общий вид этих жалких поселков, где дома похожи на хлевы... Случается, что вода изменит летом и посевы засыхают»¹.

В настоящее время в области имеется большое количество каналов, строятся водохранилища, способные полностью обеспечить население водой.

До Октябрьской революции на территории Сурхан-Дарьинской области археологических исследований не производилось. Многочисленные путешественники если и интересовались древностями, то основное внимание обращали на городища Старого Термеза и район Джар-Кургана.

Сведения и библиографические указания об этих путешествиях с исчерпывающей полнотой даны в работе М. Е. Массона, так что повторять их нет необходимости². Но на некоторых работах, в которых упоминаются памятники Ангорского района, все же следует остановиться.

В 1890—1891 гг. Южную Бухару посетил Е. Ф. Каль, проехавший по левому берегу Аму-Дарьи от Керки до Сурхана. Кроме того, он совершил поездку от Солибада (Салавата) до Ширабада. В описании Ангорского района, которое дал в дневнике Е. Ф. Каль³, имеются следующие строки: «...В былое время (эта территория) была, очевидно, хорошо возделана. Судя по многочисленным следам старых арыков и по сырцовым развалинам, группирующимся преимущественно вокруг старинных крепостей, построенных на искусственных возвышениях (крепости Курган, Абытабад, Ангор, Урдил-тепе и др.),... все эти крепости, вероятно, были обитаемы и в старое время...»⁴.

¹ С. Неуструев, Путешествие в Южную Бухару и исследование Ширабадской долины, Пг., 1915, стр. 38.

² М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН СССР, сер. 1, вып. 2, История, археология, ТАКЭ, Ташкент, 1940, стр. 27—31, 33—34.

³ К сожалению, дневник Е. Ф. Каль до сих пор не опубликован. В настоящее время он хранится в архиве Эрмитажа. Г. В. Парфенов любезно предоставил нам фотокопии с этого дневника.

⁴ Е. Ф. Каль, Дневник, л. 154а.

Для нас это сообщение интересно еще и тем, что к нему приложена карта археологических памятников, находящихся в Ангорском районе. Эта карта является первой попыткой фиксации памятников старины, расположенных на территории Сурхан-Дарьинской области.

И. В. Мушкетов в своих путевых заметках отмечал: «Обширная долина Сурхана некогда была, вероятно, гораздо более оживленной... Это заключение представляет, так сказать, логическое последствие наблюдений на пути в Термез»⁵.

В. И. Масальский, описывая путь от Ширабада до Термеза, указывал: «Дорога идет ровной жаркой степью, здесь и там покрытой развалинами»⁶.

Полковник А. Г. Ананьев, получивший в 1912 г. от бухарского эмира концессию на орошение 75 тыс. десятин земли из Сурхан-Дарьи, оставил описание Ширабадской долины, в котором упоминаются археологические памятники Термезского, Ангорского и Джар-Курганского районов. В частности, указывая на ангорские памятники, он писал: «...Сохранилась башня «Кафтар-хона» (голубиный дом)... Остальные развалины представляют многочисленные бугры, из оплывших скатов которых выглядывают сводчатые арки, отдельные столбы и пр.»⁷.

Не менее интересное упоминание о памятниках Ангорского района есть в описании путешествия в Южную Бухару С. Неуструева. Он, как и А. Г. Ананьев, обратил внимание на то, что памятники в основном группируются в трех районах: Термезском, Ангорском и Джар-Курганском. На территории Ангорского и Ширабадского районов сохранились, по его словам, искусственные бугры с остатками строений из сырцового и обожженного кирпича. Вокруг них можно было заметить кольцевую впадину, откуда бралась земля для постройки указанных холмов⁸.

В этих и подобных им сведениях говорится только о существовании искусственных холмов и не приводится какой-либо их характеристики.

В первые годы после Октябрьской революции Сурхан-Дарьинскую область начали изучать любители-краеведы, в частности С. А. Нукурышников⁹ (1920 г.) и др. В 1922 г. проездом в Афганистан в ней побывал доктор М. Г. Вечеслов¹⁰.

⁵ И. В. Мушкетов, Туркестан, СПб., 1886, стр. 568.

⁶ В. И. Масальский, Туркестанский край, Россия, т. XIX, СПб., 1913, стр. 682.

⁷ А. Г. Ананьев, Ширабадская долина, СПб., 1914, стр. 7.

⁸ С. Неуструев, Путешествие в Южную Бухару и исследование Ширабадской долины, стр. 39.

⁹ М. Е. Масон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 27.

¹⁰ М. Г. Вечеслов, Археологические памятники в Афганистане, Сборник статей Всероссийской научной ассоциации востоковедов, М., 1924.

В 1925 г. Средазкомстарис направил первую экспедицию в Сурхан-Дарьинскую область для исследования городищ Старого Термеза¹¹.

В 1926—1928 гг. Музеем восточных культур была организована археологическая экспедиция, работавшая под руководством Б. П. Денике¹². В ее составе были ученые В. Л. Вяткин, Б. Н. Засыпкин¹³, а также студент Б. В. Веймарн¹⁴. Особое внимание участники экспедиции уделили изучению Старого Термеза и прилегающей местности.

С 1933 по 1935 г. уполномоченный Узкомстариса Г. В. Парфенов собирал вещественные памятники и изучал городища Старого Термеза. Тогда же (в 1935 г.) был создан Термезский музей, который провел впоследствии большую работу по охране и обследованию памятников старины.

В 1936 г. для изучения археологических памятников Сурхан-Дарьинской области была организована Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ) под руководством М. Е. Массона, работавшая до 1938 г.¹⁵ Экспедиция разрешила ряд актуальных проблем, в частности вопрос о существовании в Средней Азии рабовладельческой формации, ее периодизации и кризисе при переходе к феодальным отношениям¹⁶.

Работы ТАКЭ, проведенные на высоком научном уровне, имеют для нас, несомненно, гораздо большее значение, чем все предыдущие исследования, предпринятые в области.

Помимо городищ Старого Термеза, участники экспедиции обследовали и другие районы области. Так, на городище Айртам были по-

¹¹ И. И. Умняков, Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация, 1920—1928, Ташкент, 1929.

¹² Б. П. Денике, Экспедиция Музея восточных культур в Термез, Предварительный отчет, Сб. «Культура Востока», М., 1927; он же, Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года, Сб. «Культура Востока», вып. II, М., 1928.

¹³ Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры Термезского района, Сб. «Культура Востока», вып. II, М., 1928.

¹⁴ Б. В. Веймарн, Орнаментация дворца XII в. в древнем Термезе, ж. «Искусство», М., 1934, № 6.

¹⁵ Термезская археологическая комплексная экспедиция, Труды УзФАН СССР, сер. I, История, археология, вып. 2, Ташкент, 1940; Труды АН УзССР, сер. I, т. II, История, археология, Ташкент, 1945.

¹⁶ М. Е. Массон, Археологические исследования в Узбекистане (1924—1939 гг.), Сб. «Наука в Узбекистане за XV лет», Ташкент, 1939, стр. 19; он же, Термезская археологическая комплексная экспедиция, КСИИМК, вып. VIII, М.—Л., 1940, стр. 114.

ставлены стационарные раскопки¹⁷, проводились также рекогносцировка городища у кишлака Джар-Курган, маршрутные проезды по обоим берегам р. Сурхан, в ее нижнем течении, и разведочные работы в Байсунском районе, где изучались памятники первобытного общества¹⁸.

Большой интерес представляет здание-курган, частично раскопанное В. А. Шишкиным на территории Старого Термеза и датированное VI—VII вв.¹⁹

В результате работ А. П. Окладникова²⁰ в горных районах Байсунтау, в пещере Тешик-Таш, были найдены останки человека мустьерского времени. К этому же периоду относятся пещеры Амир-Темир²¹ и Мачайская.

В Ширабадском районе, в ущелье Зараутсай, были обнаружены наскальные красочные рисунки, являющиеся одним из самых древних памятников изобразительного искусства Средней Азии²².

Как видно из неполного перечня работ, проведенных в Сурхан-Дарьинской области, Ангорский район оставался не затронутым археологическими исследованиями. Учитывая большую важность дальнейшего изучения памятников Сурхан-Дарьинской области, Институт истории и археологии АН УзССР в 1949 г. организовал в составе Узбекстанской археологической экспедиции Сурхан-Дарьинский отряд. В этом же году отрядом была произведена маршрутная разведка по трассе Термез — Ангор — Джар-Курган — Шурчи — Мершеде — Карлюк — Денау — Сары-Ассия. За 12 дней члены отряда познакомились с расположением памятников и получили о них общее представление.

Как указывалось выше, в Ангорском районе была отмечена большая концентрация памятников. Отсюда отряд выехал в Джар-Курган. На правом берегу Сурхан-Дарьи, южнее Джар-Кургана, было зафик-

¹⁷ М. И. Вязьмитина, Раскопки на городище Айртам; Керамика Айртам времени кушанов, Труды АН УзССР, сер. 1, т. II, История, археология, Ташкент, 1945, стр. 23, 24, 35—64.

¹⁸ М. Е. Массон, Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг., Труды АН УзССР, сер. 1, т. II, История, археология, Ташкент, 1945, стр. 3.

¹⁹ В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза, Труды АН УзССР, сер. 1, т. II, История, археология, Ташкент, 1945, стр. 129.

²⁰ А. П. Окладников, Находка неандертальца в Узбекистане, ВДИ, М., 1939, № 1; он же, Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан, Сб. «Тешик-Таш», М., 1949.

²¹ А. П. Окладников, Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау, КСИИМК, вып. VII, М.—Л., 1940.

²² А. Рогинская, Зараут-сай (записки художника), М.—Л., 1950.

сировано несколько больших тепе и городищ. Наиболее крупное из них — городище Кала-Кульмет — расположено к востоку от джар-курганского минарета. Подъемный керамический материал позволяет датировать городище очень широко (от первых веков до нашей эры по XVII в. н. э.).

Недалеко от моста через Сурхан-Дарью, на левом берегу, возвышается городище Исмаил-тепе площадью около 7 га при высоте 12 м; собранный с поверхности керамический материал относится к раннему средневековью. В 2 км севернее расположено безымянное тепе, а в 5 км справа от дороги в Кокайты — Катта-тепе. Оба эти городища в верхних слоях датируются средневековой керамикой. Большой интерес представляет городище Хайтабад, находящееся в 7 км к северу от Джар-Кургана, на правом берегу Сурхан-Дарьи. Размеры его — приблизительно 400×400 м, цитадель расположена в юго-западном углу. Судя по керамическому материалу, городище существовало уже в первые века до нашей эры.

Самое большое городище, которое удалось открыть на территории области — Дальверзин-тепе, находящееся в 7 км к северу от Шурчи, по дороге к Денау (рис. 1). Очень интересна его планировка. С юга на север длина городища равна 1 км, с запада на восток — 500 м. Оно обнесено двумя рядами стен, сложенными из квадратного сырцового кирпича. Ввиду сильного оплыва стен трудно проследить количество башен с каждой стороны.

В юго-восточном углу расположена цитадель квадратной формы, высотой более 20 м. Вход в нее — с северо-восточной стороны. Цитадель отделена от городища широким рвом. Одни из городских ворот находятся между цитаделью и южной стеной города. Юго-восточный угол Дальверзин-тепе сохранился плохо. За крепостными стенами проходит ров шириной в среднем 10—15 м, за ним прослеживаются остатки второй крепостной стены, окружавшей город. Эта стена, как видно на плане, лучше сохранилась с западной стороны. Необходимо отметить, что городские постройки возведены на естественной возвышенности и при планировке городища, видимо, был учтен рельеф местности. Возведение крепостей с учетом рельефа известно в Хорезме. Например, городища ахеменидского времени Кюзели-гыр и Калалы-гыр²³ построены на возвышенных площадях, их планировка приспособлена к плану местности. По своим размерам эти городища больше самых крупных городищ Хорезма поздней античности.

Городище Дальверзин-тепе, судя по нескольким плохо сохранившимся монетам и небольшим фрагментам керамики, существовало до

²³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 79, рис. 18, 19.

Рис. 1. План городища Джалверзин-тепе

VI—VII вв., хотя в своей основе оно, несомненно, более древнее — отдельные фрагменты керамики определенно можно отнести к кушанскому времени. Предметов, датируемых более ранним периодом, пока не найдено.

В 1950 г. началось изучение Ангорской группы памятников (рис. 2). В 1951—1952 гг. основные раскопки проводились на городище Зар-тепе, где был заложен стратиграфический шурф, в 1953—1955 гг. — на Балалык-тепе, в 1954 г. — на Хайрабад-тепе²⁴, в 1956—1957 гг. — на Джумалак-тепе.

В настоящей работе мы подробно остановимся главным образом на одном из памятников Ангорского района — Балалык-тепе, так как в результате раскопок его получены новые ценные данные по материальной культуре, архитектуре и искусству населения Северного Тохаристана. Но прежде чем говорить о Балалык-тепе, необходимо кратко описать основные археологические памятники Ангорского района.

Городище Зар-тепе находится в 4 км к югу от Ангора и в 26 км к северо-западу от Термеза (рис. 3). В плане оно квадратное со стороной в 400 м и ориентировано не совсем правильно по странам света, с некоторым отклонением к западу. Контуры его четкие, остатки крепостных сооружений сохранились на сравнительно небольшую высоту. Городские стены с восточной стороны имеют вид оплывших валов высотой в 6—7 м. С западной стороны стены сохранились на высоту 4 м.

В северо-восточном углу Зар-тепе расположена почти квадратная в плане цитадель. С южной и западной сторон она отделена от городища большим рвом. В трех углах (кроме юго-западного) прослеживаются башни в виде оплывших бугров. Башни несколько выступают по отношению к внешней стороне стен. С внутренней стороны стены цитадели постепенно понижаются к центру, где образуется небольшая ровная площадь. Это понижение обусловлено тем, что к стенам примыкали жилые помещения, превратившиеся в настоящее время в сплошные бугристые откосы. В северо-восточном углу цитадели находится главное сооружение. Западнее его, в середине северной стороны, расположен вход в цитадель. Наибольшая высота стен — 13—14 м.

В юго-восточной части Зар-тепе находится второе крупное сооружение, по размерам несколько меньшее цитадели и иного устройства. Со стороны городища оно также отделено широким рвом, а внутри

²⁴ В состав этого отряда входили: архитектор В. А. Нильсен, археолог В. Д. Жуков, производивший раскопки на территории городища, археолог Л. И. Альбаум, изучавший цитадель Хайрабад-тепе. В работах отряда принимали участие В. А. Козловский, Т. Агзамходжаев, Г. Н. Катков, художник В. Н. Кедрин.

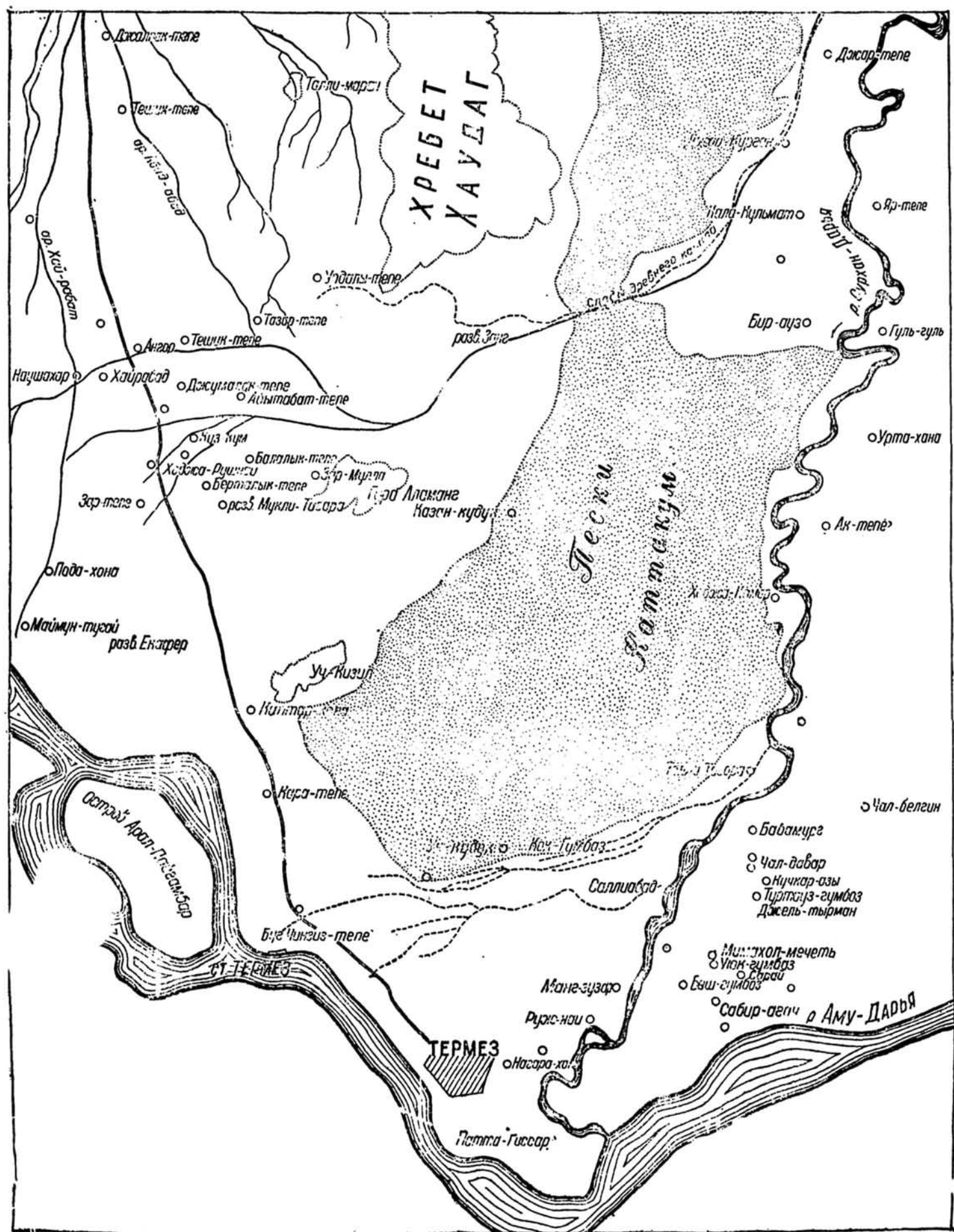

Рис. 2. Карта-схема археологических памятников южной части Сурхан-Дарьинской области

заполнено оплывшими валами. По-видимому, это сооружение имело фортификационное назначение. Необходимо также отметить, что стены городища не соединялись ни с цитаделью, ни с юго-восточным сооружением, хотя идут они с внешней стороны по одной прямой линии и

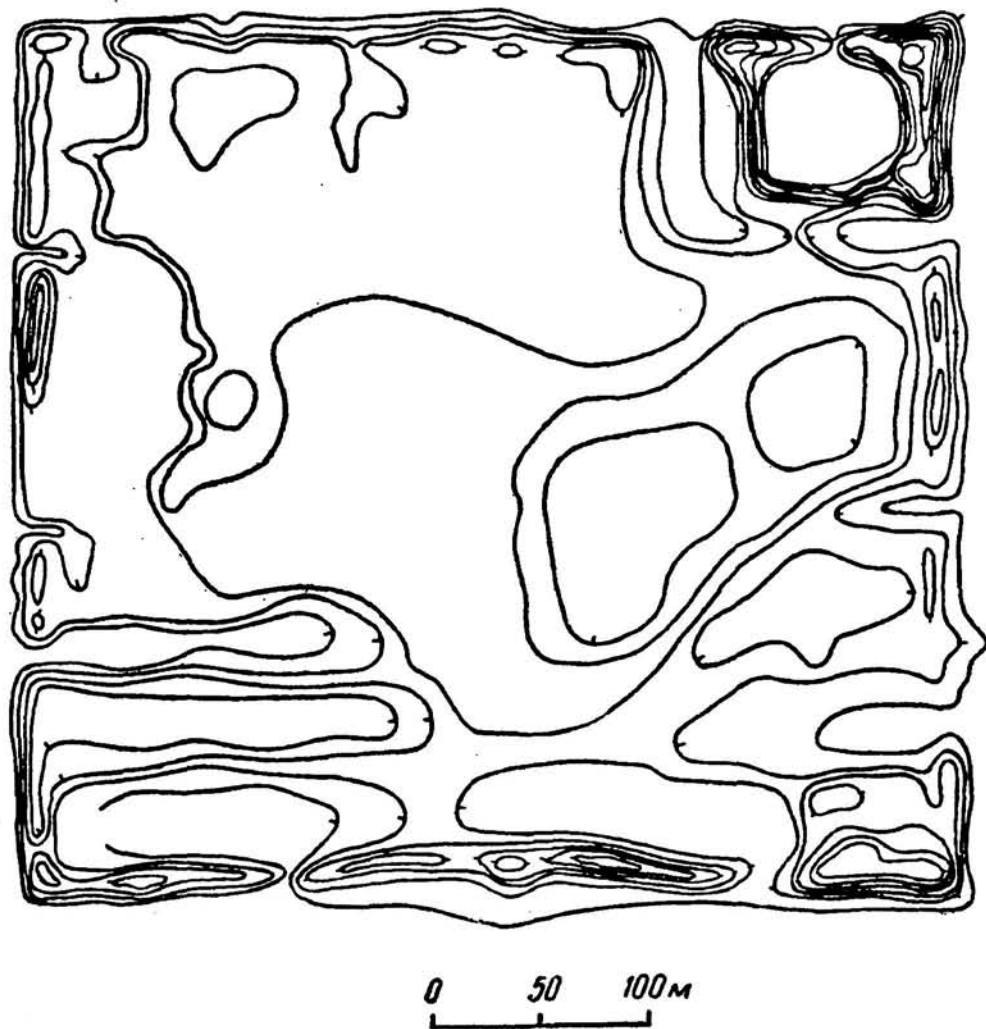

Рис. 3. План городища Зар-тепе

их разъединяют вышеупомянутые рвы. Если предположить, что рвы вокруг цитадели и этого сооружения (со стороны городища) являются улицами, то промежутки между цитаделью и стенами могли быть воротами.

Почти все внутреннее пространство городища было застроено. Об этом свидетельствуют массивные бугры, слившиеся друг с другом и доходящие в некоторых местах до верхнего уровня крепостных стен, а иногда, особенно в центре, превышая их.

По своей форме Зар-тепе напоминает городище Топрак-кала древнего Хорезма²⁵, хотя керамический материал здесь иной. В рельефе Зар-тепе прослеживаются площади и улицы, представленные в настоящее время большими ровными площадками, вокруг которых расположены холмы — постройки. Одна из центральных улиц проходила вдоль южной стены городища; ширина ее равна в среднем 50 м. Небольшие кварталы шли вдоль западной крепостной стены.

На поверхности городища найдено большое количество керамического материала, позволяющего предварительно определить период жизни Зар-тепе. Границы этого периода устанавливаются также находками значительного количества (свыше 300) медных монет.

Наиболее ранняя керамика, обнаруженная на городище, относится к первым векам до нашей эры. Сосуды этого периода сделаны из хорошо отмученной глины, в орнаментации широко распространено полосчатое лощение по красноватому ангобу. Появляются покрытые красноватым ангобом кубки цилиндрической формы на невысоких ножках. К этому же времени относится небольшое количество керамики с красной и черной лако-глазурью. Многие керамические изделия были изготовлены из серой глины; некоторые из них покрыты черной лако-глазурью и черным ангобом.

В Средней Азии керамическое производство к I в. до н. э. достигло довольно высокого уровня. Многие формы керамических сосудов, бытовавших раньше, сохраняются и в кушанское время.

Качество глины, из которой выделялась посуда I—III вв., хорошее, в изломе черепок плотный, хорошего обжига. Почти вся посуда изготовлена на ножном гончарном круге и покрыта красным или черным ангобом, поверх которого наносилось полосчатое лощение. Большое количество сосудов дополнительно украшалось богатым штампованным орнаментом в виде елочек, кружков, ромбов, различных розеток, «ступни Будды» и т. д. На многих сосудах часто сочетается несколько различных орнаментов (рис. 4). Можно с уверенностью сказать, что большинство этих орнаментов существовало в одно и то же время.

По форме и величине сосуды разнообразны: от крупных хумов и чаш (тагора) с витыми ручками и орнаментом на внутренней стороне до небольших изящных кувшинчиков. К этому же периоду относятся неангобированные светильники.

Некоторые из обнаруженных фрагментов керамики с черной лако-глазурью украшены елочным орнаментом, что позволяет говорить о

²⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 119.

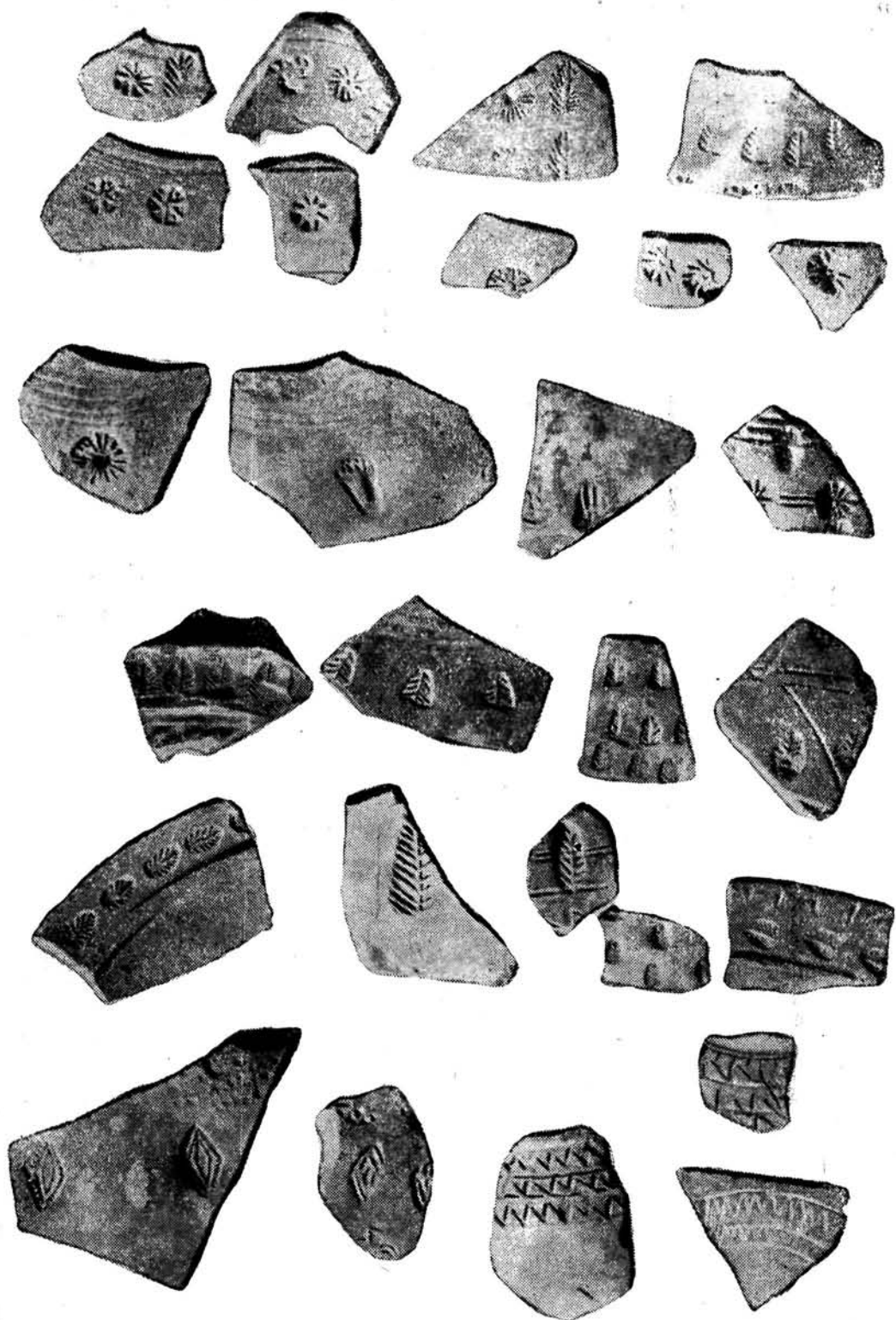

Рис. 4. Орнаментация керамики при помощи штампа

существовании лако-глазури в кушанский период²⁶. Отдельные сосуды по форме и орнаментации совпадают с керамикой, обнаруженной при раскопках на городище Айртам²⁷.

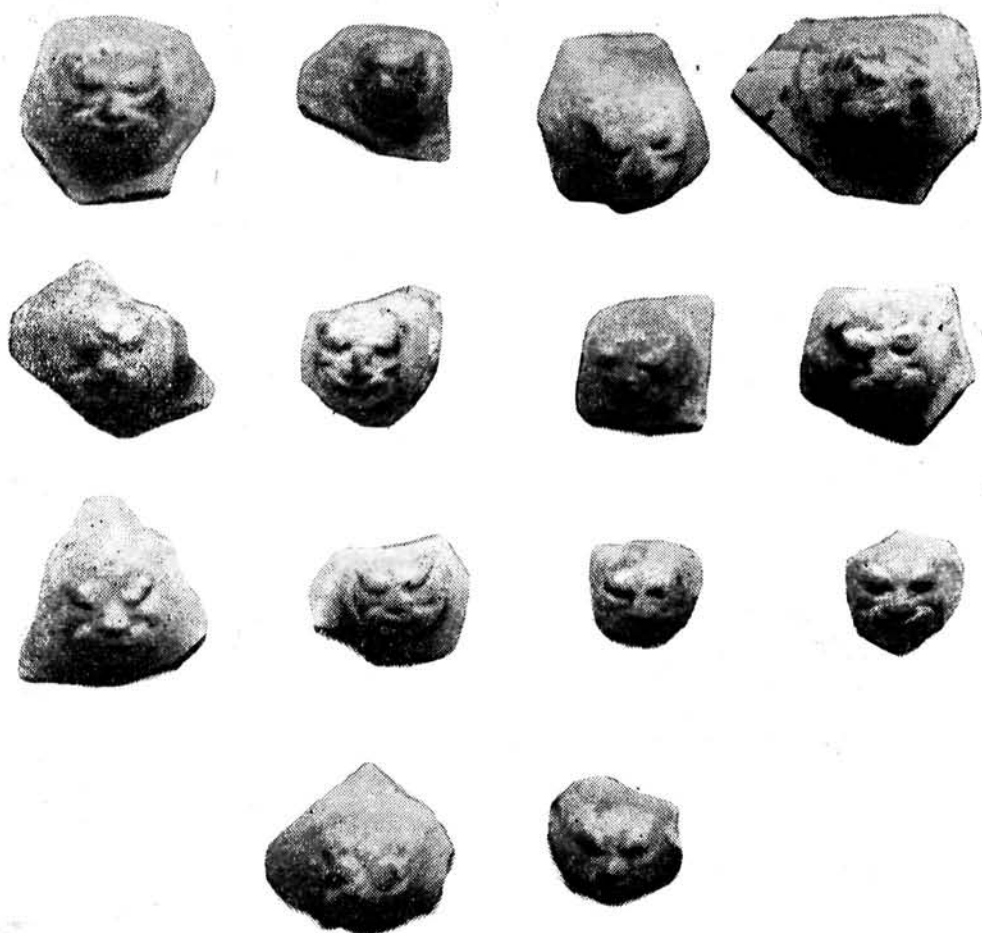

Рис. 5. Налепы на сосудах, изображающие головы львов

На основании этих материалов можно сделать предварительный вывод, что керамика с городища Зар-тепе одновременна с керамикой из Старого Термеза и Айртама, опубликованной В. А. Шишкиным и М. И. Вязьмитиной в трудах ТАКЭ, где она характеризуется ангобом, лощением, штампованными украшениями и относится авторами к I—III вв.

²⁶ В Согде и Хорезме керамические изделия из серой глины, покрытые черным ангобом и лаком, перестали изготавливаться к I в. до н. э. (А. И. Тереножкин. Согд и Чач, ҚСИИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 156; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 86).

²⁷ М. И. Вязьмитина, Раскопки на городище Айртам; Керамика Айртама времени кушанов., рис. 8, табл. II—IX.

М. М. Дьяконов считал, что все эти признаки характерны для керамики III—IV вв., когда на смену ангобированию и лощению появляются штампованные украшения на сосудах²⁸.

Возможно, что сосуды со штампованным орнаментом и ангобированные сосуды из Туп-хона, как и в Беграме, на которые ссылается М. М. Дьяконов, разновременны и штамп пришел на смену ангобу. Этого в орнаментации керамики южной части Сурхан-Дарьинской области I—III вв. не наблюдается.

Заслуживают внимания налесты на сосудах, отличающиеся большим мастерством изготовления (рис. 5). Налесты сделаны на небольших тонкостенных сосудах, покрытых светло-коричневым ангобом. К сожалению, нет ни одного фрагмента, который позволил бы установить форму самих сосудов. Некоторые налесты изображают головы антропоморфизированных львов. Аналогичные налесты были обнаружены на городище Чингис-тепе в Термезе.

На одном из найденных нами фрагментов (рис. 6) очень реалистично воспроизведена голова горного козла — архара. По обеим сторонам морды расположены загнутые книзу рога. Изображение этих же козлов, но более стилизованное, мы находим в виде ручек сосудов. М. Е. Массон считает, что прототипом таких изображений мог служить широко распространенный в Средней Азии *Capra sibirica*. Встречаются ручки сосудов в виде других животных, часто фантастических (рис. 7).

На керамической посуде с городища Зар-тепе, относимой к V—VI вв., штампованный орнамент и ангобирование сохраняются, но в меньшей степени. Несколько изменяются формы сосудов, зачастую изготавливается неангобированная керамика, появляется гребенчатый орнамент.

Некоторые сосуды бытового назначения снабжены сливными носиками, изображающими головы животных, например оленя (возможно — киик) с вытянутой мордой.

К V—VI вв. относятся небольшие остатки каких-то сооружений, сложенных из сырцового кирпича размерами 50×30×10 см.

Изучая городище Зар-тепе, мы собрали большое количество терракотовых статуэток и налестов, изображающих людей и животных.

Терракотовые статуэтки, являясь произведениями искусства, зачастую характеризуют определенный социально-экономический строй и способствуют разрешению вопроса, связанного с культурным общением данного народа с населением других стран. К сожалению, боль-

²⁸ М. М. Дьяконов, Работа Кафирниганского отряда, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 166.

Рис. 6. Налеп с сосуда, изображающий голову козла

Рис. 7. Изображение ручек сосудов в виде фантастических животных и козлов

шинство терракот обнаружено не при раскопках, а на поверхности городищ, что затрудняет их датировку.

Очень интересен изготовленный при помощи штампа налеп с сосуда, изображающий мужскую голову (рис. 8). Размеры его — 6×4 см. Голова с правильными, крупными чертами лица. Глаза широко раскрыты, веки слегка выступают, зрачки выполнены в виде углублений. Тяжелые надбровные дуги образуют бугры, сходящиеся у переносицы. Правильно подчеркнута мускулатура лица. Нос прямой и широкий, несколько вздернут. От носа по обе стороны рта спускаются пышные усы. Рот приоткрыт, хорошо видны нижняя и верхняя губы. Волосы густой бороды около ушей соединяются с такими же густыми волосами головы, которые ниспадают на лоб и виски. Изображение волос несколько обобщено, но в целом правильно передает их форму и прическу. В углублениях глаз, рта и между волосами сохранился красновато-коричневый ангоб. Судя по ангобу и технике изготовления, этот налеп можно отнести к первым векам нашей эры.

Рис. 8. Налеп с сосуда, изображающий мужскую голову

Подобная трактовка головы имеется в римской скульптуре, где она воспроизводит морское божество²⁹.

Не менее интересным является фрагмент статуэтки (рис. 9), изображающий женщину с крыльями. Размеры его — 6×6 см. Нижняя часть терракоты не сохранилась. Лицо имеет правильную овальную форму. В ушах — длинные серьги. Над плечами поднимаются крылья с детально проработанными отдельными перьями в характерной восточной трактовке. Под шеей — две полукруглые выступающие линии, по-видимому складки одежды. В правой руке, согнутой в локте, — щит или венок; кисть левой руки поддерживает его снизу. Из-за долгого

²⁹ О. Ф. Вальдгауэр, Античная скульптура, Пг., 1924, стр. 70, № 93.

лежания на поверхности городища терракота сильно потерлась. Изображает она богиню победы Нику.

Образ богини Ники широко распространен в изобразительном искусстве древней Греции. В греческой мифологии Ника сопутствует Зевсу, которому она помогала в борьбе с титанами, и вместе с ним празднует победу. Впоследствии Ника стала олицетворять победу нравственных сил и способностей. Ника является вечной спутницей Афины (дочери Зевса) — богини войны, ремесел и ума, даруя победы и поражения в войнах, состязаниях.

Особенно широкое распространение культ Ники получил при Александре Македонском, которому она вместе с Афиной якобы покровительствовала в его

Рис. 9. Изображение Ники

блестящих победах. В честь этих богинь строились храмы, алтари. При диадохах, которые вели постоянные войны, культ Ники играл также большую роль. Ника изображалась с венком в руке или с пальмовой ветвью, дарующей победителю „пальму первенства“, а иногда со щитом, записывающей на нем собственные победы³⁰. На терракоте из Зар-тепе, по-видимому, можно усмотреть именно щит.

Изображение Ники находят и на монетах VI в. до н. э. из Сиракуз и других городов Сицилии³¹, на монетах Северного Причерноморья вплоть до IV в. н. э., на греко-бактрийских монетах Стратона³², на кушанских монетах Мавва³³ и Хувишки³⁴.

³⁰ А. М. Мионов, Изображение богини победы в греческой пластике, Казань, 1911, стр. 156.

³¹ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА СССР, № 16, М.—Л., 1951, стр. 62.

³² Там же, табл. XI, 5.

³³ Там же, табл. XIV, 2, 7, 8.

³⁴ Там же, табл. XXVIII, 13.

К I—II вв. н. э. относится терракота, верхняя часть которой (от пояса) не сохранилась. Размеры ее—9×5×2 см. Изготовлена она при помощи штампа. Тыльная сторона гладкая (рис. 10). Терракота изображает женщину, одетую в прозрачный хитон, который спускается легкими ниспадающими складками к ступням ног. Поверх хитона наброшена легкая одежда, не достигающая до колен. Ткани облегают ноги и живот фигуры.

Во всей позе чувствуется легкость и грациозность. Левая нога несколько выступает вперед. Правая рука опущена вдоль туловища и поддерживает складки одежды. В талии одежда перехвачена поясом, завязанным в середине узлом; концы пояса спускаются по обе стороны живота.

Сравнивая нашу терракоту с эллинистической скульптурой богини луны Селены, хранящейся в Ватиканском музее³⁵, можно предположить, что данная статуэтка изображает это же божество.

Заслуживает внимания еще одна плохо сохранившаяся женская головка³⁶, прической и овалом лица напоминающая терракотовые головки от женских протом, обнаруженных при раскопках античного города Нимфея, на берегу Керченского пролива³⁷ (они относятся к V—II вв. до н. э.).

Одной из самых интересных статуэток, найденных на городище, является терракота, изображающая фигуру обнаженного мужчины. Статуэтка изготовлена при помощи штампа и сохранилась не полностью: отбиты голова и правая рука. Общая высота статуэтки—14,5 см.

Рис. 10. Терракотовая статуэтка богини луны Селены

³⁵ О. Ф. Вальдгауэр, *Античная скульптура*, стр. 40, рис. 16.

³⁶ Л. И. Альбаум, *Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.)*, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. VII, Ташкент, 1955, стр. 121, рис. 4.

³⁷ М. М. Худяк, *Работы Нимфейской экспедиции 1939 года*, Труды Отдела истории, искусства и культуры античного мира, т. I, Л., 1945, стр. 161, табл. XIX.

Тыльная сторона заглажена рукой. Края глины, оставшиеся после отжима штампом, загнуты и притерты к бокам фигуры. Левая нога отставлена назад, правая — несколько выступает вперед. Туловище и плечи отклонены вправо. Мышцы живота и груди находятся в край-

Рис. 11. Терракотовая статуэтка
Лаокоона

нем напряжении: резко подчеркнута их мускулатура. Отбитая правая рука раньше была поднята кверху. Вокруг левой ноги в три оборота обвилась большая змея, впившаяся зубами в бедро. От второй змеи, обвившейся вокруг шеи, остались лишь небольшие следы на левом плече и под шеей. При беглом осмотре статуэтки бросается в глаза поразительное сходство ее с известной скульптурой Лаокоона³⁸, хотя терракота сделана намного грубее (рис. 11) и не является копией с родосской скульптуры. Все детали тела переданы схематично и не везде проработаны. Так, например, мы не видим пальцев на левой руке. Статуэтка была покрыта красным ангобом, следы которого сохранились в углубленных местах.

Согласно древнегреческому эпосу, Лаокоон — троянский жрец — пытался спасти Трою. Он предупре-

ждал своих сограждан о коварном замысле ахейцев, оставивших под стенами Трои, после мнимого отступления, громадного деревянного коня. Лаокоон не без основания говорил, что в этом кроется какая-то военная хитрость. В отместку за это бог Посейдон, стремившийся погубить Трою, послал двух больших змей, которые убили Лаокоона и его сыновей. Родосские скульпторы запечатлели момент, когда змеи обвились вокруг тел своих жертв.

Виргилий в «Энеиде» несколько по-другому описывает гибель Лаокоона и его сыновей:

³⁸ Скульптурная группа Лаокоона выполнена родосскими мастерами Гегесандром, Полидором и Афанадором в середине I в. до н. э. В настоящее время она хранится в Ватикане.

«Чудовища прянули дружно
 К Лаокоону и, двух сынов его малолетних
 Разом настигнув, скрутили их тело и, жадные втиснув
 Зубы им в члены, загрызли мгновенно обоих; на помощь
 К детям отец со стрелами бежит; но змеи, напавши
 Вдруг на него и спутавшись крепкими кольцами, дважды
 Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
 Телом чешуйчатым и грозно над ним поднялись головами.
 Тщетно узлы разорвать напрягает он слабые руки —
 Черный яд и пена текут по священным повязкам.
 Тщетно, терзаем, пронзительный стон к звездам он подымлет»³⁹.

Это описание совпадает с изображением терракоты, найденной на Зар-тепе.

Вероятно, наша терракотовая скульптура выполнена художником, хорошо знакомым с греческой мифологией, и в ней запечатлен момент после того как змеи «загрызли мгновенно обоих» сыновей Лаокоона и, напав на него, «крепкими кольцами дважды чрево и грудь и дважды выю ему окружили». Не исключена возможность, что коропласт-художник был знаком с оригиналом или копией родосской скульптуры, но ввиду сложности воспроизведения всей группы он ограничился изображением центрального персонажа.

Изображение змей часто встречается в памятниках искусства Средней Азии. У древних иранцев Зрван считался первым божеством. В их представлении это — крылатый старец с головой льва и телом, обвитым кольцами змей⁴⁰. Однако змеи и фигура Зрвана не имеют никакого сходства с терракотой Зар-тепе, которая, без сомнения, изображает Лаокоона.

Находка статуэтки Лаокоона не является неожиданностью. Известно, что Кушанская империя в I—II вв. достигает своего наивысшего расцвета. В это время расширяются международные связи, в частности с Римской империей, куда в 99 г. было направлено кушанское посольство.

При Канишке (78—123 гг.) государственной религией был буддизм, но одновременно существовали и другие религии. Об этом свидетельствует нумизматический материал: на некоторых монетах Канишки имеются изображения Шивы с быком, на других — индусских, греческих и эламских богов, а также богов культа Митры и зороастризма⁴¹.

В разных частях обширной Кушанской империи существовало множество культов, различный характер носила и культура этих рай-

³⁹ Римские поэты в биографиях и образцах, Составил В. Алексеев, СПб., 1897, стр. 353.

⁴⁰ К. В. Тревер, Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма, ТОВЭ, т. I, Л., 1939, стр. 244 и др., табл. III, IV, VI.

⁴¹ Ё. К. Спнха, А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954, стр. 81.

онов. Основными культурами, которые сталкивались на территории государства кушан, были эллинистическая и индийская. Степень их влияния на местную культуру в различных частях империи была неодинаковой. Так, на территории Индии эллинское искусство, слившись с индийским, дало новый вид искусства, называемый греко-буддийским, или гандхарским.

Изучая памятники эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, Г. А. Пугаченкова пришла к выводу, что при кушанах была создана своя оригинальная архитектура, качественно уступавшая Западу, но бережно сохранившая местные традиции, что спасло ее от внешне декоративного подражания гандхарской школе. По мнению Г. А. Пугаченковой, не Гандхара, а Бактрия была подлинным очагом эллинизма в Центральной Азии⁴².

То же самое можно сказать вообще об искусстве этого времени. Конечно, греческое искусство, попав на среднеазиатскую почву, под воздействием местных традиций видоизменилось, но не так сильно, как в Гандхаре.

В связи с этим необходимо упомянуть айртамский фриз, который вошел в научную литературу благодаря работам М. Е. Массона⁴³. В этих работах М. Е. Массон суммировал некоторые сведения, касающиеся памятников материальной культуры, найденных в Средней Азии и относящихся к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры.

Местными мастерами отдельные предметы искусства изготавливались по эллинистическим образцам, которые они видели, или по мифам, которые были хорошо знакомы местному населению. Наряду со статуэтками, изготовленными по греко-римским образцам, нам известны терракотовые статуэтки, датируемые этим же временем и связанные с буддийским культом⁴⁴.

Буддизм, начавший проникать во II—I вв. до н. э. в Среднюю Азию, при кушанах становится государственной религией. Насколько прочно он вошел в быт, можно судить хотя бы по тому, что даже

⁴² Г. А. Пугаченкова, Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, Труды АН УзССР, сер. I, т. II, История, археология, Ташкент, 1945, стр. 79.

⁴³ М. Е. Массон, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Материалы Узкомстариса, вып. I, Ташкент, 1933; он же, Скульптура Айртама, ж. «Искусство», М., 1935, № 2.

⁴⁴ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 79; Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда, КСИИМК, вып. VI, М.—Л., 1940, стр. 31; он же, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 95; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 139.

бытовая посуда I—II вв. украшалась штампом с изображением ступни Будды.

Среди предметов, явно относящихся к буддийскому культу, на Зар-тепе имеются так называемые образки, на которых изображен сидящий на коврике Будда. Такие образки были обнаружены ТАКЭ в Термезе⁴⁵, а также в Согде, где они датируются Г. В. Григорьевым I в. до н. э. — II в. н. э.⁴⁶ А. И. Тереножкин⁴⁷ датирует эти образки V—VI вв.

Среди терракот древнего Хорезма имеются также изображения Будды, сидящего со скрещенными ногами или же с подогнутой одной ногой, в то время как вторая согнута в колене, поднятом кверху. По типу эти терракоты близки к таким же статуэткам гандхарского круга и датируются временем не ранее I в. н. э.⁴⁸

Кроме буддийских образков, на городище найдены статуэтки обезьян, изображения которых в большом количестве мы находим в Хотане⁴⁹, где они выполнены с большим мастерством⁵⁰, хотя, как и в Средней Азии, обезьяны в Хотане не водились⁵¹. Терракотовые статуэтки обезьян из Старого Термеза, по определению М. Е. Массона, выполнены в подражание обезьянам Южного Афганистана *Macacus ghesus*, где они водятся и в настоящее время⁵².

Одна из терракотовых статуэток (рис. 12) изображает обезьяну, играющую на музыкальном инструменте — сириксе. Подобные статуэтки найдены в Хотане и на городище Афрасиаб⁵³; датируются они первыми веками нашей эры.

В 1948 г. в Таджикистане была обнаружена терракотовая фигурка обезьяны, бьющей в барабан⁵⁴.

Найденные на городище Зар-тепе две терракотовые фигурки, изо-

⁴⁵ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 79, рис. 54.

⁴⁶ Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда, стр. 31; он же, Городище Тали-Барзу, стр. 95, табл. III, рис. 3.

⁴⁷ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 161.

⁴⁸ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 199, табл. 76, рис. 1, 2, 3.

⁴⁹ Г. Кизерицкий, Хотанские древности из собрания П. Ф. Петровского, ЗВОРАО, т. IX, вып. I—IV, СПб., 1896, стр. 181—188, рис. IV, 16—22.

⁵⁰ A. Stein, *Ancient Khotan*, vol. II, Oxford, 1907, tabl. XLVI, XLVII.

⁵¹ Там же, стр. 208.

⁵² М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 75.

⁵³ И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890; В. А. Мешкерис, Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории, Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954.

⁵⁴ Н. Н. Забелина, Новые археологические находки из Гиссарской долины, Сообщение Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР, вып. I, Сталинабад, 1952, стр. 25—26, рис. 2, 3.

бражающие бадисатв⁵⁵, сохранились, как и большинство терракот, не полностью: отбиты головы и ноги (рис. 13). Размеры одного фрагмента — 10×6×3,2 см. Фигура изображает человека, руки которого согнуты в локтях и сходятся на середине туловища. В руках какой-то предмет. Плечи широкие, талия узкая, на груди, под шеей,— полукруг, по-видимому гривна.

Рис. 12. Обезьяна, играющая на сиринксе

Фигура, вероятно, обнажена, так как в трактовке живота и бедер не чувствуется линий тканей. Живот округлый, мягкий, таз по сравнению с плечами узкий. Хотя голова отбита, но осталась часть широкого подбородка и круглых серег или мочек ушей. Терракота покрыта красным ангобом. Вторая аналогичная терракота сохранилась значительно хуже.

Кроме того, на городище было найдено несколько выполненных в различной технике терракот, изображающих женщин. Статуэтки относятся к различным периодам и имеют определенное культовое назначение, олицетворяя собой богиню плодородия Анахиту. Между собой они различаются по форме изображения.

Одна из них обнаружена в юго-восточной части городища (рис. 14). Размеры ее — 9,5×3,4×2,5 см. Несмотря на то, что статуэтка сохранилась хорошо, поверхность ее, ранее покрытая белым ангобом, несколько стерлась. Лицо вытянутое, глаза хорошо выражены, брови широкие, прямые, нос и губы сбиты, шея слегка вытянута. Головной убор высокий, полукруглый. Фигура одета в платье, спускающееся книзу складками. Воротник обхватывает шею и спускается между грудями, выполненными в виде двух небольших круглых наделов. Нижний конец воротника придерживается согнутой в локте правой рукой. Левая рука опущена и держит инвеститурное кольцо. Складки одежды,

Рис. 13. Терракотка бодисатвы

⁵⁵ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 80, рис. 55.

как и обшлага рукавов, модулированы схематично. Аналогичная статуэтка худшей сохранности была найдена на территории Старого Термеза⁵⁶.

Очень интересна терракотовая статуэтка обнаженной женщины (рис. 15) с подчеркнутым половым признаком. Верхняя часть туловища и часть ног отбиты. Отчетливо, с большим мастерством, несмотря на кажущуюся сначала грубость в отделке, переданы художником-коропластом отдельные детали тела.

Рис. 14. Анахита

Рис. 15. Фрагмент статуэтки
обнаженной женщины

Статуэткам, изображающим богиню-мать, придавалось особое магическое значение: с помощью последних можно было якобы получить умножение потомства, в частности прекратить бесплодие⁵⁷.

В Средней Азии при археологических раскопках иногда находят статуэтки, изображающие обнаженную богиню плодородия Анахиту. В некоторых случаях одна рука богини поддерживает грудь, а иногда держит перед собой плод, вторая рука опущена книзу и приставлена к лону. Такие статуэтки, например, были найдены на городище Джанбас-кала в Хорезме⁵⁸ и относятся ко времени не ранее I в. до н. э. Этот

⁵⁶ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 77, рис. 49.

⁵⁷ М. Э. Матье, Коптские и египетские магические женские статуэтки, ТОВЭ, т. I, Л., 1939, стр. 174.

⁵⁸ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 199, табл. 74.

жест, называемый С. П. Толстовым жестом Венеры Медичи, является, по его мнению, важным датирующим признаком и восходит к греческим прототипам, так как он чужд древневосточной художественной традиции. Проникнуть на Восток он мог только в III в. до н. э.⁵⁹

Л. И. Ремпель, описывая терракотовые статуэтки Мерва, приводит фигурку женщины с плодом в одной руке и опущенной книзу живота другой, как бы охватывающей лоно двумя пальцами. Эту статуэтку, а также ряд подобных, он связывает с изображением Анахиты и считает, что данный образ богини плодородия связан с известным в Средней Азии мифом о Нане, которая зачала Аттиса от спрятанного в лоно миндаля. В связи с этим небезынтересно остановиться на китайском литературном памятнике — «Книге песен», где собраны народные песни и культовые гимны, исполнявшиеся при различных религиозных обрядах. В одном из наиболее ранних гимнов (времени Чжоу, XII—VIII вв. до н. э.), посвященных храму, говорится о рождении Государя-Зерно. На его мать Цзян Юань

«Неба верховный владыка послал благодать:
Месяцы вышли, и срок не замедлил настать.
Небом без боли и муки ей было дано
Нашего предка родить — Государя-Зерно»⁶⁰.

Если сопоставить этот текст с описанием вышеприведенных терракот, то можно сделать вывод, что в статуэтках запечатлен момент рождения нового плода — зерна, являющегося, в свою очередь, изначальным для рождения окружающей природы. Это зерно, по представлению древних китайцев, есть бог, научивший всю Поднебесную возделывать землю⁶¹.

Образ богини Анахиты — один из древнейших в Средней Азии и среди местных божеств занимает ведущее место⁶².

Один из штампов для изготовления терракот, найденных на городище, разбит на три части, однако сохранились лишь две. Форма штампа овальная, с боков и с тыльной стороны до обжига он подчищен острым орудием. При оттиске штамп изображает фигурку лежащей на спине женщины (рис. 16). Лицо ее округлое, высоко дугобразно приподняты брови, глаза несколько нависают, крупный нос и выпуклые губы. На голове — небольшая шапочка или волосы, по обеим сторонам лица спущены локоны. Руки разведены по обе стороны туловища, пальцы

⁵⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 199, табл. 74.

⁶⁰ Шицзин (Книга песен), Перевод с китайского А. А. Штукина, М., 1957, стр. 453.

⁶¹ Там же.

⁶² К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 21; она же, Золотая статуэтка из селения Таит (Таджикистан) (К вопросу о кушанском пантеоне), Труды Государственного Эрмитажа, т. II, М.—Л., 1958, стр. 135.

правой руки полусогнуты. Левая кисть отбита. Ноги книзу немного расставлены, ступня правой ноги повернута вправо, левая нога не сохранилась. Женщина одета в платье, рукава у кистей рук образуют складки. Спереди подол платья приподнят, обнажая ноги и нижнюю часть живота с резко подчеркнутым лоном. На шее — широкий вырез с круглым украшением в середине (гривной). Возможно, что данное изображение связано с гетеризмом, как это имело место в древней Греции⁶³.

О том, что в Средней Азии при храмах были такие женщины, мы узнаем из одного пехлевийского текста сасанидского времени, в котором говорится: „В Самарканде семь святилищ огня... Проклятый Афрасиаб, Туранец, сделал каждое из них пристанищем демонов и храмом непотребных женщин“⁶⁴. Именно такую женщину-жрицу изобразил, возможно, коропласт в штампе, обнаруженном на городище Зар-тепе. Датировать штамп можно V—VI в. н. э.

Рис. 16. Жрица

Найдена еще одна статуэтка полуобнаженной женщины (рис. 17). Голова и ноги ниже колен у нее отбиты. По типу она напоминает египетские фигурки женщин, изображенных в сосредоточенно-неподвижном состоянии. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук выполнены схематично, на предплечьях какие-то украшения в виде браслетов с круглыми бляхами с наружной стороны. Прямые волосы доходят до плеч и ровно подстрижены внизу, о чем можно судить по сохранившейся части волос над левым плечом фигурки. С шеи к животу спускается длинная лента с подвешенным на ней украшением. Бедра обхватывают восемь лент (по четыре с каждой стороны), сходящиеся в нижней части живота. Форма туловища передана правильно. Раз-

⁶³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1946, стр. 63.

⁶⁴ Цит. по статье Г. А. Пугаченковой «Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда», «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», Сталинабад, 1952, № 2, стр. 56.

меры фрагмента — 8,5×5,5×2,5 см. Терракотка, по-видимому, изображает танцовщицу. Такие статуэтки часто встречаются при археологических работах.

Так, например, при раскопках в Гяур-кала была найдена статуэтка обнаженной танцовщицы, близкая, по определению Л. И. Ремпеля,

Рис. 17. Терракотовая статуэтка танцовщицы

к индо-греческим образцам. Изображение танцовщиц прослежено Л. И. Ремпелем в эллинистическом искусстве, где они представлены в виде пляшущих спутниц Диониса, а также на ранних монетах греко-бактрийских царей⁶⁵. Датируются эти терракотки первыми веками нашей эры и связаны с культом Диониса в Средней Азии⁶⁶.

Изображение пляски в культе Вакха-Диониса мы находим на одном из сосудов, обнаруженных в Старом Термезе⁶⁷; Г. А. Пугаченкова датирует этот сосуд первыми веками нашей эры.

Данные о танцовщицах можно найти в китайских хрониках, где имеются сведения о том, что в числе

подарков, присланных китайскому двору, были «тюркистанские танцовщицы»⁶⁸.

Все это свидетельствует, что изображение танцовщиц, принимавших участие в культовых празднествах, было широко распространено начиная с первых веков нашей эры.

Из терракот, относящихся к V—VII вв., можно указать еще на две (рис. 18). Они представляют собой фрагменты мужских фигур, на головном уборе которых видны семь выпуклых украшений. Известно, что владетель Самарканда носил «золотой венец с семью дорогими камнями»⁶⁹. Лица выполнены сравнительно хорошо, сохранившаяся у одной из статуэток часть туловища трактована очень схематично.

⁶⁵ Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 349, рис. 26.

⁶⁶ Там же, стр. 351.

⁶⁷ Музей истории АН УзССР, инв. кн. № 4, 378.

⁶⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 311.

⁶⁹ Там же, стр. 271.

Среди обнаруженных терракот выделяется целая группа статуэток, которые изображают всадников (рис. 19). Такие терракоты в большом количестве встречались в Мерве и Согде и датируются Л. И. Ремпелем III—IV вв.

Л. И. Ремпель объясняет их примитивность и грубость изображения не падением искусства, а отказом от господствовавших до того образцов. „Значение фигурки как оберега или амулета, должно быть, оттеснило на задний план художественно-эстетическую функцию статуэток...“ и они могли служить „для полшаманских заговоров и заклинаний“⁷⁰.

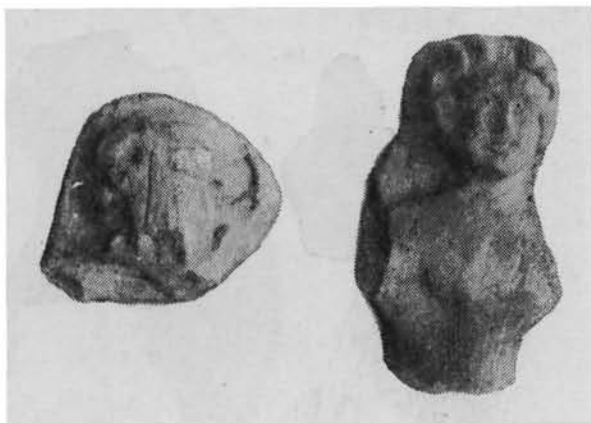

Рис. 18. Фрагменты терракотовых статуэток

У нас нет прямых оснований опровергать данное предположение. Но учитывая, что в IV в. наступил кризис, во время которого городская жизнь приходит в упадок, вряд ли можно говорить, что такое большое количество терракотовых статуэток могло быть изготовлено в почти заброшенных городах.

В Согде, в частности на городище Афрасиаб, было найдено много статуэток всадников с булавами в руках, которые неоднократно описывались⁷¹ и являлись предметом специального изучения⁷²; датируются они VI—VIII вв.

Нам кажется, что идольчиков-всадников, найденных в Ангорском районе, правильнее связать именно с этой группой терракотовых статуэток и датировать их не III—IV вв., а более поздним временем, примерно VI—VII вв.

Среди большого количества терракот часто встречаются изображения лошадей и верблюдов, реже — баранов, быков и фантастических животных. Эти статуэтки можно разделить на группы.

Группа I. Терракоты изображают лошадей (рис. 20, а). Сохранились в основном части голов и шеи или только туловища. У лошадей

⁷⁰ Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, стр. 352.

⁷¹ И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, стр. 29, рис. 28; Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, табл. V, рис. 3.

⁷² С. Trever, Terracottas from Afrasiab, Leningrad, 1934, tabl. 9—10; Ф. А. Заславская, Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР, Труды Музея истории УзССР, вып. III, Ташкент, 1956, стр. 88.

прямая выступающая грива, переходящая на голове в большой гребень. На некоторых статуэтках, помимо гребня, видны места от сбитых рогов. На шее у животных можно заметить остатки рук всадников.

На двух фигурках лошадей — орнамент в виде квадратных и продолговатых клеток, получившихся от пересечения процарапанных линий, изображающих панцирь или чешую.

Рис. 19. Фрагменты терракотовых статуэток всадников

Некоторые из терракот представляют фигурки лошадей с подстриженной гривой.

Группа II. Терракоты изображают животных, напоминающих лошадей, с длинными шеями и с рогообразным выступом на голове

Рис. 20. Фрагменты терракотовых статуэток лошадей и фантастических животных

(рис. 20, б). Глаза имеют иногда вид небольшого налёпа, а в некоторых случаях процарапаны или сделаны штампом⁷³.

Группа III. Терракоты изображают верблюдов (рис. 21). Верблюд в жизни народов Средней Азии всегда имел особенно большое значение и, несомненно, считался одним из весьма почитаемых животных.

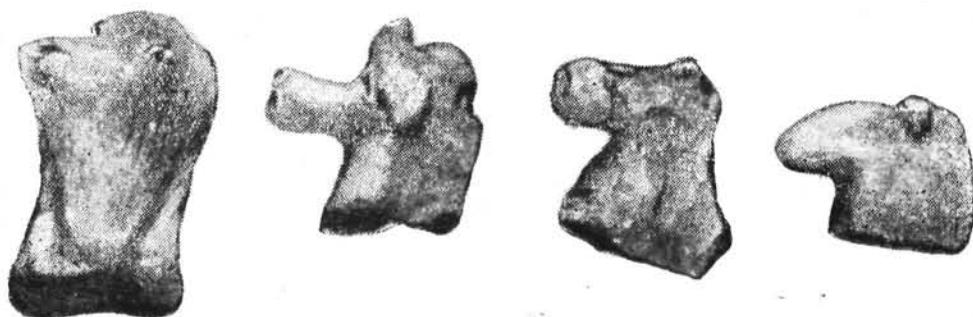

Рис. 21. Фрагменты терракотовых статуэток верблюдов

Группа IV. К ней относятся ручки различных сосудов, выполненных в виде фантастических животных; многие из них покрыты красным ангобом (рис. 7). Подобные ручки найдены в Старом Термезе⁷⁴.

Датируя первую группу статуэток животных VI—VII вв., мы исходили из того, что на их шее, а также на туловище сохранились следы рук и ног вышеописанных идольчиков-всадников, относящихся, как указывалось выше, к этому же времени.

Аналогии второй группе статуэток имеются среди терракот Хорезма, найденных в районе Тешик-кала, Джанбас-кала и Базар-кала⁷⁵, датируемых III в. до н. э. — I в. н. э. Возможно, что часть статуэток второй группы могла быть изготовлена в первые века нашей эры.

Для датировки статуэток верблюдов⁷⁶ и ручек сосудов в виде животных привлечен термезский материал, где подобные фигуры относятся к I—II вв.

Выше была дана лишь предварительная характеристика найденных терракотовых статуэток. Введение их в научный обиход даст возможность специалистам-искусствоведам уточнить их определение и датировку.

⁷³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 207; Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, табл. 1, рис. 4; С. Trever, Terracottas from Afrasiab, tabl. XI, pl. 158, 160, 167.

⁷⁴ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 75.

⁷⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 206, табл. 80, рис. 1, 3.

⁷⁶ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 74, рис. 44.

При поверхностном изучении городищ, помимо терракотовых статуэток, было обнаружено большое количество различных монет. Основные находки их связаны с городищем Зар-тепе (рис. 22). Изучение нумизматического материала позволяет дать более точную периодизацию района.

Наиболее ранними являются монеты, относящиеся к чекану Гелиокла, одного из последних царей Греко-Бактрийского государства. Монеты эти медные. Они представлены двумя номиналами, отличающимися друг от друга как по размерам, так и по характеру надписей.

1. Аверс. В круге — голова царя вправо. Перед лицом — следы легенды, выполненной греческими буквами.

Реверс. В центре, в фас, изображен стоящий Зевс, опирающийся на копье, над головой — пять расходящихся лучей. Левая рука с пучком молний опущена вниз. С правой стороны — плохо сохранившаяся легенда, выполненная греческими буквами. Слева внизу — надпись, сделанная негреческим шрифтом. Диаметр — 3,7 см, вес — 23,21 г.

Вторая монета данного типа найдена в шурфе, заложенном нами на городище Зар-тепе на глубине около 6 м от поверхности рядом с сырцовым кирпичом размерами 30×30×14 см. Сохранность монеты плохая. Диаметр ее — 2,9 см, вес — 22,64 г.

2. Аверс. Голова царя вправо. Волосы перетянуты двойной лентой — диадемой.

Реверс. Видна рука божества, опирающаяся на копье, внизу — следы греческой легенды. Диаметр монеты — 1,9 см, вес — 2,35 г.

На городище Зар-тепе обнаружена одна серебряная монета, относящаяся к чекану Гиркода⁷⁷, правление которого приходится на середину I в. до н. э. Аналогичные монеты были найдены на Варахше.

Аверс. Голова царя вправо. Волосы, зачесанные от лба за уши, перетянуты диадемой. Усы опускаются книзу. От средней части носа к скуле через всю щеку проходит выпуклая линия.

Реверс. В центре, в фас — фигура какого-то божества, стоящего во весь рост. В правой руке держит копье, в левой, согнутой в локте, — конец ткани, охватывающей бедра. Другой конец ткани переброшен через правое плечо и спускается книзу за спиной. Справа и слева — части греческих букв, которые при чеканке монеты полностью не получились (диаметр — 8 мм, вес — 1,2 г).

Очень интересна редкая монета⁷⁸, относимая, по определению В. М. Массона, к чекану неизвестного правителя Сападбиза (Sapad-bizes).

⁷⁷ P. Cardner, *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum, London, 1886, pl. XXIV, No. 9.*

⁷⁸ Там же, No. 15.

Рис. 22. Типы монет Ангорского района

1-2-монеты Гелиохла; 3-монета Сапабиза; 4-монета Гуркела; 5-6-монеты Радфиза I; 7-монета Хувишки; 8-монета Хормизда II; 9-10-монеты афталитского чекана; 11-современная монета

Аверс. Голова царя вправо. На голове — шлем. С левой стороны от головы — следы надписи.

Реверс. В центре — фигура какого-то животного на высоких ногах с изгибающимся туловищем и длинной шеей. Слева, справа и внизу — следы легенды.

Обычная легенда: на реверсе:

MAMAIA
на аверсе АΓΕΕΙ ΝΑ
CΑΠΑΔΒΙΖ
CΑΠΑΔ (?) ΒΙΖΗC

Как считал Тарн⁷⁹, правление Сападбиза относится ко II в. до н. э. Однако, по предположению В. М. Массона, против этого вывода говорит форма сигмы ([вместо ξ]). Он считает, что архаизированный

аверс очень близок к чекану Евкратида. Но оболы Евкратида, и особенно подражания им, были широко распространены в Северной Бактрии. Возможно, что эта интересная монета относится к началу или середине I в. до н. э.

На городище было обнаружено большое количество монет, относящихся к чекану «безымянного царя». Такие монеты очень часто находят как на юге Средней Азии, так и в Индии.

Существует обширная литература о том, какому правителю принадлежат монеты⁸⁰. По мнению М. Е. Массона, они принадлежат чекану Кадфиза I, правление которого приходится на конец I в. до н. э. и первую половину I в. н. э.⁸¹

Найдено два номинала монет чекана этого правителя.

Первую группу составляют монеты, диаметр которых в среднем равен 21—22 мм и вес — 8 — 8,27 г. Их обнаружено более 30 шт.

Аверс. В кругу из точек — голова царя вправо. Волосы перетянуты диадемой. Над головой — расходящиеся лучи. На некоторых монетах очень хорошо виден профиль лица. Прямой, иногда с горбинкой арменоидного типа нос. Рука, согнутая в локте, держит перед лицом,

⁷⁹ W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938, p. 305, No. 2.

⁸⁰ А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 625, рис. III, № 19; P. Gardner, *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum*, tabl. XXIV, No. 3.

⁸¹ М. Е. Массон, Происхождение безымянного «царя царей—великого спасителя». Труды САГУ, Археология Средней Азии, Новая серия, вып. XI, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 47.

на уровне носа или подбородка, редко — ниже подбородка, скипетр. Позади головы, на уровне затылка, а в некоторых случаях и выше, изображена тамга.

Реверс. Всадник на лошади вправо. С головы спускаются две ленточки — от диадемы. В вытянутой вперед правой руке он держит

табар-загнул. Перед лошастью тамга . Вокруг — плохо сохра-

нившаяся легенда, выполненная греческим шрифтом. Обычно это

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΗΤΕΡ ΜΕΓΑΣ „царь царей — великий

освободитель“.

Вторую группу составляют монеты, диаметр которых равен 13—14 мм и вес — около 2 г. Найдено 4 таких монеты, три из них такого же типа, как опубликованные П. Гарднером в каталоге Британского музея⁸².

Аверс. В кругу — голова царя вправо. Следов легенды нет.

Реверс. В центре — всадник на лошади, кругом — следы греческой легенды.

Особый интерес представляет четвертая, хорошо сохранившаяся монета.

Аверс. Голова царя вправо. В левой руке, согнутой в локте, — скипетр. Крупный нос с небольшой горбинкой. Складки одежды у плеча собраны и закреплены фибулой.

Реверс. В кругу из точек — всадник на лошади вправо. Рука всадника, вытянутая вперед, держит табар-загнул. Сзади головы — две ленты. Колени всадника и копыта лошади изображены в виде небольших выпуклых точек. Все детали рисунка выполнены в правильной пропорции. Перед лошастью — тамга.

Эта монета, по-видимому, является новым типом, так как она чеканилась без легенды. Правитель, выпускавший указанные монеты пользовался широкой известностью и чеканил их без имени, но с титулом⁸³. В тех случаях, когда чеканилась монета мелкого номинала, правитель считал возможным, как нам кажется, выпускать ее без легенды, потому что не только титул, но и ее вид были хорошо известны на рынке.

Из более поздних кушанских монет встречаются монеты Канишки, Хувишки и Васудевы. Согласно периодизации, предложенной Р. Гирш-

⁸² P. Gardner, The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum, tabl. XXIV, No. 4.

⁸³ М. Е. Массон, Происхождение безымянного „царя царей — великого спасителя“, стр. 38.

маном и требующей уточнений, существовали три кушанские династии, причем в числе правителей второй династии упоминаются Канишка I (147—172 гг.), Хувишка (172—217 гг.) и Васудева I (217—241 гг.). В третьей династии (вторая половина III — начало IV в.) были еще два правителя — Васудевы II и III; между ними царствовал Канишка II⁸⁴.

Одновременно с поздними кушанскими монетами во второй половине III в. н. э. на изучаемой территории функционируют монеты сасанидского чекана правления Шапура I (242—272 гг.) и Хормизда II (301—309 гг.)⁸⁵

Приведенные нумизматические данные подтверждают высказанное К. В. Тревер мнение о том, что „развитая монетная система и налаженное к концу „этого периода (II—I вв. до н. э.—Л. А.) денежное обращение свидетельствуют о сдвигах в экономической жизни“⁸⁶.

Такое широко развитое монетное хозяйство характерно не только для II—I вв. до н. э.⁸⁷, но и для всего кушанского периода вплоть до начала IV в. н. э.

Городище Хайрабад-тепе находится в 800 м к западу от Ангора и в 3 км к северу от Зар-тепе (рис. 23). Городище прямоугольное, ориентировано с севера на юг с некоторым отклонением от севера к западу; протяженность его в этом направлении 150 м, а с запада на восток—100 м.

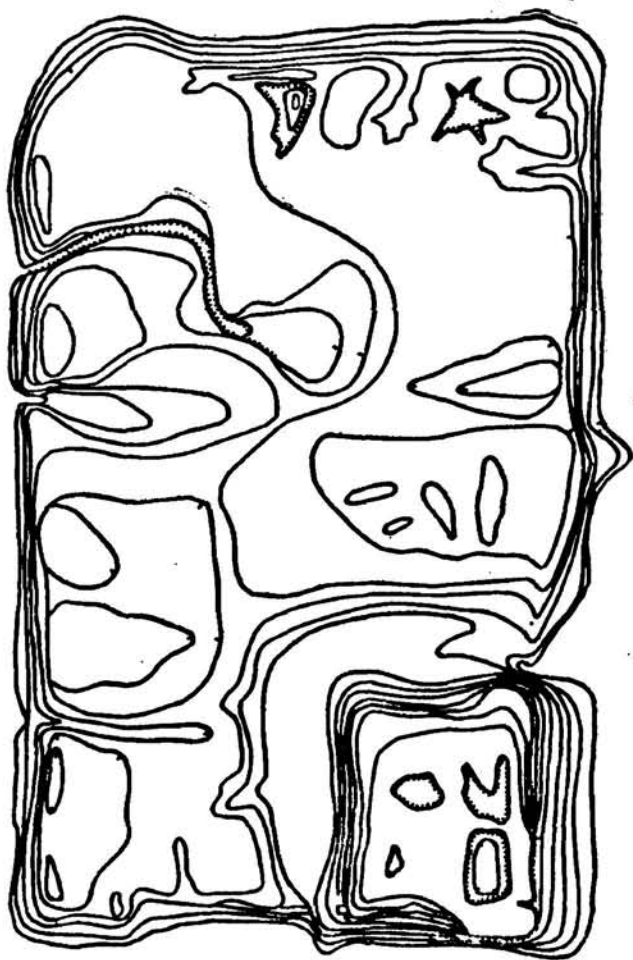

Рис. 23. План городища Хайрабад-тепе

⁸⁴ R. Ghirshman, Bègram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kuchans, MDAFA, vol. XII, Caire, 1946, p. 164.

⁸⁵ Эти монеты определены М. Е. Массоном.

⁸⁶ История Узбекской ССР, т. I, Книга первая, стр. 87.

⁸⁷ В. М. Массон, Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным, ВДИ, М., 1955, № 2, стр. 46.

Стены в виде оплывших валов сохранились на высоту 6—9 м. С наружной стороны они поднимаются под углом 35—45°, с внутренней—находятся на одном уровне с поверхностью городища.

В северной части западной стены видна широкая промоина, разрушившая стену. За промоиной, со стороны городища, расположена площадка диаметром до 7 м, вокруг которой возвышаются небольшие оплывшие холмы, являющиеся остатками бывших помещений. После зачистки, произведенной с северной и южной сторон промоины, удалось проследить толщину крепостной стены, равную 2,5 м. В этом месте она сложена мощными пахсовыми блоками. С внутренней стороны к основной стене примыкает вторая стена. Толщина этой стены, выложенной сырцовым кирпичом размерами 32×32×10 см, положенным на глиняный раствор, равна 2,5 м. Рядом со стеной лежат отпавшие от нее целые блоки из сырцового кирпича.

На расчищенной около стены площадке пола найдены раздавленные обвалившимися глыбами земли керамические сосуды, часть которых удалось восстановить. Некоторые из них имеют энахоевидные горлышки. Носки этих сосудов оттянуты и сужены к концу. С противоположной стороны носика находится фигурно профилированная ручка. Сосуды покрыты красноватым ангобом.

Интересен один сосуд с двумя фигурными в разрезе ручками. На верхнюю часть его тулова и ручек, а также на горло нанесен черный ангоб. Рядом лежал сохранившийся в еще более фрагментарном виде аналогичный сосуд с двумя ручками и широким горлом, но покрытый красным ангобом. Помимо крупных сосудов, тут же были найдены кувшины и части небольших посудин со следами ангобирования, лощения и штампованной орнаментации.

Все эти сосуды сделаны из хорошей глины, на ножном гончарном круге. Мелкие сосуды отличаются изяществом и тонкостью изготовления.

Наряду с керамикой хорошей выделки, здесь находилась керамика грубая, толстостенная, с большой примесью шамота. Качество ее такое плохое, что при прикосновении к ней она рассыпалась. Поэтому целая посуда данного типа встречается редко. Лучшее всего сохранился сосуд для варки пищи в форме полушара, где широкая часть его является плоским дном. С наружной стороны, в средней части тулова котла, на равном расстоянии друг от друга расположены 6 полукруглых ручек. Сосуд сильно закопчен.

Расчищенная нами площадка пола находится на блоке из сырцовых кирпичей, оторвавшихся от одной из стен. Можно сделать вывод, что данное помещение относится к одному из последних периодов жизни городища. Южнее имеется вторая промоина. На этом участке стена выложена из великолепного сырцового кирпича, размеры которого в

нижней ее части — $38 \times 38 \times 10$ см, в верхней — $38 \times 36 \times 10$ и $34 \times 28 \times 10$ см.

Неодинаковые размеры кирпича указывают на два периода в строительстве стены или, что более вероятно, на ее ремонт. О том, что стена была выложена не раньше I в. н. э., свидетельствует монета Кадфиза I, найденная в одном из нижних кирпичей с внутренней стороны стены, ширина которой в этом месте — 2,5 м. Кирпичи положены на раствор глины с саманом; толщина шва между кирпичами достигает 4,5 см⁸⁸. Стена засыпана рыхлой землей и битым сырцовым кирпичом. В нижней части завала видны целые сырцовые кирпичи размерами $34 \times 28 \times 10$ см.

Рис. 24. Монета Нерона.

Изучая топографию поверхности Хайрабад-тепе, можно проследить небольшой вал, который проходит с запада на восток через середину городища и делит его на две половины: северную и южную. Высота вала — от 0,5 до 1 м. Южная часть городища выше северной, но, в свою очередь, понижается к северо-западу.

На основании зачинок, произведенных в промоинах западной стены, мы пришли к следующему заключению.

Городище при его сооружении имело форму квадрата, и стены его были выложены из сырцового кирпича. Затем в какой-то период городище расширили в северную сторону до современных его размеров и стены соорудили из пахсовых блоков. Вал же является гребнем бывшей внешней северной стены.

⁸⁸ Произведенные в 1954 г. в этом месте раскопки показали, что к стене примыкали помещения, в одном из которых, наряду с кушанскими монетами, была найдена монета Нерона (рис. 24).

В юго-восточном углу Хайрабад-тепе расположена квадратная в плане (50×50 м) цитадель, отделенная от городища с северной и западной сторон ровом шириной по дну до 30 м. С наружной стороны юго-восточного угла после расчистки хорошо выявились бойницы.

Бойницы цитадели находятся на одном горизонтальном уровне и имеют несколько необычную форму: в верхней части ширина бойниц равна 18—20 см, а в нижней — 10—12 см. Высота бойниц — 85 см, толщина стен — более 2 м.

На поверхности цитадели обнаружено много провалов, четыре из которых — больших размеров. В провалах можно было проследить остатки стен, выложенных сырцовым кирпичом. На одной из широких сторон кирпича — тамга в виде глубокого отпечатка раздвоенного копыта барана. Другие формы тамг не встречались.

На поверхности городища найдено много фрагментов керамики, однотипной с обнаруженной на Зар-тепе. Значительное количество фрагментов сосудов покрыто красноватым или черным ангобом. На многих фрагментах, помимо ангоба, имеется орнаментация штампом или лощением. Найдено несколько монет плохой сохранности, относящихся по типу к кушанскому и сасанидскому периодам.

За пределами городища с восточной стороны находятся небольшие холмики, керамика которых относится к IX—XII вв. С юго-восточной стороны городища расположено современное кладбище.

Керамический материал, выбрасываемый вместе с землей во время рытья могил, датируется тем же временем. На территории кладбища находится мазар, который пристроен к стене, сложенной из сырцового кирпича саманидского типа размерами 22×22×3—4 см.

Для датировки памятника необходимо кратко остановиться на археологических раскопках, произведенных в 1954 г. на цитадели городища Хайрабад-тепе.

Эти раскопки позволили установить четыре основных периода существования и перестроек. К последнему периоду относятся все помещения (более 20 комнат), вскрытые на поверхности цитадели (рис. 25).

Остатки стен этих помещений сложены из сырцового кирпича размерами 50×25×8, 50×30×8 и 45×25×8—10 см.

В некоторых помещениях сохранились остатки суф (рис. 26), одна из которых, находящаяся в юго-восточной комнате, покрыта слоем алебаstra.

Во всех помещениях было найдено большое количество керамики в основном от крупных сосудов типа хумов. В некоторых помещениях хумы вделаны в пол.

В северо-западной части цитадели вскрыты помещения, пол которых был выстлан жженым, не всегда точно квадратным кирпичом раз-

личных размеров; по-видимому, установившегося стандарта жженого кирпича не было. Размер наиболее крупных кирпичей — $60 \times 60 \times 10$ см (рис. 27).

Помимо толстостенной керамики, в помещениях этого периода находились фрагменты сосудов, а иногда и целые сосуды высокого качества. Они сделаны из хорошо отмученной глины и покрыты красным ангобом (рис. 28).

Рис. 25. Общий вид раскопок Хайрабад-тепе

Нумизматический материал с цитадели, как подъемный, так и из раскопа, очень разнообразен и требует тщательного изучения. В числе находок попадались монеты Кадфиза I, Канишки, Хувишки, а также раннесасанидские. Но все они встречались в верхних слоях, а не на полу. Судя по этим находкам, можно было бы датировать верхний строительный горизонт временем не ранее III в. н. э., т. е. датой самых молодых монет, обнаруженных нами. Но при расчистке полов были найдены еще две серебряные монеты, одна из которых рассыпалась, вторая же принадлежала к эфталитскому чекану. Переданная для более точного определения профессору М. Е. Массону монета оказалась типичным низкопробным диргемом среднеазиатского эфталитского чекана второй половины V или начала VI в. Выбитые на аверсе и реверсе изображения являются подражанием монетам Фируза (457—483 гг.).

Аверс. В кругу диаметром 17 мм — голова царя в сложном головном уборе. Черты лица несколько схематизированы. За кругом —

широкое поле, разделенное круглыми точками на четыре равные части. Справа и слева между точками изображены тамги. Внизу надпись, читаемая М. Е. Массоном как М?.. А М. В верхней части поля — кружок с двумя линиями в середине.

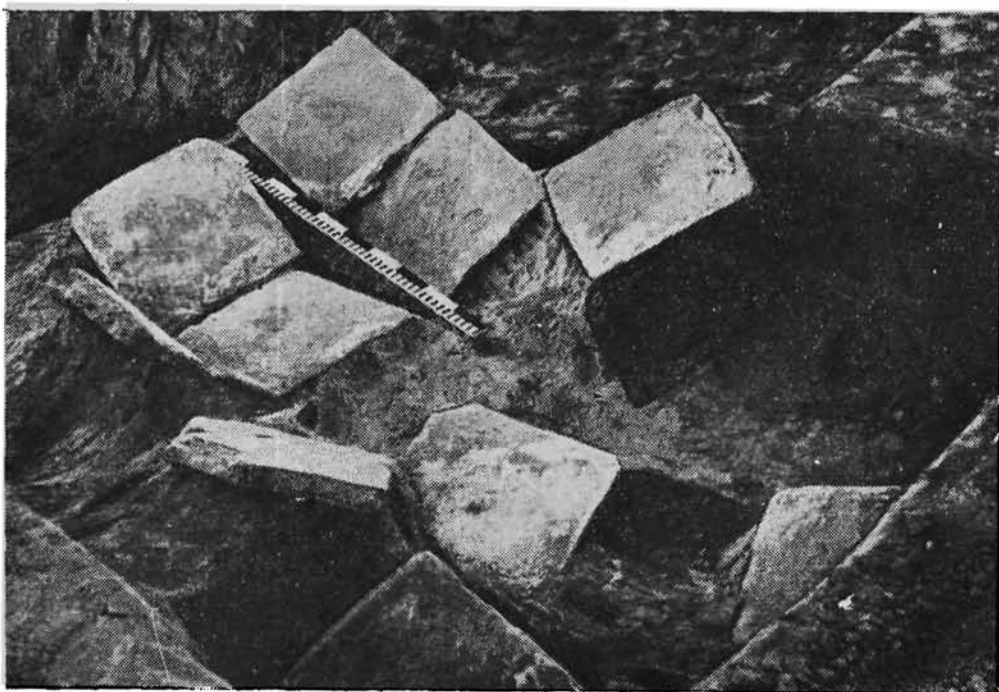

Рис. 27. Кирпичи пола северного помещения

Реверс. В кругу диаметром 20 мм изображен жертвенник с пламенем, с обеих сторон которого находится по одной сильно стилизованной фигуре воина. Их головы (?) выступают за пределы круга. Диаметр монеты — 30 мм, вес — 2,81 г.

Примерно такого же типа монета была найдена в 1928 г. в районе Каптар-хона⁸⁹, в 12 км к северу от Термеза и в 18 км от Ангора. Следовательно, описанная монета могла попасть в помещение Хайрабад-тепе не ранее конца V в. н. э. Других монет непосредственно на полу обнаружено не было. Монеты же более раннего периода, найденные в верхних слоях, могли появиться здесь только во время интенсивной строительной деятельности, когда большое количество земли, бравшейся тут же, на месте строительства, для изготовления кирпича

⁸⁹ М. Е. М а с с о н, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг., ж. «Научная мысль», вып. 1, Самарканд — Ташкент, 1930, стр. 88.

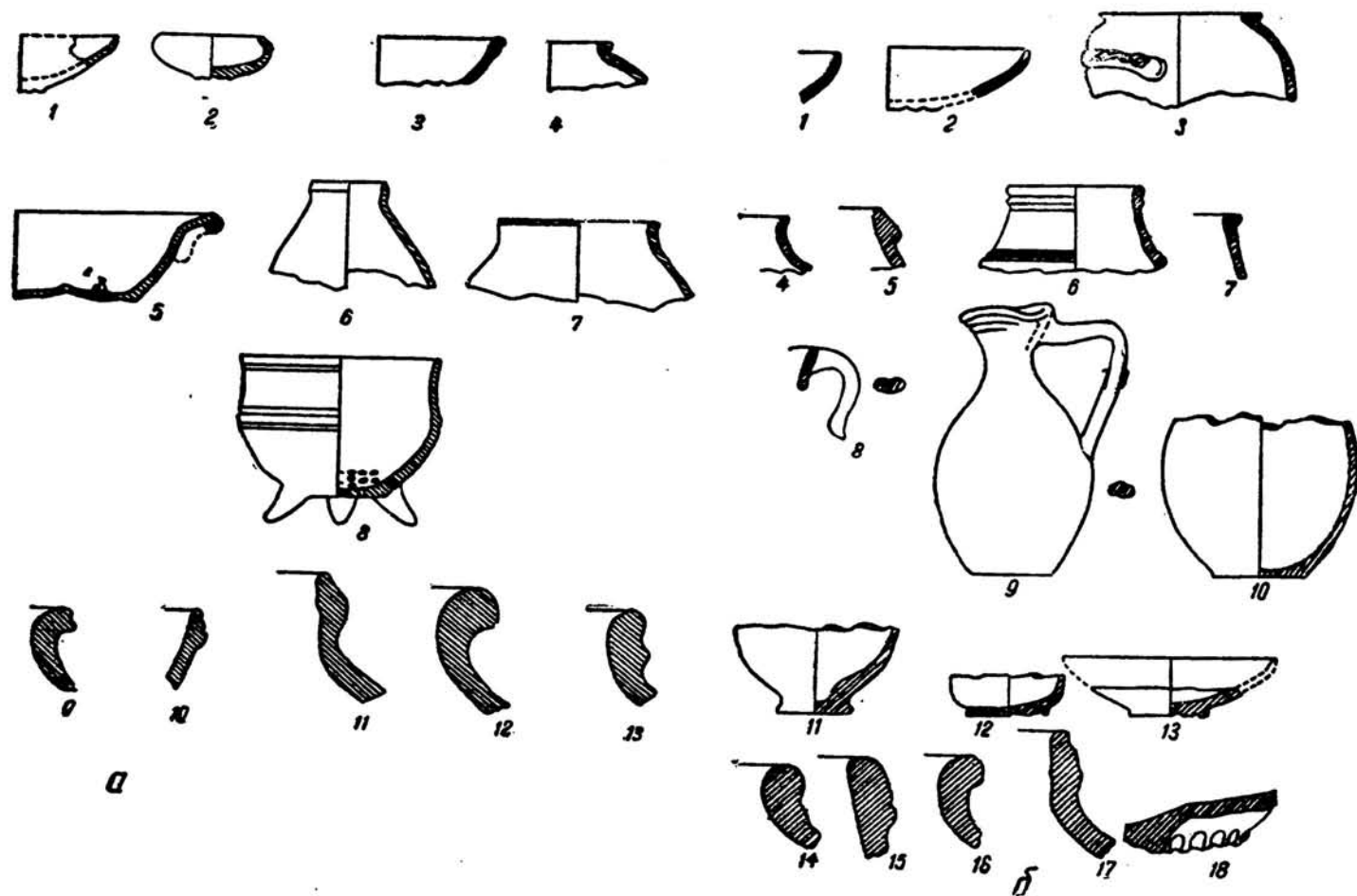

Рис. 28. Керамика Хайрабад-тепе

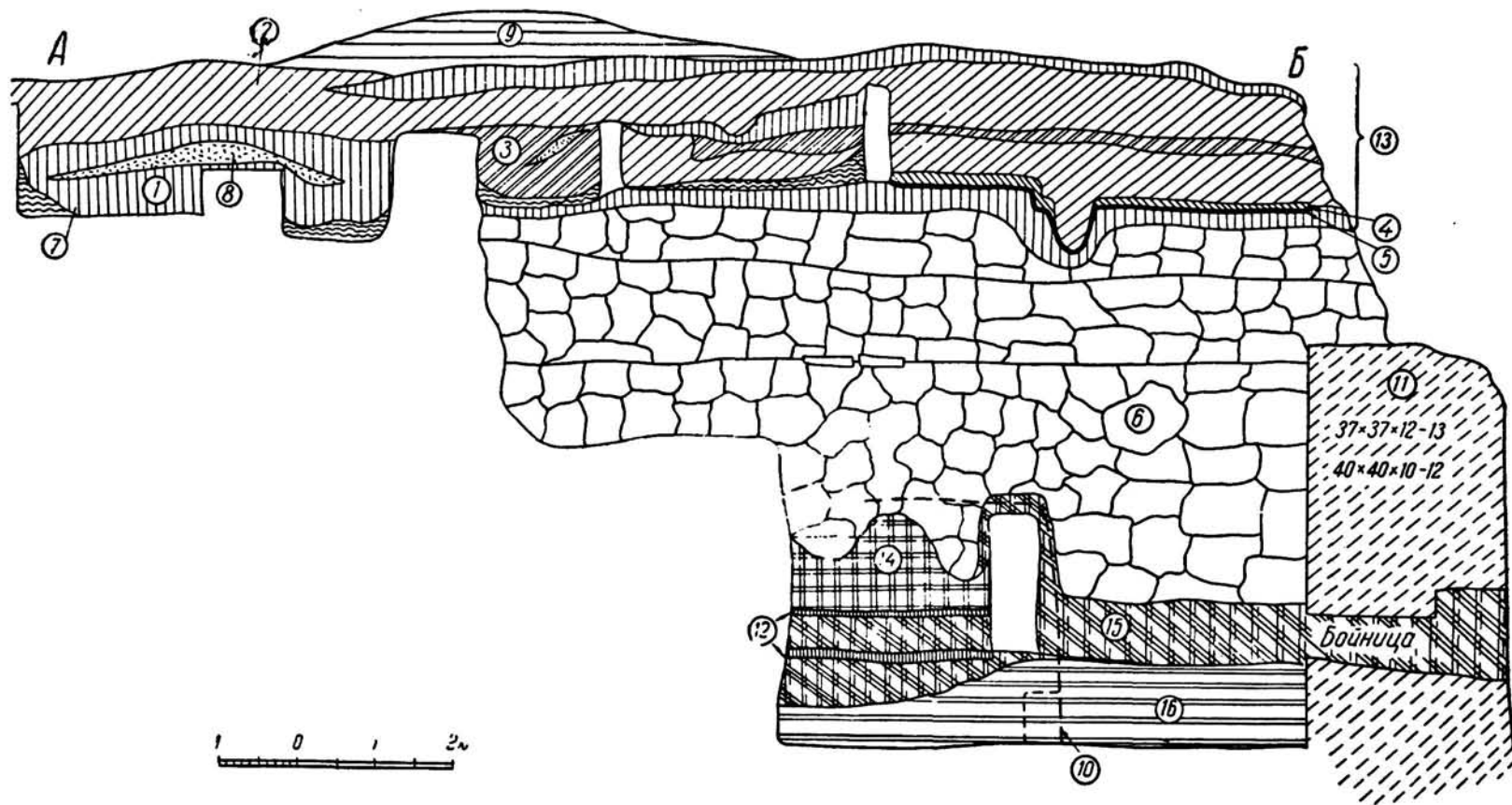

Рис. 29. Стратиграфический разрез цитадели Хайрабад-тепе (линия А-Б)

1-слой уплотненной земли; 2-рыхлая земля с кусочками сырового кирпича; 3-слой с разложившимися органическими остатками; 4-пол, смазанный навозом; 5-ганчевая обмазка пола; 6-пакса; 7-натечный слой; 8-зола; 9-плотные слои; 10-внешняя стена III-I вв. до н. э.; 11-стена и пол I-II вв., 12-стена и пол III-IV вв.; 13-помещения V-VII вв.; 14-рыхлый слой земли с камышом и льястями; 15-рыхлая земля; 16-крупные куски паксы и земли.

или забивки старых помещений, перемещалось вместе с находившимися в ней предметами из нижних слоев. Ввиду этого все постройки верхнего периода мы датируем серединой V—VI вв.

Описанный нами строительный период отделен от предыдущего слоем толщиной до 5 м, состоящим из сухих кусков пахсы, которую брали в другом месте; эти куски затем забрасывались сырой глиной (рис. 29, 34).

Рис. 30. Бойницы и световые проемы (с внутренней стороны помещения)

Между кусками пахсы, лежащими в самых различных положениях, имеются большие трещины и щели. На определенных уровнях слои выравнивались.

Забитым оказалось помещение, стены которого сложены из квадратного сырцового кирпича размерами $38 \times 38 \times 12$ — 13 и $40 \times 40 \times 10$ — 12 см. Толщина стен превышает 2,5 м. Сузив раскоп до 250 м^2 и пробив здесь толщу пахсы, мы выяснили, что под ней находится слой рыхлой земли, смешанной с различными органическими остатками.

В результате раскопок вскрытой оказалась

юго-восточная часть башни цитадели, южная и восточная стены которой хорошо сохранились. В верхней части южной стены, на уровне 3,5 м от пола, выявлено три узких световых окна, а в нижней части обеих стен расчищены великолепные спаренные и строенные бойницы (рис. 30). По своему устройству (одна бойница в середине и две по сторонам от нее) они напоминают строенные бойницы Джанбас-кала, но в отличие от последних здесь нет специального места для стрелка, хотя все три бойницы сходятся к одному месту (рис. 31). С наружной стороны стены высота бойниц вдвое больше, чем с внутренней. Это достигалось понижением нижней части бойницы к наружному краю. Верх бойницы больше чем на половину толщины стены идет горизонтально, затем

имеется вертикальный уступ кверху (около 30 см) и далее, к наружному краю, он опять продолжается горизонтально. В некоторых бойницах такого уступа нет. В самом углу (юго-восточном) находится одна бойница, возможно, для наблюдателя, так как она шире остальных и со стороны помещения начинается не сразу с угла, а из небольшой квадратной нишки глубиной 0,6 м; бойница выходит к наружному углу. Со стороны нишки на восточную сторону цитадели выведена узкая щель. Для стрельбы из лука она очень неудобна и, по-видимому, предназначалась для наблюдения за восточным сектором.

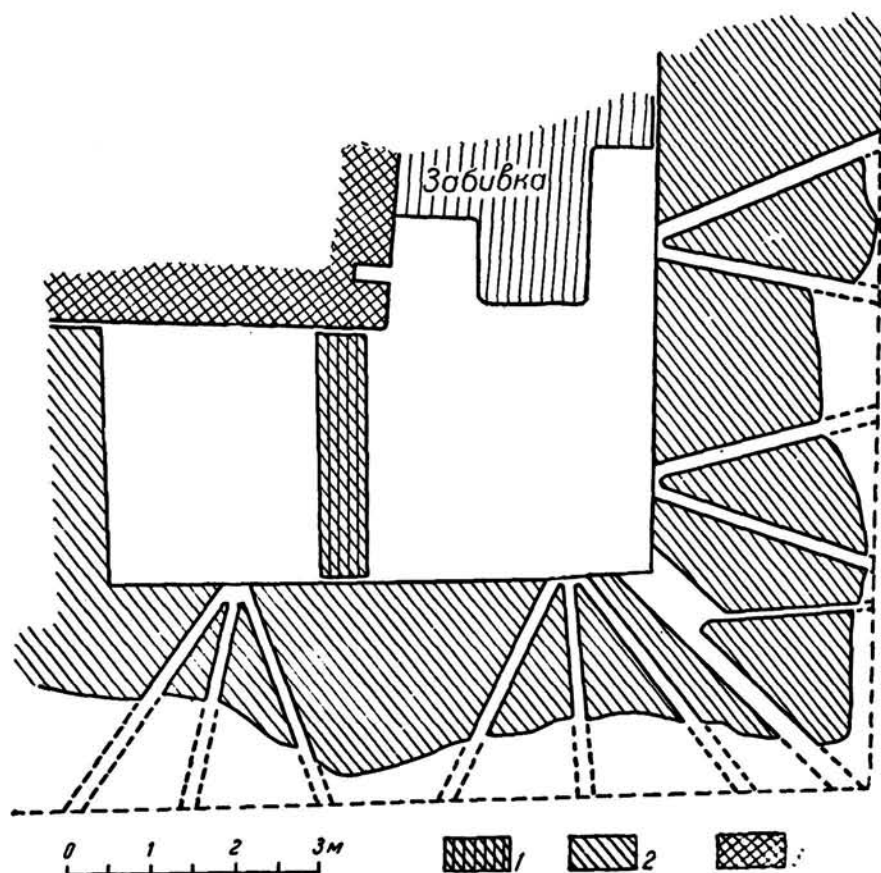

Рис. 31. План расположения бойниц

1-стена III—IV вв.; 2-стена с бойницами I в. н. э.; 3-внешняя стена III—I вв. до н. э.

На уровне нижнего края бойниц были обнаружены два половых настила и стена, делившая помещение с севера на юг на две почти равные части. Стена сложена из квадратного кирпича размерами $32 \times 32 \times 10$ см и стоит на слое рыхлой земли. На этом полу была найдена монета Васудевы (217—241 гг.) и две раннесасанидские монеты.

Последние относятся, по определению М. Е. Массона, к чекану Хормизда II (301—309 гг.).

Аверс. В кругу из точек — бюст царя вправо; из-под головного убора на затылке выступает букля волос.

Реверс. В кругу из точек — жертвенник, справа и слева от которого видны следы надписей. Диаметр монеты — 12—16 см, вес — 2,52 г.

Монета Васудевы медная и плохо сохранилась. На аверсе изображена фигура стоящего царя. Левая рука поднята и опирается на копье. На поясе — меч, справа — тамга. Надписи при чекане не поместились⁹⁰.

Следовательно, стена, сложенная из сырцового кирпича размерами 32×32×10 см, и второй пол, датируемый этими монетами, относятся ко времени не ранее III в. н. э.

При дальнейшем углублении мы дошли до пола, сделанного в период сооружения стен с бойницами. Здесь лежало несколько зерно-терок (рис. 32) и игральные кости (рис. 33), прямоугольные по форме и квадратные в сечении. С каждой из четырех сторон костей — соответствующее количество двойных кружков. В середине кости проделано отверстие, через которое, вероятно, протягивалась нитка. Тут же лежала костяная резная ручка, по-видимому от ножа, и костяная заколка.

На полу также найдены фрагменты ангобированной и неангобированной посуды. Ангобированная посуда имела красновато-коричневый оттенок; на многих сосудах, помимо ангоба, встречается штампованный орнамент, такой же, как на городище Зар-тепе.

Тут же на полу была обнаружена монета Кадфиза I, которая позволяет датировать этот слой. Напомним, что во время археологической рекогносцировки 1949 г. в нижней части западной стены городища Хайрабад-тепе, в одном из кирпичей размерами 40×40×12 см, была найдена монета того же чекана. Кирпичом этих размеров выложены стены цитадели. Монета попала сюда не раньше I в. н. э. Следовательно, стены городища и внешние стены цитадели сооружены также не раньше указанного времени.

Дальнейшая расчистка вскрытой части цитадели показала, что не этот период является наиболее древним. Северная стена внутри помещения была когда-то внешней стеной, о чем свидетельствует обнаруженная в ней (отмеченная в разрезе пунктиром) на уровне пола ложная бойница со стрельчатым завершением (рис. 29).

⁹⁰ P. Gardner, *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum*, tabl. XXIX, No. 12.

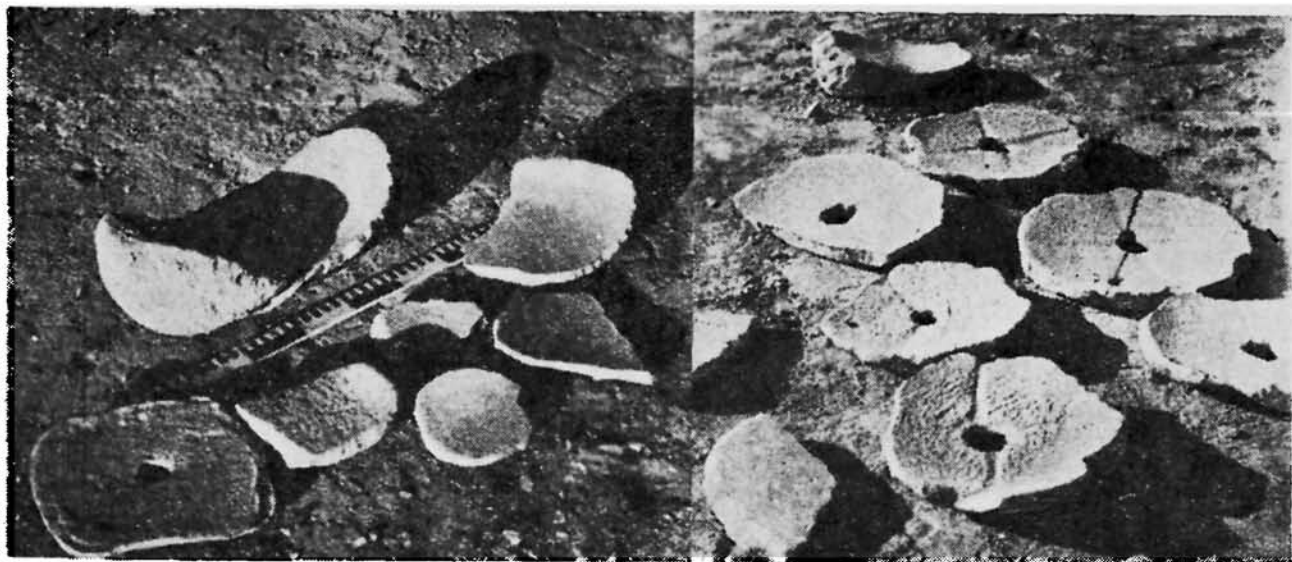

Рис. 32. Зернотерки

Конечно, вскрытие небольшой части стены более древнего сооружения еще не дает оснований для датировок. Однако обнаруженные на городище Зар-тепе монеты первых веков до нашей эры могут приблизительно подсказать время постройки этой стены (первые века до нашей эры). Дальнейшие раскопки помогут уточнить его.

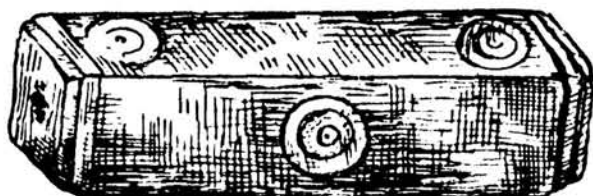

Рис. 33. Игральные кости

На территории городища была также найдена одна медная монета с квадратным отверстием в середине. По определению М. Е. Массона, она датируется первой половиной VIII в. н. э. и относится к согдийскому чекану.

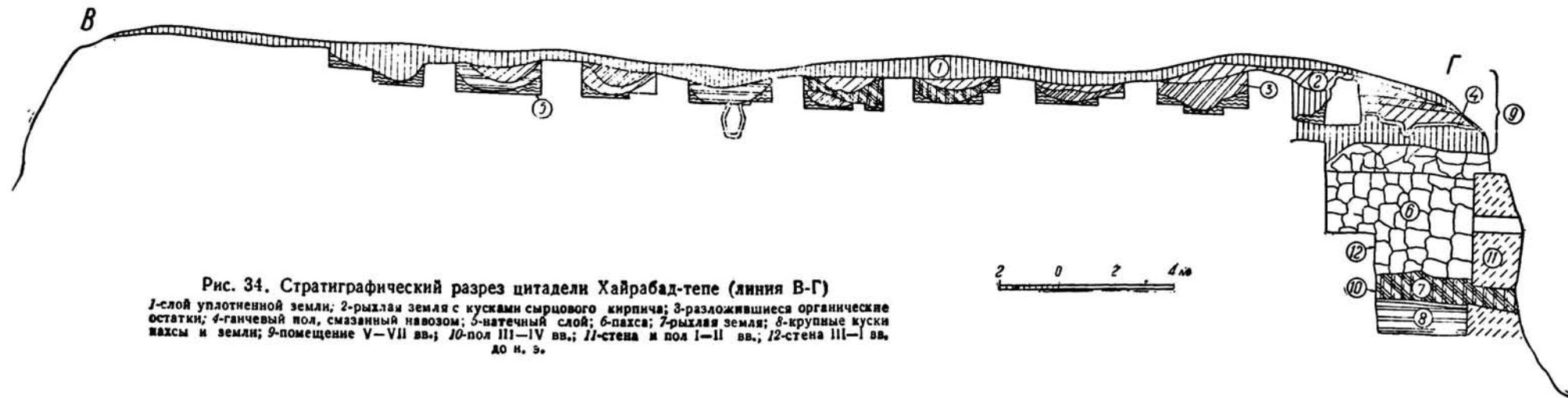
Из приведенного стратиграфического разреза выпадает период IV — начала V в., когда в Средней Азии происходит упадок город-

ской жизни⁹¹. По археологическим данным известно, что примерно к IV в. сокращается количество культурных оазисов, в частности на западе Бухарского оазиса⁹². Из этого кризиса южные районы Сурхандарьинской области начинают выходить с середины V в. н. э. (а не с VII в., как считалось раньше), на что указывают наши раскопки.

Замок Кулаглы-тепе. Замок находится на территории Абидабадского сельсовета Ангорского района (рис. 35). Он, как и описанные выше городища, расположен в низине. Вокруг расстилаются обширные хлопковые поля, воды с которых во время полива стекают к городищу, заливая большую площадь. Эти места поросли высоким труднопроходимым камышом. Замок Кулаглы-тепе квадратный в плане (60×60 м), ориентирован по странам света и возвышается над общим уровнем окружающей местности на 20 м. Снаружи хорошо сохранились северная и западная стены (рис. 36). Замок сложен из мощных пахсовых блоков толщиной до 1 м. Выступающие по углам квадратные в плане башни, постепенно сужаясь, поднимаются кверху на высоту 18—20 м. В некоторых местах между пахсовыми блоками прослеживается кирпичная кладка из продолговатого сырцового кирпича размерами 50×26×9—10 см. Выше пахсовых блоков также видна кладка из сырцового кирпича этих же размеров. Так как стены замка

⁹¹ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 102, 103.

⁹² В. А. Шишкин, Археологические работы 1947 г. на городище Варахша, «Известия АН УзССР», Ташкент, 1948, № 5, стр. 42—43.

почти отвесны, нам не удалось замерить все кирпичи. Обвалившаяся верхняя часть северной стены открыла полуразрушенное помещение,

Рис. 35. Общий вид Кулаглы-тепе

доступ к которому без особых приспособлений невозможен. По наблюдению снизу, стены и перекрытие помещения сделаны из сырцового кирпича.

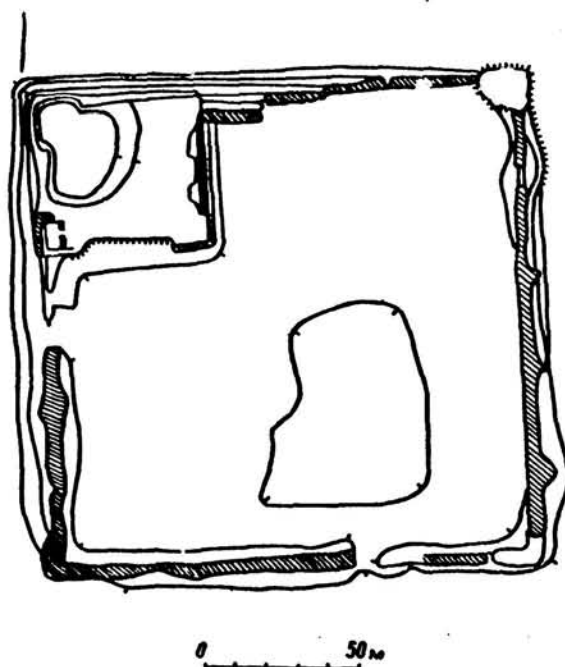

Рис. 36. План замка Кулаглы-тепе

Рассматривая замок снаружи, можно предположить, что он был двухэтажный. В каждом этаже находились бойницы, причем они прослеживаются не только в стенах, но и в угловых башнях. Углы башен (судя по юго-восточному) скошены, и в скосах имеются смотровые

оконца, заключенные между двумя вертикальными полукруглыми жгутами. На самом верху угловых башен сохранились остатки сооружений XI—XII вв., которые выложены тонким квадратным сырцовым кирпичом и в плане повторяют форму башен. Получается впечатление, что стены являются надстройкой над более древними стенами.

Керамический материал замка очень беден. По небольшим фрагментам его и размерам кирпича можно предположить, что замок был сооружен в V в. н. э.

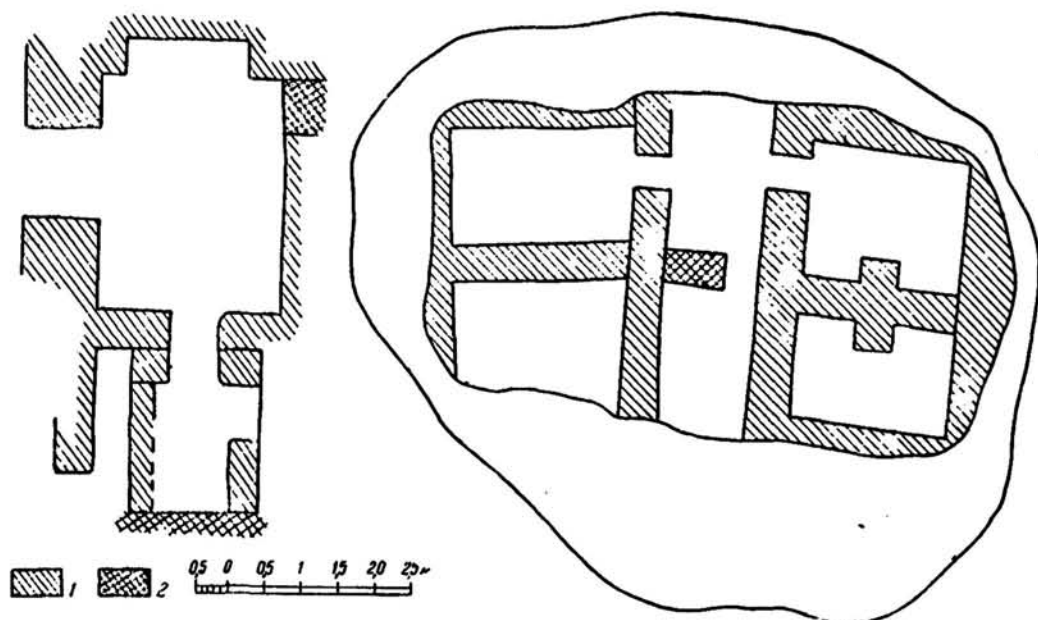

Рис. 37. Планы помещений к северу от Кулаглы-тепе
1-кирпичная кладка $44 \times 26 \times 9$ и $40 \times 26 \times 9$ см; 2-кирпичная кладка $34 \times 26 \times 8$ см

На основании изучения мелких поселений (Балалык-тепе и Джумалак-тепе) можно сделать вывод, что перед нами замок периода разложения рабовладельческих отношений и становления феодализма, т. е. V—VI вв. В один из поздних периодов замок был огорожен с юга и востока стенами. С наружной стороны стен, на расстоянии 20—25 м друг от друга, расположены башнеобразные устои, диаметр которых в нижней части равен приблизительно 2 м. Башни не имели фортификационного значения, что подтверждается их небрежной сплошной кладкой. На основании подъемного керамического материала последний период жизни на территории замка датируется XVII—XIX вв.

С северной стороны замка полукругом расположена цепочка из двенадцати курганов, два из которых вскрыто (рис. 37). Самый дальний находится в середине цепочки и отстоит от стены на 200 м.

Из небольших тепе, находящихся в значительном количестве вокруг крупных городищ, укажем лишь на наиболее характерные.

По дороге из Термеза в Ангор, не доезжая 2 км до последнего, с правой стороны обнаружены остатки поселения (размеры его — 50×50 м), судя по плану, точно такого же типа, как и Кулаглы-тепе. В его отвесных краях видны разрушенные стены и засыпанные арочные проходы, сложенные из продолговатого сырцового кирпича. На поверхности тепе имеются остатки стен, относящиеся к более позднему периоду и сложенные из квадратного сырцового кирпича размерами 27×27×5 см.

Западнее, приблизительно на расстоянии 1 км от этого тепе, находится небольшой, но очень интересный бугор. Его края, за исключением южного, обрывисты. Это тепе у местных жителей имеет несколько названий, из которых наиболее распространено «Джумалак-тепе» (рис. 38). Учитывая тот факт, что до Октябрьской революции места здесь были пустынными, а жители, в настоящее время населяющие их, являются переселенцами из различных районов республики, эти названия, по-видимому, не очень старые.

Размеры тепе небольшие — 30×30 м (у подошвы). На его поверхности найдено небольшое количество фрагментов измельченной керамики, относящейся к различным историческим периодам начиная с XVI в.

При первоначальном осмотре можно было заметить в обрывистых краях тепе остатки сырцовых стен. Расчистка позволила установить, что это жилые комплексы, сооруженные на пахсовой платформе. Были выявлены кирпичи, в основном продолговатые, размерами 50×30×8 и 45×30×8 см⁹³.

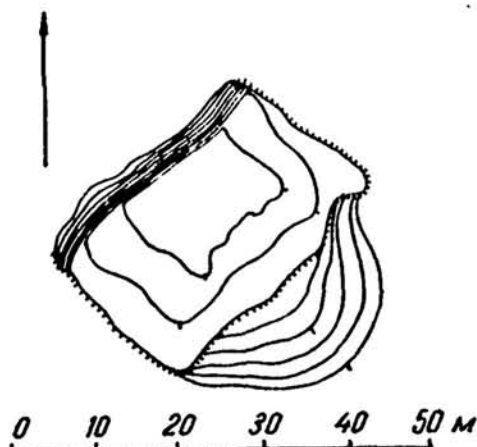

Рис. 38. План замка Джумалак-тепе

⁹³ Раскопки этого тепе были начаты в 1956 г. В них принимали участие Л. И. Альбаум, архитектор В. А. Нильсен, лаборант Т. Агзамходжаев и сотрудник Сурхан-Дарьинского музея В. А. Козловский. Раскопки выявили исключительно интересный архитектурный комплекс. Помимо керамики и прочего материала, найдено большое количество резных обгоревших балок и других деревянных деталей, которые после завершения камеральных работ станут предметом особого изучения. На полу одного из помещений обнаружена серебряная монета эфталитского чекана.

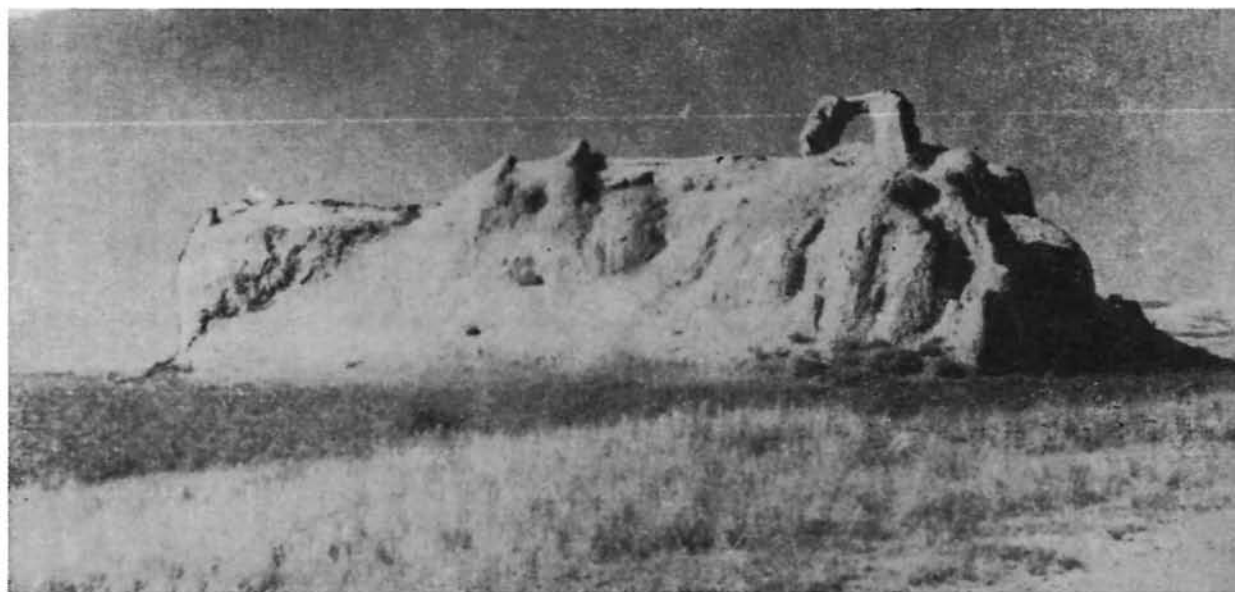

Рис. 39. Общий вид Тешик-тепе

Необходимо указать еще на два памятника, один из которых находится непосредственно в Ангоре. Размеры его — 20×20 м, высота — 6—7 м. В некоторых местах на поверхности можно проследить контуры стен помещений. К востоку, в 1,5 км от ангорского тепе, находится очень интересный памятник — Тешик-тепе (рис. 39), что означает «тепе с отверстием». Это название неслучайно. На поверхности

Рис. 40. Арка Тешик-тепе

тепе, площадь которого равна примерно 200 м^2 , возвышается свод (рис. 40), сложенный из квадратного кирпича. Раскопки этого памятника, датируемого I—III вв., несомненно дадут новые данные по периодизации и устройству сельских поселений.

Можно было бы указать еще на ряд археологических памятников, находящихся в Ангорском районе (рис. 41). От некоторых из них сохранились небольшие следы в виде 1,5—2-метровых остатков цокольных частей, другие представляют собой бугры, поверхность которых сильно заплывла и покрылась дерном с вспухшим солончаком. Эти памятники находятся к северу от описанных, в районе вновь орошаемого Талимаранского массива.

Отдельные памятники Ангорского района (около Кулаглы-тепе) сравнительно хорошо сохранились. Прослеживаются бойницы и другие детали архитектурных сооружений. Изучением этой группы памятников занимается небольшой отряд Узбекстанской археологической экспедиции.

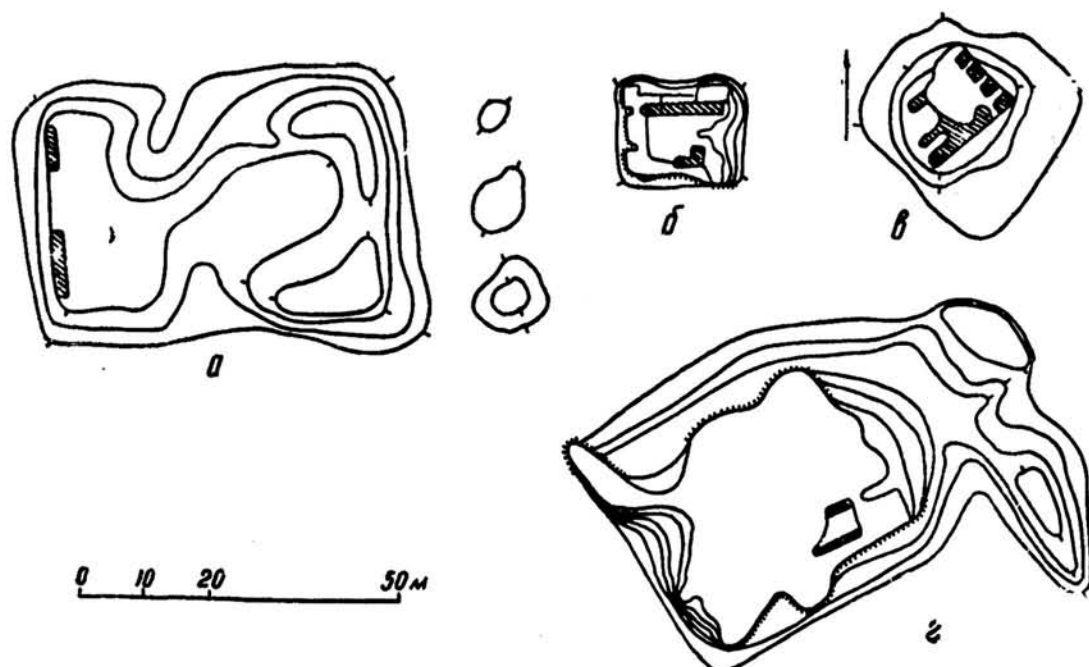
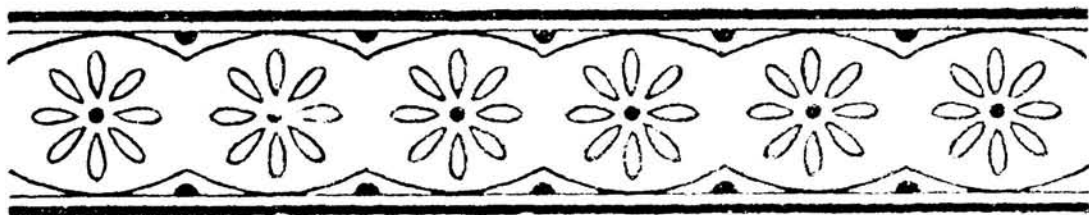

Рис. 41. Планы некоторых памятников Ангорского района
а-тепе к северу от Ангора; б-Тазар-тепе; в-Берталик-тепе; г-Тешик-тепе

Таково общее описание и предварительная характеристика городищ, отдельных тепе и найденных на них предметов. До проведения широких раскопочных работ они могут дать общее представление об археологических памятниках Ангорского района.

Глава II

РАСКОПКИ БАЛАЛЫК-ТЕПЕ

«Балалык-тепе» в переводе с узбекского языка на русский означает «тепе с ребенком». Такое название оно получило потому, что с южной стороны, рядом с холмом, находится маленький холмик.

Балалык-тепе расположено в 2 км к востоку от дороги, проходящей из Термеза в Ангор, не доезжая 4 км до последнего, на территории колхоза им. Куйбышева (рис. 42). Поверхность тепе совершенно гладкая с уклоном к юго-востоку. В плане оно квадратное, ориентировано по странам света с некоторым отклонением на северо-запад; с севера края обрывистые, почти вертикальные. Юго-восточный угол несколько выступает по направлению к небольшому холмику, находящемуся в 10 м к югу от выступа. Высота тепе по отношению к современному уровню окружающей местности — около 10 м, размеры его у основания — 30×30 м. В обрезах нижней части холма прослеживались пахсовые блоки, в верхней части — кирпичная кладка.

После небольших зачисток удалось установить, что кирпич продолговатый, размеры его варьируют в пределах от 45×25×10 до 50×25×10 см, отношение длины к ширине — 2:1. Аналогичный кирпич встречается в замках Ак-тепе¹, Пянджикента², Колаи-Боло³, Мунчак-тепе⁴ и других памятниках раннего средневековья.

На поверхности тепе не было керамического материала или монет, которые помогли бы датировать этот памятник. Стационарные

¹ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 71.

² В. Л. Воронина, Архитектурные памятники древнего Пянджикента, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 117.

³ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, Археологический очерк Исфаринского района, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955.

⁴ В. Ф. Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., КСИИМК, вып. XIV, М.—Л., 1947.

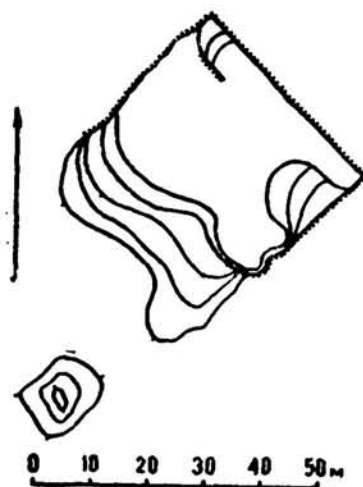

Рис. 42. Общий вид и план
Балалык-тепе

раскопочные работы в замке Балалык-тепе начались весной 1953 г. Они имели целью выяснить структуру и устройство сельского поселения-замка, относящегося, как можно было предполагать, ко времени разложения рабовладельческого общества и становления феодальных отношений. Мы также надеялись получить определенный керамический материал, который помог бы в датировках при проведении раскопочных работ на больших городищах, где культурные слои зачастую перемешаны и в результате этого возникают трудности в классификации керамики.

Пользоваться же стратиграфическими таблицами, предложенными М. М. Дьяконовым для памятников Северной Бактрии⁵,

⁵ М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан) (1950—1951 гг.), МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 279—293, табл. XII.

А. И. Тереножкиным для Согда и Чача⁶, или периодизацией Р. Гиршмана, установленной для Беграма⁷ не всегда возможно, так как каждый район имеет свою специфику, свои локальные особенности.

Вся территория тепе была разделена на квадраты размерами 2×2 м, причем после вскрытия контуров какого-нибудь помещения внутри него разбивалась новая квадратная сетка, что облегчало фиксацию находок и ведение работ.

В северной части замка вскрыто три помещения, соединенных друг с другом дверными проемами (рис. 43).

Помещение 1 находится в северо-западном углу замка. Западная стена полностью разрушена, от северной осталась небольшая часть. Южная и восточная стены сохранились почти полностью. Основной слой состоит из прослоек натечной глины; толщина его в восточной части не превышает 1,5 м. После снятия этого слоя на полу, в северо-восточном углу, были обнаружены следы кострища, которое относится ко времени запустения помещения. При строительстве здания для обогрева и варки пищи в середине южной части стены был сделан специальный очаг — камин.

Диаметр очага на уровне пола — 40 см. Он углублен полукругом в стену на 20 см; кверху углубление в стене постепенно суживается. По форме очаг напоминает полуконус высотой около 2 м, служивший для отвода дыма из помещения. Можно предположить, что в верхней части стены или в потолке было отверстие для выхода дыма. Толщина стены, в которой сделан очаг, равна 1,35 м. Восточнее очага, в этой же стене имеется дверной проем, заложенный сырцовым кирпичом размерами 50×30×10 см, т. е. таким же, из какого сложены стены сооружения. В южной части восточной стены находится второй дверной проем, ведущий в помещение 2. В обоих случаях арки дверных проемов сохранились полностью. После небольшой реконструкции этого помещения удалось установить, что длина его могла составлять 4,8 м, а ширина — 1,9 м. При сравнении с помещением 2 можно предположить, что в несохранившейся внешней северной стене, толщина которой около 2 м, были бойницы. Каких-либо предметов материальной культуры при расчистке этого помещения не найдено.

Помещение 2 сохранилось почти полностью. Верхний слой (толщина его не превышала 15—20 см) состоял из очень плотной натечной глины, второй (толщиной 40 см) — из уплотненной земли

⁶ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 152—169.

⁷ R. Ghirshman, Bégam. Recherches archéologiques et historiques sur les Kuchans, p. 164.

с небольшой примесью соломы. Затем шел третий слой из перегнившей соломы и других органических веществ зеленоватого цвета, ниже —

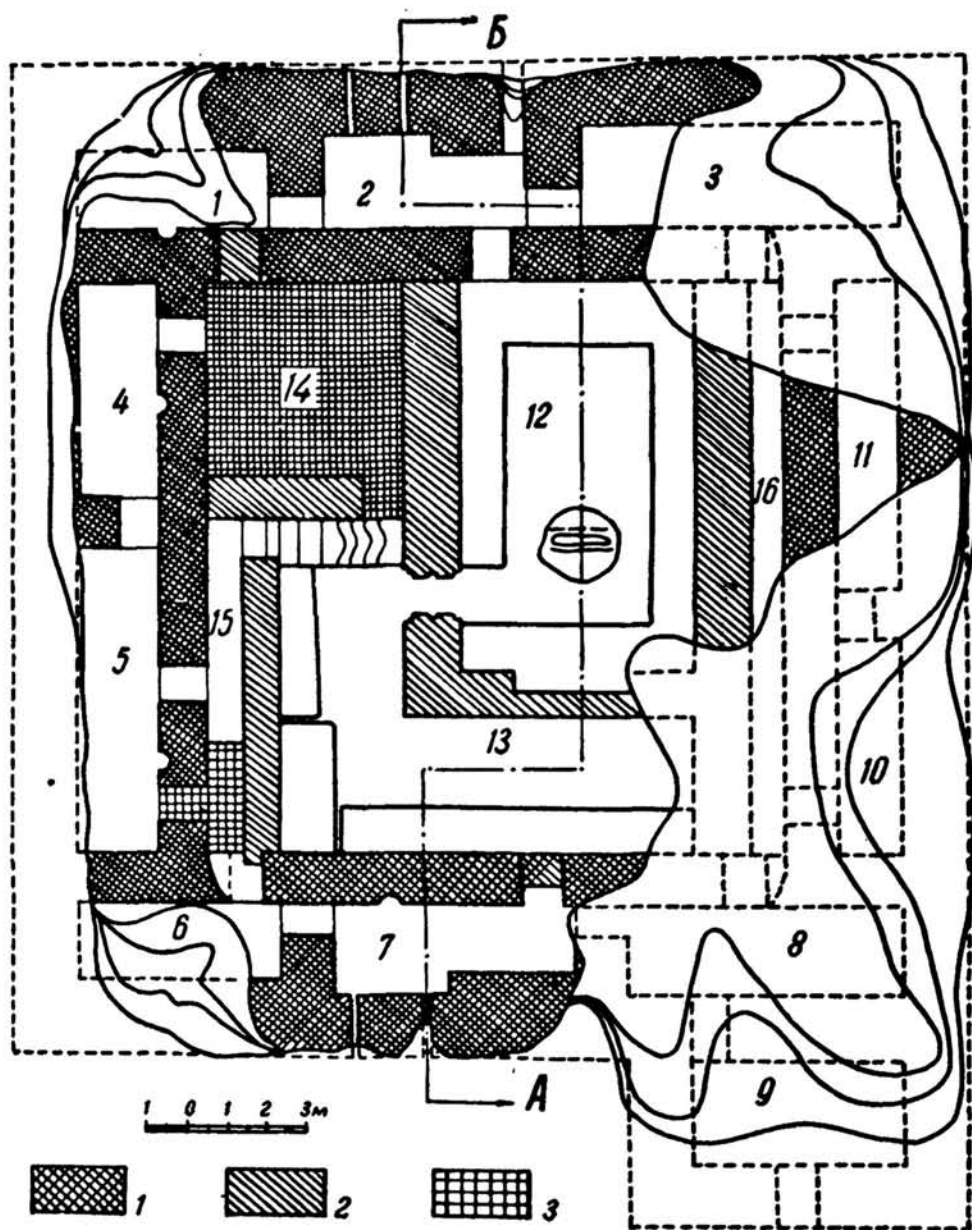

Рис. 43. План раскопок помещений Балалык-тепе
1-первый строительный период; 2-второй строительный период; 3-закладка после землетрясения

слой рыхлой пылевидной земли (толщиной 25 см), смешанной с соломой, золой и небольшим количеством фрагментов керамики от толстостенных сосудов, возможно хумов.

Пятый слой — тоже из рыхлой пылевидной земли, толщиной 25 см. Под ним — слой золы с перегнившими органическими остатками; толщина его колебалась от 5 см в южной части помещения до 60 см в северной.

Ниже располагались натечные слои; каждый из них толщиной от 0,2 до 0,5 см. Количество натечков — от 9 до 37. Еще ниже шел слой из уплотненной зеленовато-серой массы, состоявшей из органических остатков. Этот слой является основным полом комнаты.

Ширина комнаты равна 2,4 м, длина — 5,15 м.

Рис. 44. Бойницы в северной стене помещения 2 (с наружной стороны)

Стены сложены из сырцового кирпича размерами 50×30×10 см. Северная стена на расстоянии 2,75 м от северо-западного угла имеет выступ внутрь помещения на 50 см и продолжается дальше к восточной стене. В восточной части комната суживается до 1,9 м. В северной стене находятся две бойницы (рис. 44), высота которых с внутренней стороны равна 40 см, а с наружной — около 1 м; ширина каждой из бойниц — в среднем 15 см. Верхняя часть бойницы горизонтальная, а нижняя постепенно понижается к наружной стороне стены (рис. 45), что было удобно для навесного обстрела. Расстояние между бойницами — 1,35 м.

Нижний край бойницы находится на высоте 1,15 м от уровня пола. Несколько выше бойниц, между ними, расположено оконце размером 20×20 см. Для смотрового оно немного высоко (расстояние от пола до него равно 3 м).

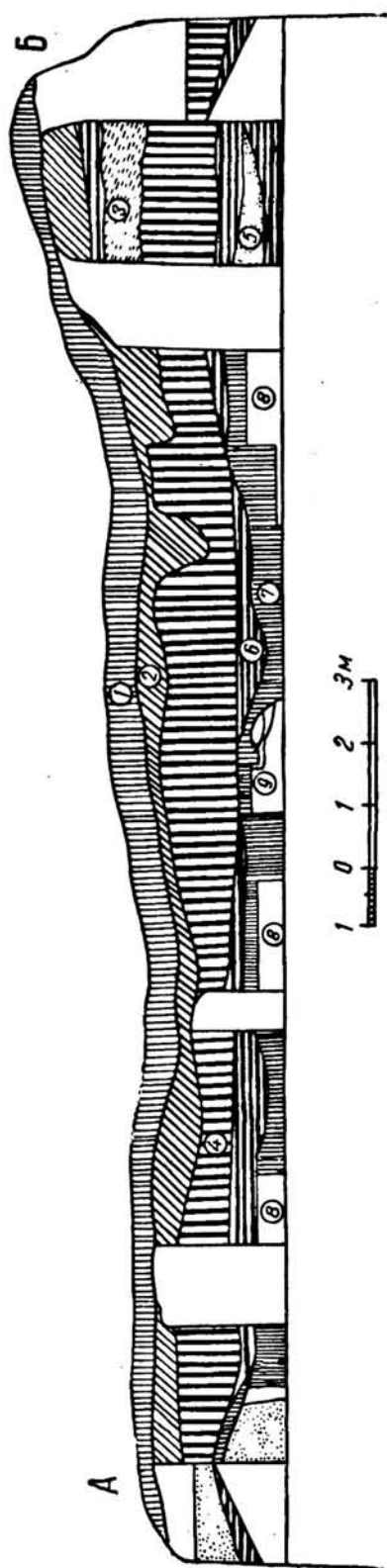

Рис. 45. Стратиграфический разрез Балаык-тепе

1-слой натечной земли; 2-уплотненный слой земли; 3-органическая прослойка; 4-рыхлая земля с кирпичом; 5-зола и органические остатки; 6-натечный слой; 7-слой из рыхлой земли; 8-суфы; 9-алтарь.

Под западной бойницей в стене имеется продолговатая ниша; длина ее—50 см, глубина—10 см, высота—30 см. В середине северной стены, правее бойниц, на высоте 40 см от пола, находится проем, верхняя часть которого разрушена. Внизу ширина его равна 65 см, высота—приблизительно 70 см; предназначался он для выбрасывания мусора и нечистот. Сохранившаяся часть арки проема выложена способом постепенного выдвижения кирпичей.

Западная часть северной стены имеет высоту около 4 м. Вверху плоскость ее переходит в сводчатое перекрытие. Высота западной и южной стен равна в среднем 3 м.

Южная стена, совершенно прямая, продолжается за пределами этой комнаты и является общей для помещений 1 и 3. Из комнаты 2 в помещение 1 и 3 ведут дверные проемы, расположенные впритык к южной стене. В этой же стене в комнате 2 есть третья дверь, находящаяся на расстоянии 3,7 м от западной стены. Ширина дверных проемов приблизительно одинакова: западного—95 см, восточного—80 и южного—90 см.

Над южным и западным проемами сохранились арочные перекрытия. Высота западного проема—2,1 м, южного—1,8 м. Западный выход когда-то закрывался. Для этого в южной стороне проема, на уровне 1,5 м от пола, было сделано круглое отверстие, в которое горизонтально вставлялось бревно. Другой конец бревна вставляли в полукруглое углубление, сделанное в противоположной стороне

дверного прохода. Второе бревно клалось таким же образом, но одним метром ниже. Здесь можно сделать два предположения о способах закрывания дверей: 1) к бревнам прикреплялись доски, уложенные в соответствии с формой дверного проема; закрытая таким путем дверь защищала комнату от ветра и сохраняла внутреннее тепло; 2) через балки перекидывали плотную ткань, и тогда верхняя часть входа оставалась открытой. Мы склонны думать, что двери все же были деревянными, тем более, что дерево очень часто встречается при раскопках.

Вдоль северной стены на полу были встречены зольные прослойки, а по углам — крупные зольники от находившихся в этих местах кострищ. Поверхность пола неровная, при его зачистке около южной стены обнаружена круглая яма, диаметр которой в верхней части — 1 м, по дну — 60 см; глубина ямы — 1,1 м.

В этой яме находились остатки двух хумов. Нам удалось собрать верхнюю и нижнюю части одного из них. Тулово хума неправильной овальной формы, вверху оно резко закругляется к горлу (диаметр горла — 30 см); венчик отогнут кнаружи. Днище хума выпуклое, полукруглое; на расстоянии 18 см от дна по наружной части хума проходит горизонтальный налест — жгут, состоящий из трех разрезанных вдоль и посаженных на ганч камышин: две — по краям и одна — в середине, возвышающаяся над крайними. В разрезе получалась форма равностороннего треугольника со стороной в 4 см. Этот жгут делался с целью придать прочность хуму, зарываемому в пол. В хуме хранилось вино или другой какой-нибудь напиток. Находясь в земле, хум не занимал места в комнате, был предохранен от различных случайностей и обеспечивал жителей холодным напитком даже в самое жаркое время года. Снаружи на стенках хума имеются потеки черной краски, внутри стенки покрыты окислами белого цвета. Фрагменты второго хума — аналогичной формы.

В этой же яме найдена часть плоской тарелочки со следами красного лощения. На полу обнаружено большое количество семян арбузов и дынь, коробочки хлопка, зерна пшеницы, небольшой кусок шерстяной ткани, кусок шерстяной веревки.

При вскрытии пола оказалось, что поверхность его смазана каким-то очень плотным слоем коричневатого оттенка.

В 1955 г. в полах было заложено несколько небольших шурфов. Коричневатая обмазка пола при ее снятии начала слоиться. Удалив верхний слой толщиной в 2—3 см, мы обнаружили черную прослойку, после расчистки которой выяснилось, что это остатки винограда (рис. 46). Можно предположить, что виноград или выжимки от винограда раскладывали на полу и затем смазывали слоем глины толщи-

ной в несколько сантиметров. Ягоды под тяжестью глины расплющивались и земля пропитывалась соком. Виноградины высохли и в таком сплюсненном виде дошли до нас. Это единственный случай, когда засушенный виноград сохранился так хорошо. При дальнейшей расчистке пола установлено, что он почти весь был устлан таким образом.

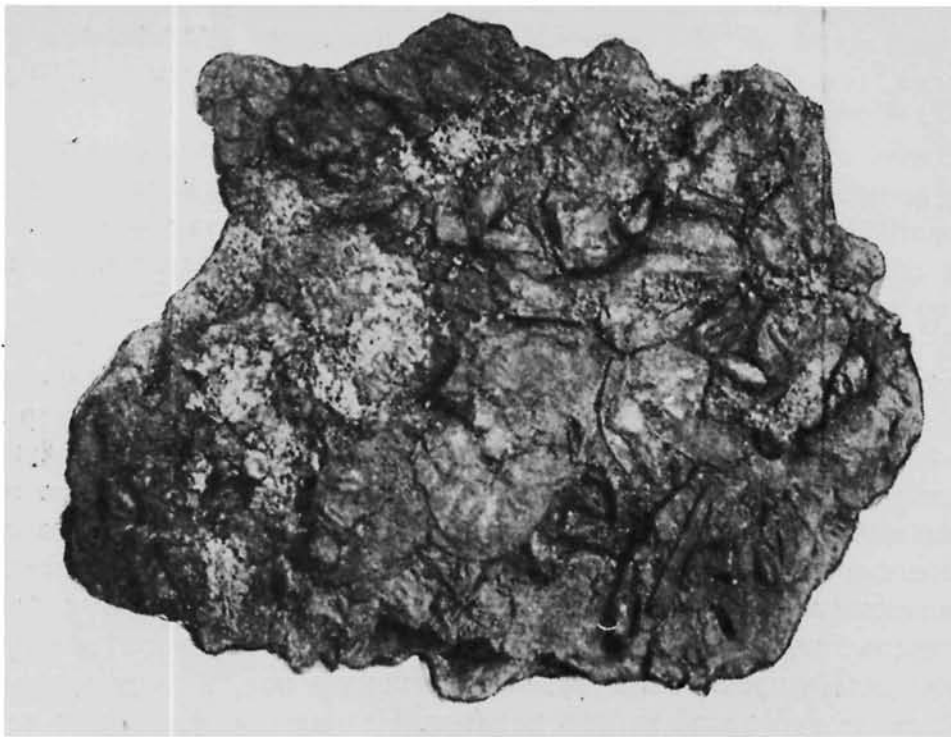

Рис. 46. Высохшие кружки винограда

Помещение 3 в основном разрушено, сохранилась только его западная часть. После некоторой реконструкции, как это показано на чертеже, можно приблизительно установить размеры помещения: длина — около 7 м, ширина — 2,4 м. Северная стена сохранилась на высоту 1,5 м, в ней прослеживается местоположение одной из бойниц. Судя по устройству помещения, в эту комнату было 2 входа: один дверной проем — в западной стене и второй, в настоящее время не сохранившийся, — в южной, выводивший во внутренний дворик. В западной части этой комнаты обнаружены натечные слои. С западной стороны замка было две комнаты.

Помещение 4 вытянуто с севера на юг. Длина его — 5,5 м, ширина — 1,9 м. Южная, северная и восточная стены сохранились полностью, а от западной остались лишь небольшие следы.

Стены сложены из сырцового кирпича, причем, кроме обычного стандарта (50×30×10 см), в одной и той же кладке встречаются

кирпичи и несколько меньших размеров (45×29×10 см.). Внутренняя поверхность стен была покрыта глино-саманной штукатуркой, небольшие куски которой сохранились; на многих из них видны следы копоти. Высота стен в настоящее время — 2—3,5 м. В южной стене, впритык к восточной, находится дверной проем шириною 90 см; над ним — арка перемычки. Второй дверной проем, расположенный в северной части восточной стены, имеет ширину 95 см. Он хорошо сохранился и перекрыт полуциркульной аркой. Высота этого входа — 2,2 м.

Рис. 47. Глазурованная чаша (XV в.)

В восточной же стене, на расстоянии 1,1 м к югу от дверного проема, вырублен очаг такого же устройства, что и в помещении 1.

Несколько слов о характере наслоений помещения. Первый слой состоял из уплотненной земли, смешанной с кусками сырцового кирпича, второй — из натечных слоев, среди которых попадаются фрагменты поливной керамики XV в. Арки входов к тому времени были еще открыты на 50 см. Этот факт свидетельствует о том, что уже в XV в. помещение было засыпано более чем на половину. Из керамических находок, относящихся к этому периоду, выделяются фрагменты глазурованной чаши белой поливы с голубым орнаментом (рис. 47).

Рис. 48. Курильница из Балалык-тепе

Ниже, на глубину 1,5 м, прослеживаются натежные слои с зольными прослойками, кусками глины и битого кирпича.

При расчистке пола с западной стороны были выявлены остатки какой-то возвышенности, возможно суфы, сложенной из продолговатого кирпича.

Наиболее интересным является слой, лежащий на полу и относящийся к периоду бытования помещения. Здесь найдено три предмета, связанных с культом его обитателей. Один из них — курильница, которая собирается из небольших фрагментов (рис. 48).

Курильница сформована на гончарном круге из хорошо отмученной глины и состоит из тулова-подставки конусообразной формы, полого в середине, без дна (рис. 49). Диаметр его в нижней части — 17,5 см, кверху тулово постепенно суживается до 5 см. На него до обжига была поставлена открытая чаша, отформованная отдельно, что хорошо прослеживается в изломе чаши. Обе части гладко притерты одна к другой.

После того как тулово было изготовлено на круге, оно дополнительно подправлялось острым инструментом. Толщина стенок тулова колеблется от 1,5 до 1,8 см. Нижний край с наружной и с внутренней сторон срезан.

Снаружи нижняя часть подставки украшена девятью горизонтальными полосами, отделенными друг от друга желобками. Полосы, в свою очередь, украшены рядами слегка наклонных миндалевидных вдавлений, чередующихся с рядами врезанных кружков, выполненных при помощи штампа.

С трех сторон подставки на равном расстоянии друг от друга имеются три полуовальных прорезных оконца. Ширина нижней горизонтальной их части — 5,5—6 см, высота — 6,5—7 см. В середине нижней стороны каждого оконца находится полуовальное отверстие шириной 1 см и длиной 1,5 см.

На одной из сторон между двумя оконцами сделан напел, изображающий головку женщины, по-видимому какого-то божества.

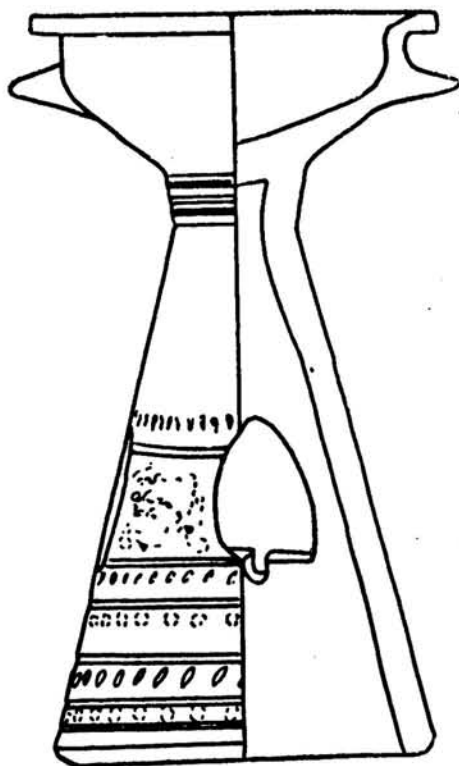

Рис. 49. Курильница (прорисовка)

Место соединения чаши и тулова украшено четырьмя рядами полукруглых горизонтальных жгутиков. Поверхность их затерта до блеска от долгого держания в руках.

Чаша курильницы имеет вид полушара с отогнутым под прямым углом к наружной части венчиком. На тулове чаши с четырех сторон на расстоянии 2,5 см ниже венчика находится по одному конусообразному выступу, каждый длиной по 3 см. Высота чаши — 7 см, диаметр верхней части — 16 см, высота всей курильницы — 32 см.

Внутренняя поверхность чаши была покрыта слоем нагара; толщина его в некоторых местах превышает 0,5 см. В нагаре прослежены остатки семян злаковых растений.

Аналогичные по форме курильницы были распространены на Востоке от Месопотамии до Индии.

Самые древние курильницы такого типа встречены при раскопках Джемдет-Насра, Ура⁸ (Двуречье) и в Кише⁹ (Месопотамия) и относятся к архаической эпохе (III—II тысячелетия до н. э.). Там была высоко развита земледельческая культура и существовал связанный с ней культ богини-матери.

При раскопках могил в районе р. Диала (приток Тигра) были обнаружены глиняные курильницы, по форме аналогичные найденной на Балалык-тепе. Подставки этих курильниц, полые в середине, имеют конусообразную форму с полукруглыми открытыми чашами на них. Большинство подставок с наружной стороны украшалось гребенчатым бороздообразным орнаментом. Некоторые из них в нижней части, как и на нашей курильнице, имеют прорезные отверстия. Эти курильницы, опубликованные П. Деловгазом, трактуются им как «фруктовые подставки» (рис. 50)¹⁰.

Большой интерес представляют курильницы такого же типа, найденные при раскопках в Таксиле¹¹. Дж. Маршалл считает, что эти жертвенные подставки очень похожи на известные по раскопкам в Хараппе и Мохенджо-Даро¹² (рис. 51), где подставки-курильницы находились в большом количестве, хотя целых сохранилось немного. Все они сделаны очень тщательно и большинство покрыто хорошим красным ангобом¹³.

⁸ H. W. Elliot, *Excavations in Mesopotamia and Western Iran, Sites of 4000—500 B. C.*, Cambridge, Massachusetts, 1950, tabl. 15.

⁹ Там же, табл. 20.

¹⁰ P. Delovgaz, *Pottery from the Devola Region, Chicago, Illinois*, p. 85, tabl. 174.

¹¹ J. Marshall, *Taxila*, Cambridge University Press, 1951, vol. I, p. 208—209; vol. II, p. 421; vol. III, tabl. 125, No. 130—132.

¹² J. Marshall, *Mohenjo-Daro, The Indus civilization*, vol. I, London, 1931, tabl. LXXIX.

¹³ Там же, стр. 292.

В 1931 г. Дж. Маршалл еще сомневался в том, что в крупных сосудах из Мохенджо-Даро могли что-нибудь возжигать и что они употреблялись также для жертвоприношения, так как только в одном сосуде, найденном в Хараппе, были видны следы горения. Однако

Рис. 50. Курильницы из Диала

после раскопок в Таксиле, где были обнаружены аналогичные подставки, но датируемые более поздним временем, Дж. Маршалл высказывается определеннее, что эти курильницы могли скорее всего употребляться для возжигания фимиама, чем для жертвоприношений. Такого же вида курильницы найдены в верхних слоях Серкапа (Таксила); их появление в Пенджабе связывается с парфянами.

Данное предположение Дж. Маршалла подтверждается работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Так, на городище Гяур-кала (Мервский оазис) обнаружены фрагмен-

ты богато орнаментированных курильниц этого же типа, датируемые III в. н. э. Подобные курильницы были найдены еще во время раскопок Р. Пампелли в Анау¹⁴.

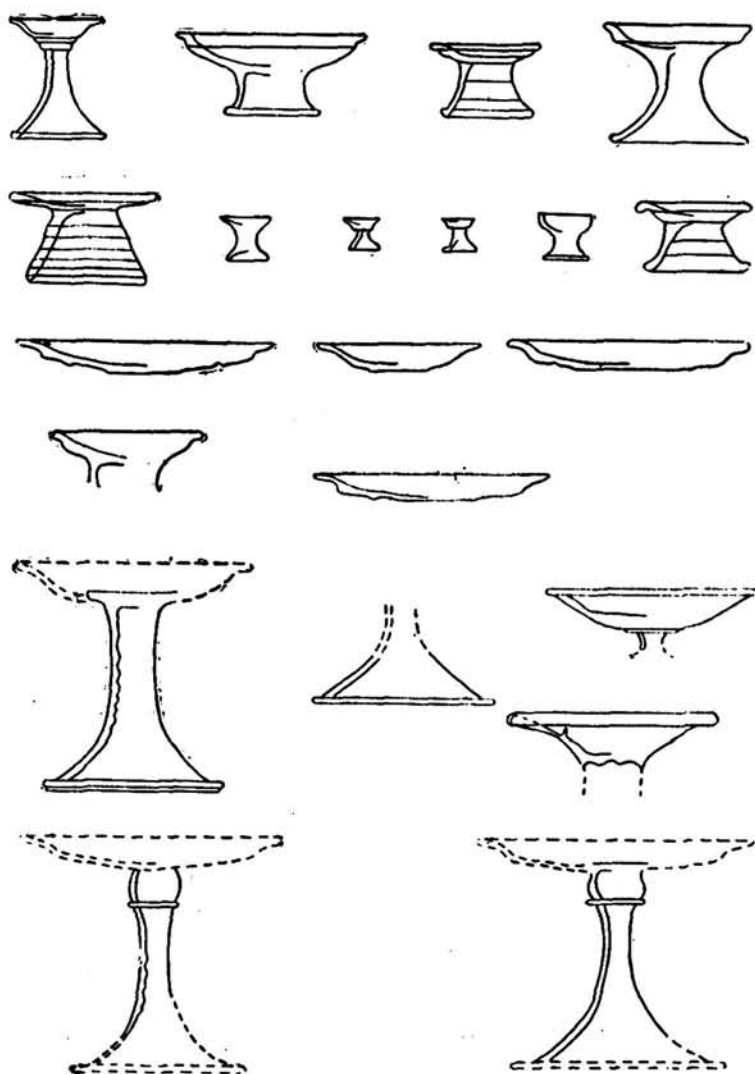

Рис. 51. Курильницы из Мохенджо-Даро

При раскопках верхних слоев (V—VI вв.) городища Хайрабад-тепе встретилось большое количество фрагментов курильниц, а также несколько почти целых экземпляров (рис. 52). Все курильницы имеют конусообразное тулово и полушаровидную чашечку. Высота их не превышает 15—18 см. На некоторых подставках видны стреловидные

¹⁴ R. Pampelly, *Explorations in Turkestan*, vol. I, Washington, 1908, pl. XI.

прорезы. По своей отделке они менее парадны, чем курильницы с Балалык-тепе.

Наиболее поздний образец курильницы данного типа встречается в росписях Пянджикента, где изображен жрец, держащий ее в правой руке на уровне груди¹⁵. Уже указывалось, что курильница с Балалык-тепе в верхней части залощена от долгого пребывания в руках во время обряда. Наглядным образцом этого служит рисунок в пянджикентских росписях, а также изображение на фрагменте оссуария из Бия-Наймана человека с маленькой переносной курильницей, датируемое VII—VIII вв.¹⁶

Рис. 52. Курильницы из Хайрабад-тепе.

Подтверждением того, что предметы, называемые нами «курильницы», не могут быть «подставками для фруктов» или парадными светильниками, является также изображение курильницы в росписях Варахши на одной из стен Восточного зала. Она намного больше найденной на Балалык-тепе (высота ее по отношению к фигурам — не менее 1 м), но по своей форме несколько напоминает последнюю. В верхней части находится чаша с горящими в ней шариками, расположенными в особой, вставленной в чашу жаровне с ручкой. Эта чаша установлена на специальной подставке со спускающимся с нее целым рядом колокольчиков. Подставка же укреплена на высокой конусообразной ножке. Средняя часть ножки украшена изображением лежащего верблюда, на котором сидит человек и держит в руках куриль-

¹⁵ Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, табл. 57.

¹⁶ А. Я. Борисов, К истолкованию изображений на Бия-Найманских оссуариях, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 41, табл. III.

ницу¹⁷. Аналогичную непереносную курильницу можно видеть в росписях Пянджикента¹⁸.

Следовательно, существовало два вида курильниц: переносные (высота их не превышала 35 см) и непереносные (больших размеров).

Последние археологические работы в Кашка-Дарье¹⁹ дали целый комплекс подставок-курильниц. Они датируются V в. н. э. и по своей форме подразделяются на две группы: 1) грубо вылепленные от руки и 2) изготовленные на гончарном круге.

Как видно, район распространения описываемых курильниц очень широк, и датируются они различным временем. Курильницы Джемдет-Насра, Киша, Ура относятся к III тысячелетию до н. э. Такие же курильницы в то время были в Индии (Хараппа, Мохенджо-Даро). Таким образом, устанавливается какая-то связь культовых обрядов Индии и Месопотамии. Проведенные в этих районах раскопки дают возможность исследователям сделать вывод о существовании между жившими здесь в IV—III тысячелетиях до н. э. народами культурных и торговых взаимосвязей²⁰. Эти связи могли идти и через Иран. У нас нет данных об изготовлении подобных курильниц во II—I тысячелетиях до н. э., но можно с уверенностью сказать, что они в это время бытовали. Более определенные сведения о них имеются только со времени существования Парфянского государства (II—I вв. до н. э.). Затем, уже после кушан, они встречаются на территории Средней Азии. Нет оснований утверждать, что все эти курильницы, найденные на различных территориях и относящиеся к различным эпохам, были принадлежностью одного и того же обряда, но, несомненно, какое-то единообразие в обрядах разных культов существовало.

Исключительно большой интерес представляет обнаруженный рядом с курильницей медальон грушевидной формы (2,5×2 см). Он отлит из стекла зеленоватого цвета и вставлен в серебряную оправу (рис. 53). В верхней части медальона прикреплено колечко для подвешивания его на цепочке или нитке. На медальоне изображена женщина, которая сидит, скрестив ноги, и кормит грудью ребенка.

Голова женщины повернута на три четверти влево и слегка наклонена к ребенку. Черты лица видны плохо. Правой рукой женщина

¹⁷ В. А. Шишкин, Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 19, рис. 10.

¹⁸ А. Ю. Якубовский, Древний Пянджикент, Сб. «По следам древних культур», М., 1951, стр. 211; «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, табл. VII, VIII.

¹⁹ С. К. Кабанов, Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарья, СА, М., 1958, № 3, стр. 149, рис. 7—14.

²⁰ В. И. Авдиев, История древнего Востока, М., 1948, стр. 482.

поддерживает ребенка под колени, а левой — головку. Заметны очертания пальцев. Правая нога женщины согнута в колене, повернута икрой кверху и пальцами книзу. Видно колено левой ноги.

Ребенок изображен в полулежачем положении на ногах матери. Спинка и головка несколько приподняты. Видны углубления глаз, небольшие выпуклости носа и губ.левой рукой он придерживает грудь матери. Между головами матери и ребенка имеется небольшое круглое отверстие.

Кто же изображен на медальоне? Отвечая на этот вопрос, невольно вспоминаешь раскопки в Мохенджо-Даро, где вместе с курильницами были найдены статуэтки богини-матери с детьми на руках, а также беременных женщин²¹. Эти терракоты, возможно, имели магическое значение и являлись символом деторождения. Дж. Маршалл, проследивший ареал таких статуэток, находит, что они были широко представлены в долине Инда и в Белуджистане. Кроме того, их находят в Эламе, Месопотамии, в районе Каспия, в Малой Азии, Сирии, Палестине, на Кипре, Крите, Балканах и в Египте. Во всех этих странах существовала общность культа и статуэтки изображают Великую Матерь, либо богиню природы, либо мать земли²².

Култ богини-матери был распространен в Индии больше, чем в любой другой стране. Ее храмы имеются почти в каждом городе и деревне²³.

Этот вывод, сделанный на основании археологических материалов, подтверждается данными фольклора Индии, в котором богиня-мать выступает и как богиня плодородия, изобилия и воды. Она живет «в злаках, деревьях и т. д.». От нее зависят урожаи, болезни и их излечение. «В одной руке ты держишь меч, о Мать, в другой нектар, которым окропляешь нас»²⁴.

В жертву богине приносят подношения, состоящие из «цветочных гирлянд, сидений, украшенных цветами, и разноцветных покрывал».

Рис. 53. Стекланный медальон

²¹ J. Marshall, Mohenjo-Daro, tabl. XCV, 20, 24, 29, 30.

²² Там же, стр. 50.

²³ Там же, стр. 51.

²⁴ Ладжванти Мазан, Пенджабский фольклор, ж. «Советское востоковедение», М., 1955, № 1, стр. 131.

Она принимает рис, молоко, сладкие лепешки и т. п. Но нет упоминаний, что в жертву приносились животные²⁵.

Одной из наиболее популярных богинь Египта являлась Исида, покровительница плодородия и земледелия. Ее культ был очень распространен начиная от Сирии на юге до Бельгии на севере и от Нубии на западе до Бактрии на востоке²⁶.

В памятниках искусства Египта она часто изображалась с ребенком на руках. Ее образ несомненно повлиял и на христианскую иконографию²⁷.

Изображение богини плодородия мы видим на серебряной чаше из Казахстана²⁸, где она представлена во время свадебного обряда сидящей на коврике с зеркалом в правой руке и рогом изобилия в левой. У ее ног сидит мальчик.

Согласно тексту гимна Грихья-Сутра, во время свадебного обряда на колени невесты сажают «ребенка, сына женщины, имеющей только сыновей, которые все живы...»²⁹. Присутствие ребенка должно было обеспечить невесте рождение мальчика.

Итак, изображение богини-матери и ее иконографическое воплощение прослеживается в культах различных народов. С ним, конечно, были знакомы и народы Средней Азии.

Наш медальон изображает именно богиню плодородия, в своеобразной ее трактовке.

Непосредственная близость Северной Индии к южным районам Узбекистана, а также экономическая связь, существовавшая между странами Востока, как при кушанах, так и при эфталитах, позволяют сделать предположение о некоторой общности культов. Нам пока еще не известно, какой богине плодородия был посвящен данный культ. Но «как бы эта богиня ни называлась — будет ли это переднеазиатская Иштарь-Анахит, греческая ли Рея-Кибела, Сита ли Рамаяны или Нанайя кушанских монет, — во всяком случае перед нами извечная богиня растительности и плодородия и любви, силе которой подчиняются и люди, и звери, и чудовища, культ которой сопровождался шумной музыкой»³⁰.

²⁵ Ладжванти Мазан, Пенджабский фольклор, стр. 132.

²⁶ А. Б. Рапович, Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950 стр. 323.

²⁷ И. А. Стучевский, Восточные корни мифа о Христе, М., 1948, стр. 20.

²⁸ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 71—81, табл. 15 — 17.

²⁹ Цит. по кн.: К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 15—17.

³⁰ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 98—99.

В этом же слое была найдена фигура верблюда, сделанная из цельного куска розовой каменной соли. Длина фигуры — 17 см, высота — 14,5 см (рис. 54).

Верблюд двугорбый, лежит на подогнутых ногах, шея несколько выступает вперед, голова приподнята и слегка запрокинута, морда немного заострена. Детали сильно затерты.

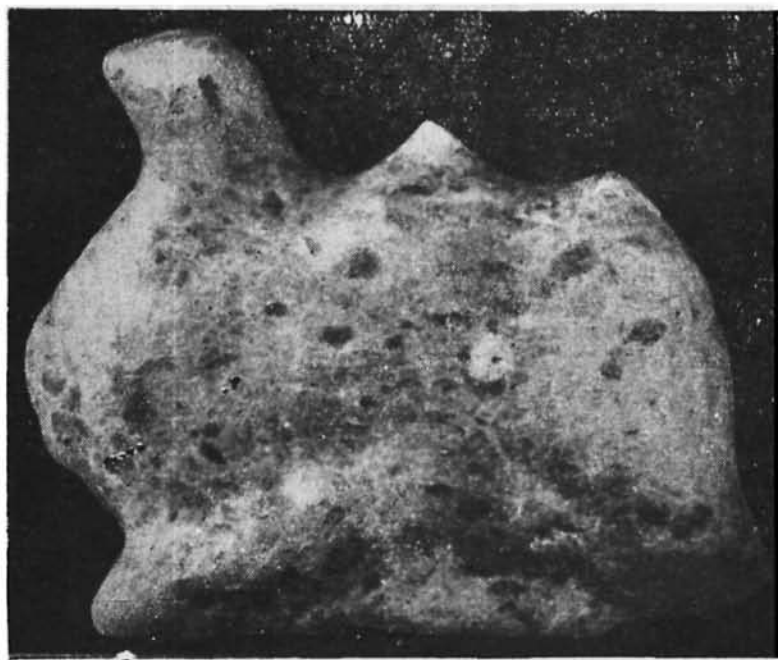

Рис. 54. Статуэтка верблюда из соли

Верблюд имел большое значение в жизни народов Средней Азии, и это отражено как в письменных источниках, так и в памятниках материальной культуры. По сообщению Бейши, во владениях Ань (б. Аньси) владетель сидит на золотом престоле, напоминающем собой верблюда³¹.

В Бухарской области находят монеты с изображением двугорбого верблюда. Эти монеты ориентировочно датируются V в. н. э.³²

На средней части жертвенника в росписях Варахши, как уже указывалось, воспроизведен лежащий верблюд с сидящим на нем человеком³³.

³¹ Бейши, гл. 97; Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 272.

³² Датировка В. А. Шишкина.

³³ В. А. Шишкин, Варахша (предварительное сообщение о работах 1949 — 1953 гг.), СА, XXIII, М., 1955, стр. 110, рис. 6.

Трон царя в росписях Восточного зала Варахши также напоминает верблюда, но крылатого.

Можно было бы указать еще на многие изображения верблюдов как крылатых, так и без крыльев³⁴.

В том, что верблюд сделан из соли, нет ничего необыкновенного. По сообщению китайского хрониста, в Гао-чане, области Уйгурского княжества V—VI вв., имелась красная и «...белая соль, подобная нефриту. Жители... делают из нее сголовья (головы) и представляют китайскому двору»³⁵. Возможно, что изготовление предметов из соли характерно было и для Средней Азии этого же времени, где, по сообщению того же хрониста, имелась соль пяти цветов³⁶.

Почитание верблюда могло сложиться как у кочевых народов, так и в торговой среде оседлого городского населения, потому что верблюды были основным видом транспорта на тысячекилометровых торговых путях.

Статуэтка верблюда из соли, по-видимому, имела какую-то определенную культовую значимость, так как, по представлению почитателей Авесты, верблюд являлся и оплодотворяющим началом.

В одном из гимнов Авесты, посвященных Веретрагне, говорится:

«И в четвертый раз предстал ему Веретрагна
В образе верблюда...,
Который из оплодотворяющих самцов
Наибольшей силой обладает,
Наибольшей мощью...
Стоит, поглядывая во все стороны,
Как мощный правитель»³⁷.

Соль сама по себе также была символом чистоты, гостеприимства и верности. Армянский историк V в. Фавст Бузанд, описывая взаимоотношения Армении с Персией в IV в., когда Армения находилась под властью Сасанидов, в частности, указывал на то большое значение, которое играла соль при торжественных клятвах в Сасанидском государстве. Сасанидский царь Шапур II (309—379 гг.) пригласил к себе армянского царя Аршака. Но прежде чем ехать, Аршак попросил Шапура II дать клятвенное обещание, что с ним ничего не случится. Шапур по «установленному в персидском царстве обычаю

³⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.—Л., 1950, табл. 49 и др.

³⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 250.

³⁶ Там же, стр. 272.

³⁷ Авеста, Перевод Е. Бертельса, ж. «Восток», кн. 4, М.—Л., 1924, стр. 7.

для торжественной клятвы велел принести соли, приложил к ней перстень с изображением вепря»³⁸.

Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский сообщает, что сын Иездигерда Пероз (457—484 гг.) во время одной из битв с эфталитами попадает к ним в плен. Из плена он освобождается за большой выкуп, дав клятву никогда не переходить границу, установленную еще Варахраном V (418—438 гг.). Но вскоре он нарушает клятву и вновь выступает против эфталитов. Прокопий сообщает далее интересный факт, что эфталитский царь «повесил на конце царского знамени ту соль, перед которою царь персидский прежде дал клятву, а потом, забыв ее, пошел на ушнов»³⁹.

Следовательно, обычай клясться на соли, существовавший в IV в., бытовал и в V в., и эта клятва признавалась эфталитами.

Не менее интересна находка двух фрагментов глиняных изделий, окрашенных в различные цвета. Эти фрагменты принадлежали декоративному убранству какой-то части стен комнаты.

Из помещения 4 полуциркульный арочный проход ведет в коридорообразное помещение 5.

Помещение 5. Верхние слои не дали археологических находок. На полу обнаружено несколько фрагментов ангобированной керамики, а также два сосуда, грубо вылепленных от руки из плохо перемешанной глины.

Один из сосудов имеет форму усеченного шара. Диаметр сосуда по дну — 10 см, высота — 6 см, диаметр горла — 4 см (рис. 55).

Тулово второго сосуда — цилиндрической формы, закругляющееся к венчику. С трех сторон сосуда — небольшие прилепные ручки; поддонце прямое диаметром 7 см. Поверхность сосуда черного цвета, высота его — 6 см, диаметр горла — 5,5 см.

Западная стена этого помещения полностью разрушена. В восточной стене имеются два дверных проема, ведущие в расположенный за ней коридор. В 35 см севернее южного прохода в стене имеется очаг — камин. В один из последних ремонтов здания южный выход с восточной стороны был заложен сырцовым кирпичом. Размеры помещения — 7,3×1,9 м.

Помещение 6, находящееся в юго-западном углу замка, почти полностью разрушено. Один вход в него шириной 85 см был с севера (со стороны двора), второй — с востока (из помещения 7). Пере-

³⁸ Фавст Бузанд, История Армении, Перевод с древнеармянского М. А. Геворгияна, Ереван, 1953, стр. 127.

³⁹ Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, Перевод с греческого С. Дестуниса, Книга первая, СПб., 1876, стр. 36.

Рис. 55. Глиняный сосудик ручной лепки

крытия дверных проходов как с северной стороны, так и с восточной не сохранились.

Ширина комнаты — 1,8 м, возможная длина (западная стена отсутствует) — 5,6 м. Культурных наслоений не обнаружено, так как почти весь пол смыт водами, стекавшими с поверхности тепе, а сохранившиеся в углах натечные слои не дали археологического материала.

Помещение 7 находится восточнее помещения 6 и соединено с ним дверным проемом длиной 1,25 м и шириной 85 см.

Второй вход в помещение был в восточной части северной стены; ширина его — 1 м, толщина стены — 1,45 м. Этот вход в один из последующих строительных периодов был заложен с севера больше чем наполовину, так что здесь со стороны комнаты образовалась ниша глубиной 50 см. Закладка прохода произведена сырцовым кирпичом размерами 50×29×10 см. По своей форме эта комната очень напоминает помещение 2 в северной части здания.

В середине южной стены имеется выступ внутрь помещения; ширина его — 50 см. Выступ делит помещение на две части: восточную шириной 1,75 м и западную шириной 2,25 м; длина западной части — 2,9 м, а общая длина всего помещения — 6,1 м.

В южной стене сохранились две бойницы, нижний край которых находится на уровне 1,1 м от пола. Нижняя часть восточной бойницы наклонена к внешней стороне. Вторая (западная) бойница сильно разрушена, так как через нее стекали дождевые воды. Между бойницами в верхней части стены заметны остатки светового оконца.

В северной стене находится очаг (рис. 56), который сохранился лучше, чем такие же очаги в других помещениях. Снизу он почти круглый (диаметр 60 см) и врезан наполовину в стену. Кверху глубина очага постепенно уменьшается и на высоте 1,8 м сходит на нет. В результате в стене получилось углубление в виде вытянутого конуса, по которому дым поднимался в верхнюю часть комнаты, где через световое окно или какое-нибудь другое отверстие выходил наружу. Очаг был забит кусками обвалившегося сырцового кирпича и золы. Поверхность очага внизу обожжена, а выше покрыта копотью.

На расстоянии 1,15 м к югу от северной стены с запада на восток проходила перегородка, ширина которой равна 30 см, высота — 50 см, длина — 1,8 м. Площадь за этой перегородкой была засыпана золой пепельно-серого цвета, расположенной слоями с тонкими прослойками земли между ними. Общая толщина зольного слоя — 56 см.

В юго-восточном углу, как мы предполагаем, находилось еще одно помещение, совершенно не сохранившееся (помещение 8). Судя

по сделанной нами реконструкции, длина его — 6,7 м, ширина — 2,25 м.

Выше, при описании конфигурации памятника, говорилось, что юго-восточная часть сооружения выступает к югу. К сожалению, на этом выступе не сохранилось никаких остатков комнаты, но в реконструкции плана здания сама собой возникает необходимость восстановить в этом месте помещение 9, которое было входным.

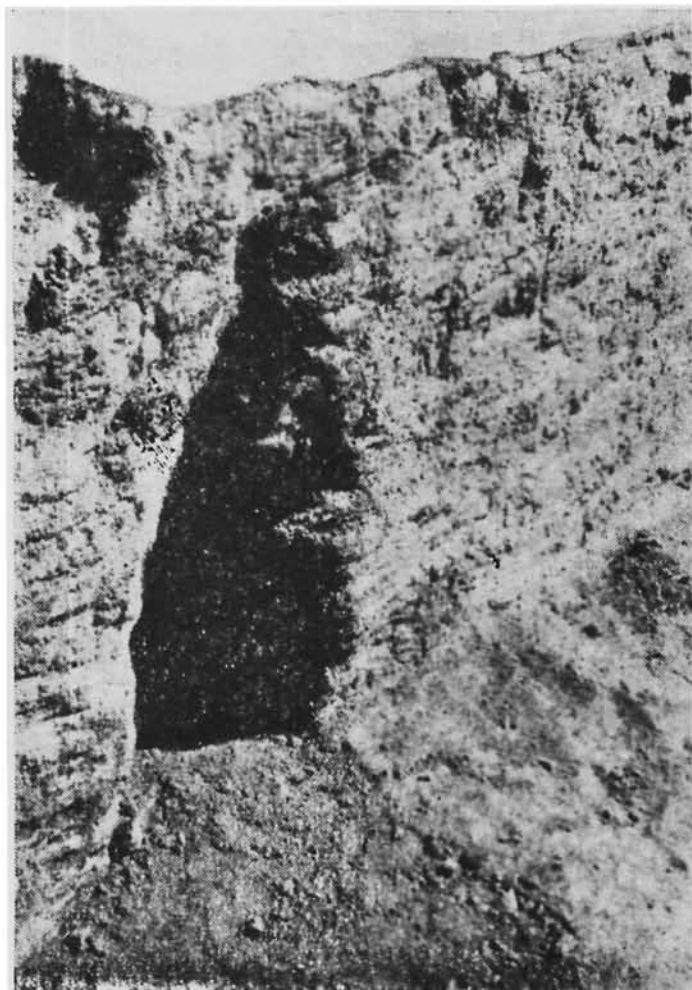

Рис. 56. Очаг

Помещения с восточной стороны не сохранились. По небольшим остаткам стен и на основании аналогии с западной стороной мы предполагаем, что с восточной стороны было две узких коридорообразных комнаты (помещения 10 и 11). Из них во внутренний квадратный дворик, возможно, имелись выходы.

Помещение 12 является одним из наиболее интересных. Вскрытие его также производилось по слоям. Верхний слой, как и в помещении 2, представлял собой твердую корку. Под ним находился слой рыхлой земли толщиной 50 см с небольшим количеством фрагментов керамики от толстостенных хумов и совсем редко встречающимися фрагментами глазурованной керамики (белая глазурь). При снятии этого слоя начали вырисовываться контуры северной и западной стен.

Следующий слой толщиной 30 см несколько более уплотнен. Керамика того же типа — толстостенная, неангобированная. Ниже располагался слой из рыхлой земли. Керамических находок нет; иногда попадались куски сырцового кирпича.

Четвертый слой толщиной 30 см состоял из кусков сырцового кирпича, рыхлой земли, мелких веточек и соломы. Керамический материал беден, в основном мелкие фрагменты, среди которых найдено несколько кусочков от тонкостенных сосудов, покрытых красным ангобом. Общая толщина всех вышеупомянутых слоев равна 1,5 м.

Большой интерес представляет последний слой. Толщина его — около 1 м от пола и около 40 см от поверхности суф, проходивших, как было выяснено, вдоль стен помещения. Он состоит из рыхлой земли, смешанной с большим количеством соломы, тонких перегнивших палочек и кусков сырцового кирпича. В южной части помещения описываемый слой перекрывается слоем натечной земли толщиной 5—8 см, который состоит из 40—50 тонких напластований, образовавшихся в результате дождевых натеков.

Вскрытие этого слоя дало большое количество керамического материала, в основном целых сосудов, лежавших как на суфах, так и на полу.

На западной суфе находилось 9 сосудов. Большинство из них разбито. На южной суфе найдено несколько фрагментов керамики, покрытых лощением, и один целый сосуд. Тут же были обнаружены сосуды, сделанные без применения гончарного круга и плохо обожженные.

Сосуды, найденные на восточной суфе, — более крупных размеров и более грубой отделки; некоторые из них изготовлены также без применения гончарного круга.

Из других находок необходимо указать на фрагменты стеклянных трубочек коричневого цвета, лежавшие на северной и западной суфах. На западной же суфе найден крупный фрагмент нижней части стеклянного сосуда, поддонце которого слегка выступает. На сохранившейся части тулова сосуда имелось два круглых налепа толщиной 0,5 см и диаметром 2,2 см; всего налепов было 4. Цвет стекла зеленоватый,

поверхность сильно окислилась и покрыта белой патиной. Аналогичный сосуд был найден при раскопках Пянджикента⁴⁰.

Расчистку слоя ниже уровня суф мы проводили квадратами 1,5×1,5 м начиная с северо-восточного угла. Этот слой также состоял из кусков сырцового кирпича, большого количества тонких палочек и рыхлого сыпучего лёсса серо-бурого цвета. Он образовался в результате разрушения перекрытия и стен. По-видимому, перекрытие помещения было балочным и сверху засыпано хворостом и землей.

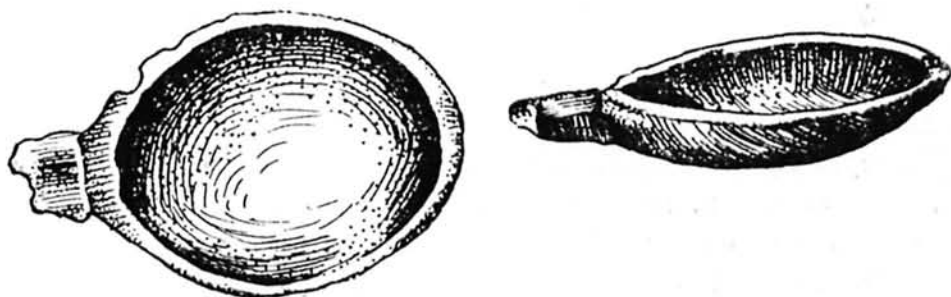

Рис. 57. Деревянная ложка

На полу находились деревянная ложка (рис. 57) и несколько сосудов, покрытых ангобом и лощением; большинство из них разбито на мелкие части.

При расчистке южной части этого помещения, в середине между западной и восточной стеной, на расстоянии 50 см от южной суфы обнаружен алтарь, сложенный из сырцового кирпича. Установить точно форму алтаря не было возможности, так как около него проходил ход кладочника, сильно испортившего его контуры.

Судя по остаткам обгоревшей земли, алтарь имел круглую форму диаметром 1,2 м и высотой 60 см; в середине его находилась продолговатая ложбина — место, где горел огонь (рис. 58). Она выложена двумя параллельными рядами сильно обгоревшего сырцового кирпича. Расстояние между кирпичами — 25 см. При расчистке накопившегося в «жаровне» зольного слоя толщиной до 25 см были найдены обуглившиеся зерна пшеницы и косточки урюка. Тяга создавалась при помощи поддувала, расположенного с северной стороны и выходившего к средней части «жаровни».

Перед алтарем лежал сосудик энахоевидной формы. Между западной частью южной суфы и алтарем обнаружено несколько раздавленных небольших сосудиков и крупных корчаг, одну из которых нам удалось восстановить.

⁴⁰ А. М. Беленицкий, Археологические работы в Пянджикенте, КСИМК, вып. 55, М., 1954, стр. 41, рис. 7.

В результате вскрытия полностью выяснилась планировка помещения 12, или, как мы будем его называть, помещения с алтарем. Ориентировано оно с севера на юг. Стены сложены из сырцового кирпича. В северной стене, как уже говорилось, имеется дверной проем с арочной перемычкой. Со стороны помещения 2 высота проема — 2,1 м, а со стороны помещения 12, нижняя часть которого заложена проходящей вдоль северной стены суфой, — 1,5 м. Этот дверной проем находится в 30 см от северо-западного угла комнаты. Общая протяженность сохранившейся части северной стены — 4,6 м.

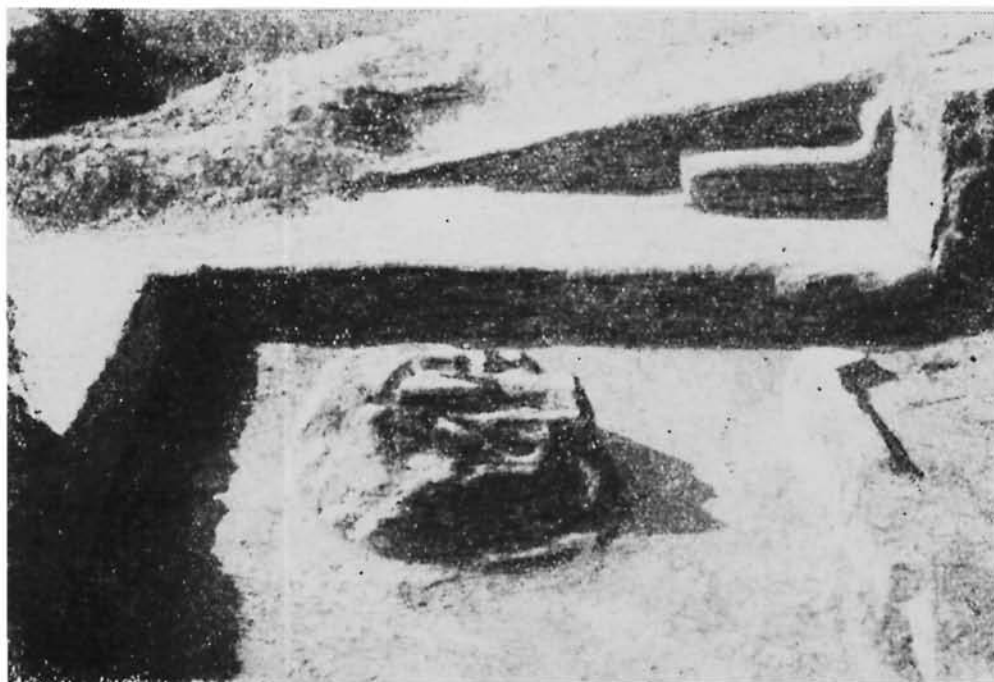

Рис. 58. Алтарь

Длина западной стены от северо-западного угла до дверного прохода в ней равна 7,4 м, ширина прохода — 1,2 м. Общая длина комнаты в этом направлении — 9,6 м, ширина — 5,3 м.

Западный дверной проем является главным. Углы его с обеих сторон имеют небольшие уступы. К нижним частям стен прохода приставлено по две вертикальные квадратные «лопатки», сложенные из кирпича. Размер каждой «лопатки» — 40×40 см, толщина — 10 см, расстояние между двумя рядами поставленных «лопатонок» — 20 см. Штукатурка западной стены сохранилась не везде. Так, в южной и центральной ее частях стена хорошо оштукатурена до высоты 50 см, в

северной части — до 1,4 м. Выше этого уровня поверхность стены сильно разрушена.

Южная стена сохранилась несколько хуже. В середине стены сделана ниша глубиной 50 см и длиной 2,4 м. Юго-восточный угол этого помещения разрушен, но его можно легко дополнить, как это сделано на плане.

Длина восточной стены, сохранившейся только в своей средней части, равна 7,6 м. Высота ее не превышает 0,5 м от поверхности суфы.

Вдоль всех стен внутри помещения находятся суфы, сложенные из сырцового кирпича. Поверхность их гладко оштукатурена. Высота суф — в среднем 50 см. Перед северной суфой имеется площадка высотой 5 см и шириной 1,2 м.

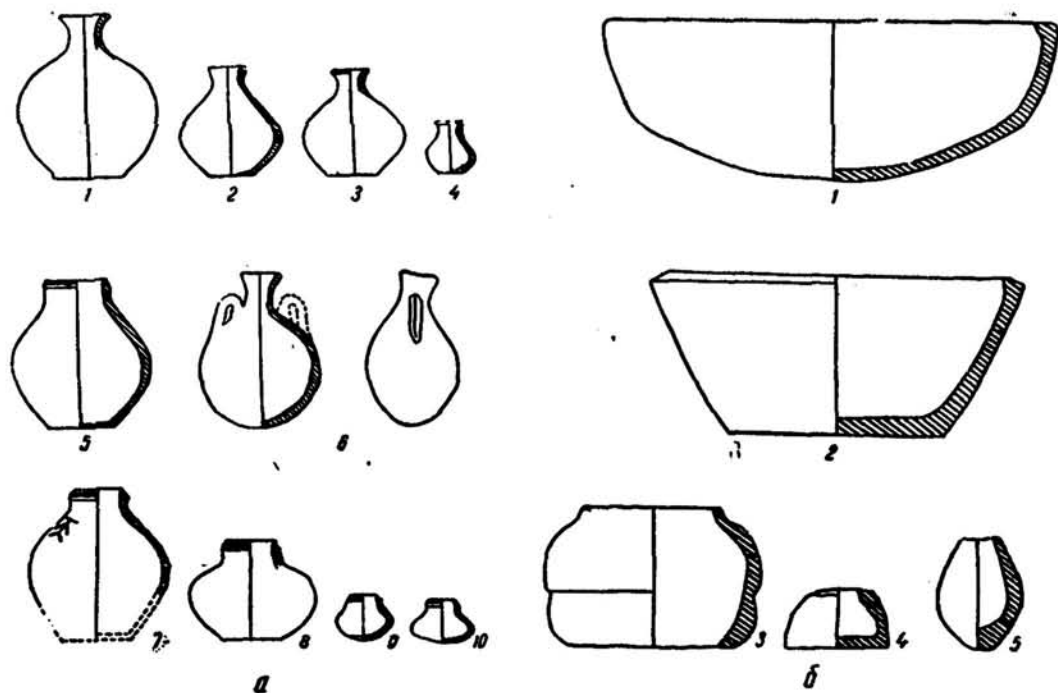

Рис. 59. Прорисовка керамики Балалык-тепе

Необходимо более подробно остановиться на предметах, найденных на суфах и на полу этого помещения (рис. 59, 60).

На северной суфе у входа лежал совершенно целый сосуд энахоевидной формы с округлым туловом и ручкой (рис. 61); высота его — 12,5 см. Он сделан на гончарном круге и подправлен с наружной стороны в нижней части острым инструментом; донце прямое. Сосуд покрыт красным ангобом (рис. 60, а6).

На этой же суфе найден второй сосуд, аналогичный по форме первому, но несколько отличающийся от него по характеру отделки. По-

верхность сосуда тщательно отлощена на круге костяной или деревянной палочкой, следы от которой в виде горизонтальных полос заметны на тулове. Ручка находится с противоположной носу стороны и отделана более тонко, чем у первого сосуда (рис. 60, а4).

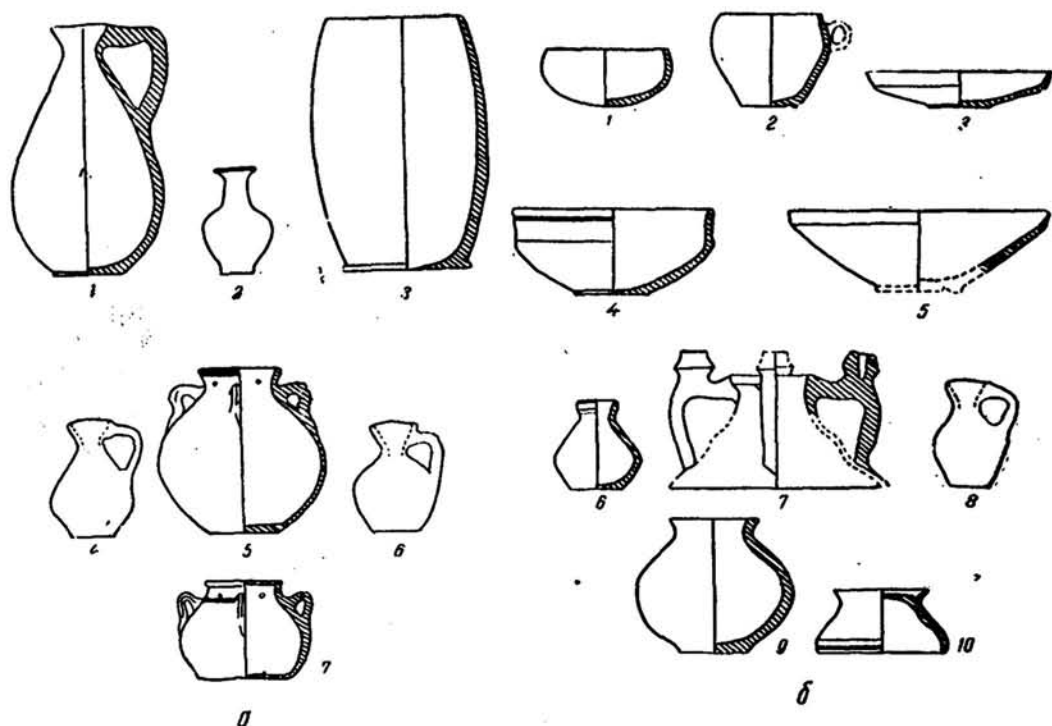

Рис. 60. Прорисовка керамики Балалык-тепе

Рис. 61. Энахоевидные сосуды

На полу около этой суфы обнаружен аналогичный сосуд несколько меньших размеров (высота 10 см). Поверхность его ангобирована, но слегка попортилась от солей. Горло сдавлено больше, чем у пер-

вых двух, ручка более тяжеловесна. Такого же типа сосудик был найден в Пянджикенте⁴¹ (рис. 60, а8).

В особую группу можно выделить пять сосудов, имеющих одинаковую форму, но различных по размерам (рис. 62). Тулово у них круглое, горло невысокое, узкое с отогнутым к внешнему краю венчиком; донца гладкие. Все сосуды этой группы сделаны на гончарном круге и с наружной стороны покрыты плотным красноватым ангобом.

Высота самого большого сосуда — 17 см. Тулово его более округлено, чем у остальных, часть горла отбита. Этот сосуд найден на северной суфе.

Рис. 62. Сосуды с круглым туловом

Два других сосуда — меньших размеров (их средняя высота — 11 см). Один из них находился на северной суфе, а второй — на западной. На полу, рядом с северной суфой, лежал четвертый, совершенно целый сосудик высотой 8,5 см.

Оригинальной формы сосудик обнаружен на северной суфе (рис. 63). Тулово его неправильной шаровидной формы, с нижней стороны сдавлено, узкое горло сильно вытянуто, венчик отогнут. Поддон прикреплен к тулову от руки после того как сосуд был отформован. Поверхность сосуда неровная и покрыта тем же плотным красноватым ангобом.

Особую группу представляют сосуды с четырьмя ручками. У них круглое тулово, широкое горло и венчик, заканчивающийся небольшим уступом (полочкой) к внутренней стороне (рис. 64). Это углубление предназначалось для крышки. К верхней части тулова с четырех сторон прикреплены небольшие профилированные полукруглые ручки. Между ручками, в узкой части горла сосуда, имеются круглые отверстия, проделанные еще до обжига. Они служили для проникновения воздуха в сосуд или для прикрепления крышки, в которой должно было быть соответствующее количество дырочек. В таких сосудах могли держать сыпучие продукты (пшеницу, просо и т. д.). С наружной стороны сосуда

⁴¹ А. М. Беленицкий, Археологические работы в Пянджикенте, рис. 4.

покрыты ангобом, внутри же ангоб нанесен только на горло. При разрушении здания сосуды разбились на мелкие части, собрать которые полностью не удалось. Высота большого сосуда — 18,5 см, диаметр горла — 8,5 см.

В отдельную группу можно выделить пять кувшинчиков. Высота самого крупного сосуда этого типа — 15,5 см. Округлое тулово его (со следами копоти на средней части) сужается к горлу диаметром 6 см; донце прямое. Сосуд покрыт белым ангобом.

Несколько более узкое горлышко (диаметр 5 см) и лучше профилированный венчик имеет сосуд, собранный не полностью (рис. 65). На верхней части тулова процарапана тамга. Красноватым ангобом покрыто только горло.

Рис. 63. Сосуд с утолщенным горлышком

Рис. 64. Сосуд с четырьмя ручками

Третий сосуд сохранился полностью. Округлое тулово его сильно сдавлено сверху и снизу, венчик профилирован так же, как и у предыдущих сосудов. Слегка выступающее поддонце ровное, ангоб коричневого оттенка в настоящее время сильно отслаивается. Высота сосуда — 10,4 см.

Хорошо сохранились также два меньших сосуда того же типа. В отличие от предыдущих доньшки у них круглые. Округлость придавалась подрезкой ножом после снятия сосуда с гончарного круга. Один из этих сосудов покрыт красноватым ангобом, второй — коричневым; высота их — 4 см.

Рис. 65. Сосуд с тамгой

Рис. 66. Сосуд грушевидной формы с западной суфы

Два первых сосуда найдены на западной суфе, остальные лежали на полу.

При расчистке хода кладонскателя на западной суфе был обнаружен сосуд грушевидной формы (рис. 66). Его шаровидное в нижней части тулово постепенно переходит к узкому горлу с энахоевидным носиком, в настоящее время частично отломанным. От верхней части горла к середине тулова прикреплена полукруглая ручка; поддонце ровное. С наружной стороны сосуд покрыт красновато-коричневым ангобом. По средней части тулова проходят четыре врезные горизонтальные линии. Высота сосуда — 26,5 см, наибольший диаметр — 15 см.

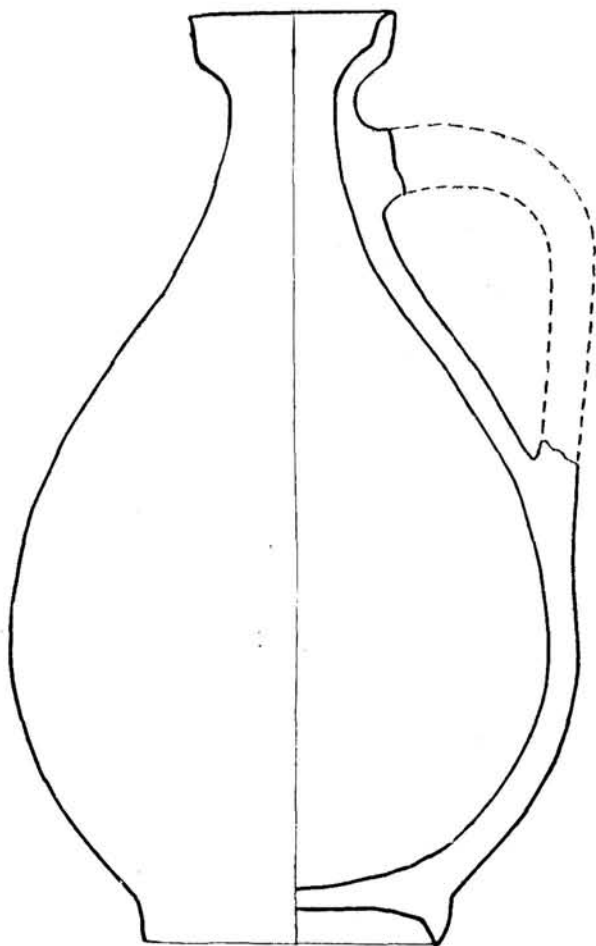

Рис. 67. Сосуд грушевидной формы с северной суфы (прорисовка)

Примерно ту же грушевидную форму имеет сосуд, лежавший на северной суфе (рис. 67). В отличие от предыдущего горло его заканчивается круглым, слегка отогнутым венчиком. На одной стороне сосуда находилась ручка, верхний конец которой был прикреплен к узкой части горла, а нижний — несколько выше средней части тулова. Дно сосуда слегка вогнуто, с выступающим кольцевым ободком. С наружной стороны сосуд покрыт светло-коричневым ангобом, лощением, а затем вновь ангобом, только красным. Верхняя часть горла с внутренней стороны тоже ангобирована. Высота сосуда — 20,5 см.

По форме эти сосуды можно отнести к группе сосудилов с энахоевидными горлышками.

Следующую группу составляют открытые сосуды типа чаш и тарелок. Самым крупным из них является изготовленная на гончарном круге чаша диаметром 42 см и высотой 15 см (рис. 68). Она находилась на восточной суфе. Тулово ее цилиндрическое, слегка расширяю-

щееся кверху. Венчик несколько загнут внутрь, дно округлое. На нижней части днища сохранились остатки прилипших органических веществ.

Черепок в изломе пористый, в глине большое количество дресвы, отчего поверхность чаши неровная.

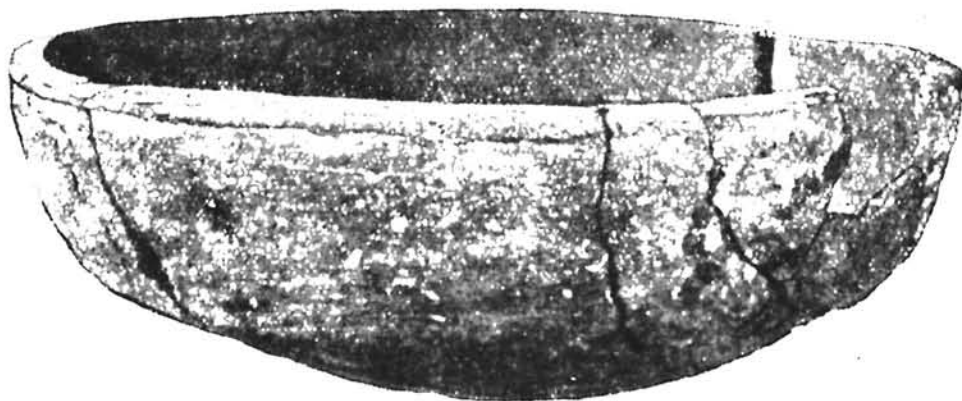

Рис. 68. Чаша

Второй сосуд — типа «тагара» (рис. 69). Тулово имеет форму усеченного конуса, расширяющегося кверху. Венчик слегка загнут к середине и скошен с внешней стороны; поддонце ровное. Снаружи сосуд покрыт белым ангобом; диаметр его в верхней части—35 см, высота—14 см. Сосуды подобного типа обнаружены на городище Зар-тепе, где они были покрыты красноватым ангобом, часто снабжены ручками и украшены штампованным орнаментом.

Рис. 69. Чаша типа «тагара»

Сосуды меньших размеров лучше по качеству и отделке. Одна из чаш собрана почти полностью; по форме она напоминает современную «касу» (рис. 70). Внизу тулово имеет вид конуса и расширяется кверху, затем, преломляясь под углом, оно принимает вертикальное положение, отчего верхняя часть его получила цилиндрическую форму. Венчик слегка отогнут и закруглен. Выступающее поддонце в нижней части ровное. Внутри и снаружи сосуд покрыт красновато-коричневым ангобом. Высота его — 8 см, диаметр по венчику — 12,5 см. По своей форме он похож на сосуд из керамической печи

Мунчак-тепе⁴², а также на сосуды из района Катта-Курганского водохранилища, датируемые первыми веками до нашей эры⁴³.

Хорошо сделаны плоские сосуды типа современных тарелок (рис. 71). Как с наружной, так и с внутренней стороны они залощены и покрыты плотным красновато-коричневым ангобом. Поддонце фигурно профилировано; тулово резко расходится, преломляясь кверху около края. Диаметр такой тарелочки—17,5 см, высота—4 см.

На северной суфе лежала небольшая фляга для воды (рис. 72).

Тулово ее по форме напоминает слегка сплюснутый с двух сторон шар, к которому прикреплено тонкое, слегка расширяющееся к венчику горло.

Рис. 71. Плоская тарелочка

Рис. 70. Каса

От нижней части горла, по обе его стороны, к верхней части тулова прилеплены две маленькие ручки. Снаружи фляга покрыта ангобом и сплошным лощением.

Очень интересна техника ее изготовления.

Вначале тулово вытягивалось на гончарном круге из одного куска глины как круглодонный сосуд с небольшим отверстием в верхней части; затем оно было залеплено кусочком глины. В узкой части тулова было сделано новое отверстие, к которому потом приставили отдельно изготовленное горло и гладко притерли его к тулову. В последнюю очередь прикреплялись ручки, затем тулово дополнительно подвергалось обработке при помощи ножа, и уже после этого сосуд покрывался ангобом и лощился. Диаметр тулова — 12 см.

Из небольших фрагментов керамики удалось собрать почти полностью небольшую кружку (рис. 73) с широким, слегка суживаю-

⁴² В. Ф. Гайдукевич, Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе, КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 74, рис. 206.

⁴³ Т. Н. Книпович, Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 71, рис. 17 (4).

щимся к доньщику туловом, поддонце которого имеет небольшой кольцевой выступ. Снаружи к верхней части тулова прикреплена кольцевая ручка. На расстоянии 0,5 см от верхнего края сосуда процарапана горизонтальная линия, две такие же линии проходят по самой широкой части тулова на расстоянии 2,5 см от венчика. Как с наружной, так и с внутренней стороны кружка покрыта красновато-коричневым ангобом. Диаметр верхней части ее—8,5 см, высота—7,5 см.

Рис. 72. Фляга

Следует сказать несколько слов о кубке, обнаруженном в помещении 4 (рис. 74) и имеющем полусферическое, посаженное на невысокую ножку тулово со слегка отогнутым наружу венчиком. По своей форме он несколько напоминает золотые кубки, изображенные в росписях, о которых будет сказано ниже. Диаметр кубка по венчику—9 см, высота—7 см.

Прямо против северного входа в помещение лежала высокая кринка с цилиндрическим, несколько расширенным в средней части туловом (рис. 75). Высота ее — 27 см, диаметр в верхней части — 14 см.

Рис. 73. Кружка с ручкой

Из других керамических находок можно указать на нижнюю часть носика от сосуда типа современного чайника. Носик прилепили

к сосуду после того как тулово было отформовано. Это хорошо видно по отлипу с тыльной, совершенно гладкой стороны фрагмента.

Нижняя часть носика изображает голову человека (рис. 76). Часть левого глаза и верхняя часть головы не сохранились. Общий тип лица — монголоидный: узкие, несколько выпуклые, косо поставленные глаза, слегка выступающие скулы, большой с горбинкой нос. Кончик носа отбит, ноздри подчеркнута глубоки, улыбающийся рот приоткрыт, в уголках рта — круглые дырочки, сделанные каким-то острием; широко расставленные уши украшены крупными шаровидными серьгами.

Тут же, на одной из суф, находилась небольшая круглодонная

Рис. 74. Кубок из помещения 4

Рис. 75. Кринка

чашечка; диаметр ее — 11,5 см, высота — 5,5 см (рис. 77). С наружной и внутренней сторон она покрыта красным ангобом.

Из всего комплекса керамики выделяется фрагмент сосуда явно ритуального назначения. Он представляет собой верхнюю часть горла с ручками, прикрепленными одним концом к венчику (рис. 78). К со-

Рис. 76. Налеп с сосуда, изображающий голову человека

жалению, тулово сосуда не сохранилось, но по нижним краям ручек можно определить форму верхней части сосуда (рис. 60, 67). На сгибе ручек находятся подсвечникообразные навершия с круглым отверстием в середине диаметром 0,7 и глубиной 2,5 см.

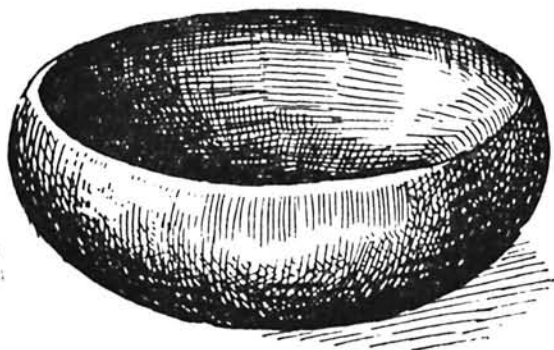

Рис. 77. Круглодонная чашечка

От одного из сосудов сохранилась подставка (рис. 60, 610). Она была сформована на гончарном круге в виде небольшого сосуда с расширяющимся кверху туловом и профилированным венчиком. Затем сосуд перевернули и получилась прочная высокая подставка, на которую был поставлен крупный сосуд, не сохранившийся в настоя-

щее время. Верхний сосуд скрепили с поддонцем глиняным жгутом, наложенным горизонтально по стыку поддонца и сосуда, и гладко протерли. С наружной стороны поддонце покрыто красноватым ангобом.

При раскопках были найдены светильники очень своеобразной формы: плоская круглая площадка с оттянутым с одной стороны носиком, в который укладывался конец фитиля.

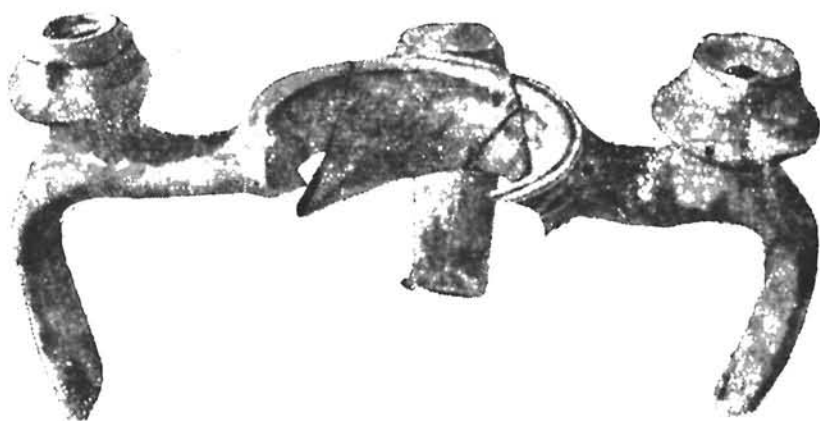

Рис. 78. Фрагмент сосуда с навершиями на ручках

Эти светильники характерны и для кушанского времени. Они встречались при раскопках Хайрабад-тепе, в слое Беграм II⁴⁴, в Таксиле⁴⁵, Пянджикенте⁴⁶ и других местах, в частности в городах Северного Причерноморья⁴⁷.

Из других предметов, обнаруженных в этой комнате, можно указать на части деревянных музыкальных инструментов. Очень хорошо сохранился колок (рис. 79) для натяжки струн, имеющий длинный круглый стерженек и плоскую квадратную ручку⁴⁸.

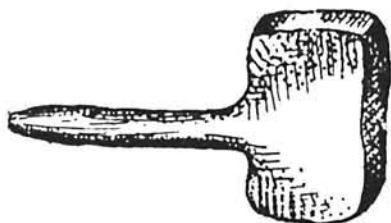

Рис. 79. Колок

Рядом лежали две конусообразные головки грифов (рис. 80) с закругленным верхом. Узкая нижняя часть заканчивается прямоугольной колодкой с отверстием для колка; в середине верхней части колодки

⁴⁴ R. Ghirshman, Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kuchans, tabl. XLIV.

⁴⁵ J. Marshall, Taxila, vol. III, tabl. 125, 129, IV, 135, 136, 141. В табл. 129, IV изображена полногрудая женщина, которая держит перед собой светильник.

⁴⁶ И. Б. Бентович, Керамика Пянджикента, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 141, рис. 9.

⁴⁷ Т. Н. Книпович, Тапаис, М.—Л., 1949, стр. 79, рис. 34 (6).

⁴⁸ Находка колка хорошей сохранности была настолько неожиданной, что мы усомнились в принадлежности его к раскапываемому слою, так как присутствующие при раскопках экскурсанты могли обронить колок. Дальнейшие раскопки дали другие части инструментов, что устранило все наши сомнения.

также было небольшое отверстие, через которое к колку подходили струны.

Дека инструмента не имела резонирующего устройства и состояла из плоской доски толщиной 3 см, расширяющейся к нижнему краю. К сожалению, остальные части инструмента были полностью съедены термитами.

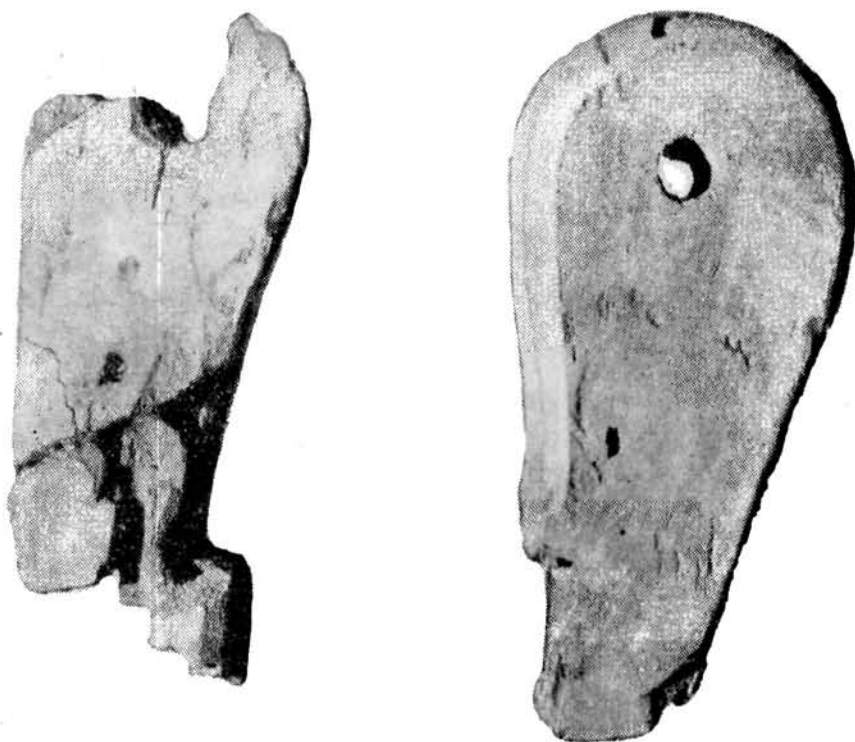

Рис. 80. Части музыкальных инструментов

На полу, около восточной суфы, найдены две белые пуговицы, сделанные из плоских круглых камешков. В центре их просверлены небольшие отверстия для протягивания нитки. По раскопкам городища Варахша и других мест известны великолепные пуговицы такой же конструкции, но сделанные из кости с нанесенным на них богатым орнаментом; они относятся к X — XI вв. Тут же на полу находились два подвеска, выточенные из мраморного известняка (рис. 81). Один из них — треугольной формы, с закругленными углами. От центра к широкой стороне просверлено отверстие длиной 1 см и шириной 3 мм; через него протягивалась лента. Аналогичные подвески мы видим на лентах у некоторых женских фигур, изображенных в росписях (рис. 109, фиг. 15). Рядом с этими находками лежала шестигранная черная пуговица и фрагменты стеклянных круглых трубочек.

На южной суфе найдено два медных кружка. После расчистки оказалось, что на этих кружках, сделанных из очень тонких медных пластинок, реалистично изображен слон, идущий вправо. У него большая выпуклая голова с загнутым к раскрытому рту хоботом; виден большой бивень. Правая передняя нога согнута в колене. На спине находится какой-то предмет. Фигура слона выбита при помощи чекана с оборота, и на лицевой стороне изображение получилось выпуклым⁴⁹.

Диаметр этих медных кружков — 1,6 мм. На них нет каких-либо отверстий, которые могли бы служить для прикрепления к одежде или к другому предмету, поэтому назначение их пока не выяснено. Очень точная передача изображения слонов дает основание утверждать, что мастер, чеканивший изделия, хорошо знал этих животных.

В восточной части северной суфы найдено 9 собачьих челюстей (рис. 82). Интересно, что других костей этих животных не обнаружено.

Известно, какое большое значение имели собаки в культе зороастризма, где они считались священными животными. Собакам на съедение отдавался труп умершего человека, и только после того как кости были очищены от мяса, можно было приступать к погребальным обрядам⁵⁰.

При раскопках на городище Тали-Барзу Г. В. Григорьев обнаружил собачью челюсть, лежащую на блюде. Во время раскопок усадьбы близ Кафыр-кала были найдены челюсти собак вместе с человеческими черепами и фрагментами оссуариев⁵¹.

Большую ценность представляют семена растений, обнаруженные на суфах. Среди них — косточки персика, урюка, фисташки, миндаля, алычи, винограда, скорлупа орехов, коробочки хлопчатника, корка граната, зерна пшеницы, проса, маша, косточки дыни и арбуза.

На северной суфе найдены остатки тканей. В реставрационной мастерской Эрмитажа В. Н. Кононов произвел исследование тканей и установил, что их было 3 вида.

Рис. 81. Подвесок

⁴⁹ Таким же образом изготовлены фигуры слонов на фаларах (И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, стр. 89, рис. 93; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 46, 47).

⁵⁰ К. А. Иностранцев, О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, Новая серия, СПб., 1909, ч. XX, № 3 (март), стр. 114.

⁵¹ Сообщено Г. В. Шишкиной.

1. Грубая ткань. Переплетение ее полотняное — репс. Она плотная, нитки крученые. Материал — шерсть. Ткань состоит из чередующихся полос:

а) полоса серо-желтого цвета; нити утка и основы — одинарные, количество их на 1 см утка — 6, основы — 4;

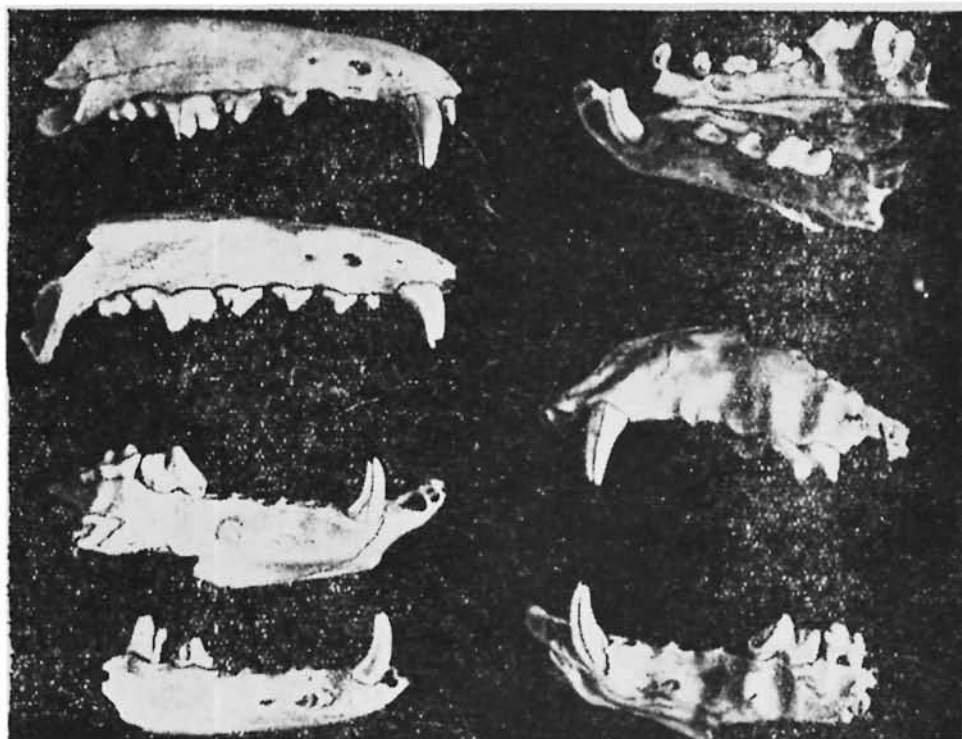

Рис. 82. Челюсти собак

б) полоса, в которой нити основы серо-желтые, а утка — красные. Все нити одинарные, количество их на 1 см утка — 6, основы — 4. Первоначальная основа серо-желтых нитей — желтая, красных нитей — алая; красители этих нитей — ализарин и пурпурин, т. е. красители ма- рены;

в) полоса, в которой основа состоит из одинарных нитей; количество их на 1 см утка — 2, основы — 4, на 1 см — 6 пар нитей. Первоначальная расцветка ткани — желтая.

2. Ткань «мешочка». Материал — шелк. Нити некрученые (рис. 83). Ткань узорчатая со сложным переплетением в виде зигзага (киперный зигзаг). Количество нитей на 1 см² в двух направлениях — 40×52. Ткань имеет следы окраски. Первоначальная расцветка, возможно, была синяя или зеленая.

3. Полоска ткани с узором. Материал — шерсть. По первоначальному желтому фону выткан мелкий рисунок орнамента синего цвета.

Помещение 13 как бы угольником охватывает помещение 12 с юга и запада. С южной стороны длина комнаты с запада на восток равна 10,3 м, ширина — 3,5 м, в западной части длина с севера на юг — 8,5 м, ширина — 3,1 м.

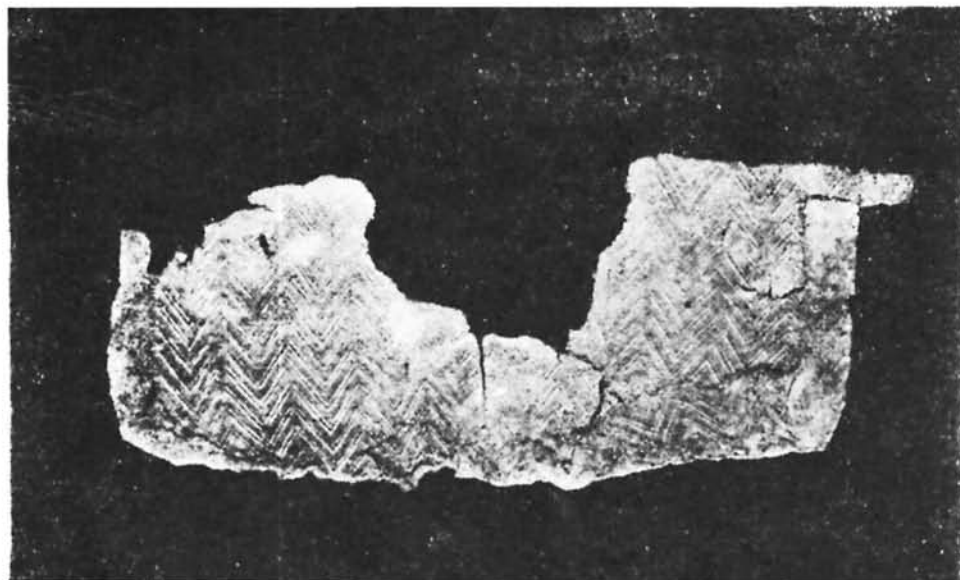

Рис. 83. Шелковая ткань

В помещении было три входа: один в западной стене, впритык к северной стене; второй вел в помещение 12 и третий (в северной стене) — в помещение с росписями (14).

Нижняя часть углов стен западного входа закруглена и хорошо оштукатурена. Вдоль западной стены помещения находятся две суфы. Северная суфа (рис. 43, 84) шириной в северной части 85 см и в южной — 1 м; длина ее — 3,95 м. Южная суфа шириной 1,4 и длиной 3,3 м.

Расстояние между обеими суфами — 10 см. К южной стене примыкает третья суфа шириной 1,2 м и длиной около 8,8 м. От восточной суфы ее отделяет расстояние в 10 см. Поверхность всех трех суф гладко оштукатурена. Пол этой комнаты, как и лежанок, был покрыт камышовыми циновками, которые к моменту раскопок превратились в белую рыхлую массу толщиной 3 — 5 см. В юго-западном углу комнаты стояла небольшая корчага с шаровидным туловом и широким горлом. Вдоль венчика по тулову проходит зигзагообразный орнамент. Других находок в этом помещении не было.

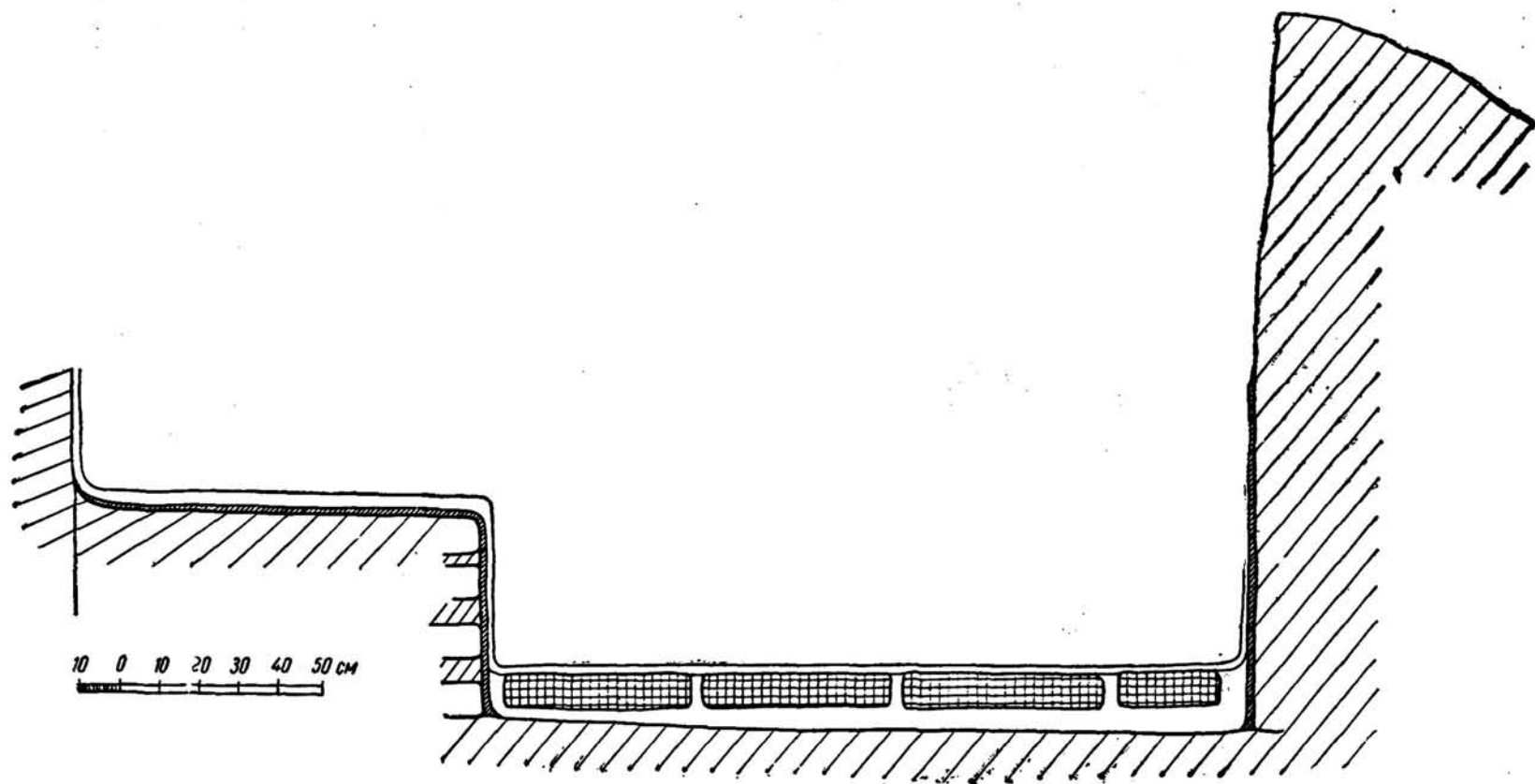

Рис. 84. Разрез пола и суфы

Интересно вскрытие пола коридора (15), расположенного за западной стеной помещения 13. Ширина коридора — 80 см, длина — 8,5 м. После снятия уплотненной обмазки пола обнаружено несколько состоявших из семян растений прослоек, которые чередовались с прослойками смазок из раствора глины (рис. 85). Семена в основном те же, что и в помещении 12.

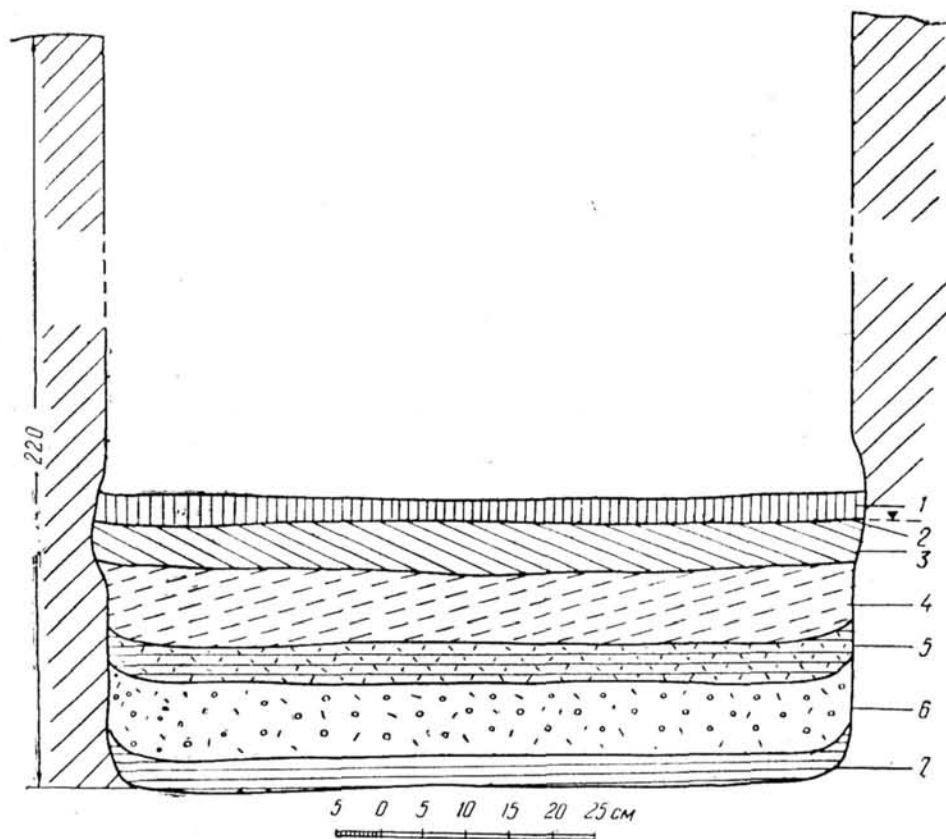

Рис. 85. Стратиграфический разрез половых настилов коридора 15
1-саманные промазки пола; 2-обожженный уровень пола; 3-глиняная заливка; 4-большое количество камыша, зольные прослойки толщиной до 1 см, фруктовые косточки, кости животных, фрагменты керамики; 5-зола; 6-камыш и семена хлопчатника; 7-глино-саманная заливка

Второй, еще более узкий коридор находится в восточной стороне (16). Ширина его — 75 см. Сохранилась только центральная часть. После снятия верхнего слоя, состоявшего из плотной лёссовой корки и рыхлой земли (общей толщиной 40 см), выяснилось, что коридор на глубину более полуметра был заполнен золой.

Помещение 14. На его стенах при раскопках 1953 г. были обнаружены признаки живописи. Но тогда раскопки здесь пришлось прекратить, так как не было специальных фиксажей для закрепления росписей.

Вскрытие этого помещения началось весной 1954 г.⁵² Для закрепления росписей был применен тот же материал, что и при фиксации живописи Пянджикента⁵³ и Варахши, т. е. синтетическая смола полибутилметакрилат (ПБМА), растворенная в ксилоле. После того как краска и часть штукатурки пропитывались этим раствором, слой закреплялся на толщину до 3 мм. Так как интенсивность красочного слоя от этого не ослабевает, а усиливается, то многие детали, которые на первый взгляд казались малозаметными, после фиксации стали более яркими и четкими, что облегчило их копирование.

Необходимость тщательной расчистки и закрепления росписей заставляла вскрывать поверхность стен частями. Так, весной 1954 г. раскоп был ограничен небольшим шурфом, проходившим вдоль центральной части северной стены помещения. Размер шурфа — 1,5×3 м. Ведение работ такими небольшими шурфами объясняется также следующим: выбрасываемую из раскопа землю необходимо было сохранить для того, чтобы после завершения работ вновь засыпать шурф до тех пор, пока не представится возможность снять росписи со стен с целью экспонирования их в одном из музеев. Засыпка землей росписей после закрепления их раствором хорошо предохраняет последний от разрушения.

Во время весенних работ было вскрыто немного более 2 м² центральной части северной стены, где на первом плане изображены три фигуры сидящих людей, а на втором — столько же фигур меньших размеров.

Осенью 1954 г. эти работы были продолжены⁵⁴ и позволили закончить фиксацию росписей всей северной стены. Кроме того, были сняты копии с северных частей западной и восточной стен (по одному листу шириной 85 см с каждой стороны).

Основные работы по вскрытию росписей проведены осенью 1955 г.⁵⁵ В течение 1,5 месяцев удалось закончить расчистку, провести закрепление и фиксацию росписей восточной, южной и западной стен. Эти рабо-

⁵² В работах, помимо автора, принял участие архитектор В. А. Нильсен, ранее занимавшийся фиксацией росписей Варахши.

⁵³ П. И. Костров, Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 193; Е. Г. Шейлина, Консервация и реставрация стеновых росписей древнего Пянджикента, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 147—156.

⁵⁴ В этих работах, помимо автора, занимавшегося прорисовкой рисунков, приняли участие художник В. Н. Кедрин и лаборант В. А. Денякина, производившие раскраску прорисовок.

⁵⁵ Расчистку и фиксацию росписей производили Л. И. Альбаум, Г. В. Шишкина, художники В. Тий и Г. Н. Никитин.

ты были завершающими и дали полную картину устройства и планировки помещения с росписями.

Приступая к раскопкам данного помещения, мы обратили внимание на то, что вся площадь, предназначенная для вскрытия, была заполнена правильной кладкой сырцового кирпича тех же размеров, из которого построены стены здания. После снятия верхнего слоя кирпичей выявились контуры северной и восточной стен, и только тогда мы смогли более смело приступить к вскрытию помещения.

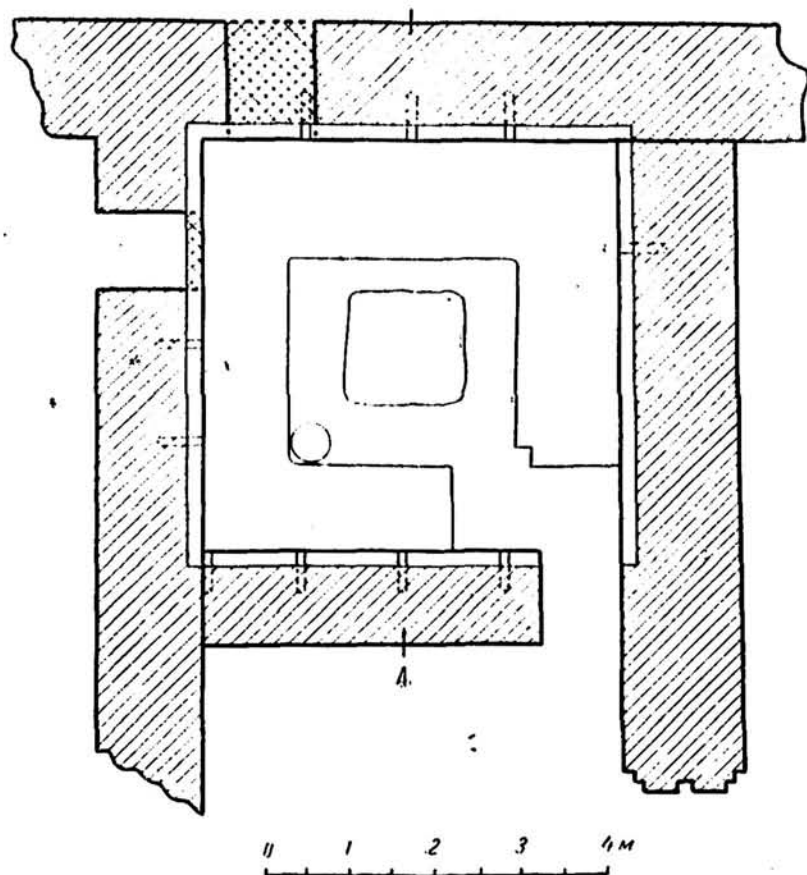

Рис. 86. План помещения с росписями

Под первым слоем кирпичей находился второй, за ним третий и т. д. до уровня суфы. Дальнейшее расширение раскопок подтвердило предположение, что вся комната была заложена горизонтальными рядами кирпичей. Вдоль стен кирпичи сохранились лучше, чем в середине. Это объясняется тем, что стекавшие к центру дождевые воды сильно расслоили их структуру.

После завершения раскопок было установлено, что комната в плане квадратная (рис. 86), каждая сторона равна 4,85 м. Вход в нее на-

ходится в юго-восточном углу. Ширина дверного проема — 90 см, длина, соответствующая толщине южной стены, — 1,1 м. Сохранившаяся высота южной стены около входа — 2,5 м.

После того как помещение и вход в него были заложены кирпичом, с наружной стороны южной стены, к тому месту, где раньше находился вход, была пристроена лестница. По ней поднимались на площадку, образовавшуюся на месте расположения комнаты с росписями.

Вдоль внутренней части стен сооружена сплошная суфа. Высота ее — 35—40 см, ширина около южной стены — 1 м, западной — 85 см, северной — 1,38 м и восточной — в среднем 1,2 м. Суфа южной стены не доходит до дверного прохода на 90 см, суфа восточной стены — на 1 м. В юго-западном углу восточной суфы сделан уступ размером 25 см, благодаря которому проход во внутреннюю часть помещения увеличился.

В центре помещения находилось какое-то разрушившееся в настоящее время возвышение. Возможно, это квадратная суфа — такая же, как в помещении с росписями в Варахше⁵⁶.

Между возвышением (если наше предположение о его существовании верно) и суфами оставался проход шириной около 60 см.

Пол и суфы комнаты гладко оштукатурены. Поверхность пола неровная: от входа она постепенно повышается. Разница в уровнях пола около входа и в середине помещения — 40 см.

Как уже говорилось, внутреннее пространство комнаты было заложено кирпичом, благодаря чему стены сравнительно хорошо сохранились. Выше поверхности суфы, на высоту 1,2 — 1,4 м, стены гладко оштукатурены и покрыты живописью. Средняя сохранившаяся высота стен, за исключением восточной, — более 2 м; высота же восточной стены в южной части — 1,5 м, а в северной — до 2 м.

На уровне верхней грани красочного слоя стена делает уступ шириной 17 см к наружной стороне помещения, а затем продолжается кверху еще на 60 см (рис. 87). Уступ очень хорошо прослеживается в южной и восточной стенах. Северная и западная стены возведены в первом строительном периоде, поэтому здесь не было указанных уступов. Но во второй строительный период строителям нужно было их сделать так же, как на вновь построенных стенах. Для этого верхняя часть стен была срублена каким-то острым инструментом, следы которого прослеживаются. Некоторые части стен заново переложены.

При осмотре поверхности уступа мы обратили внимание на то, что нижняя грань не везде горизонтальна: в некоторых частях имеются по-

⁵⁶ В. А. Ш и ш к и н, Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), стр. 15, рис. 9.

лукруглые углубления. Слой штукатурки стены также несколько приподнимается выше горизонта уступа, в результате чего получилась закругленная ложбинка. Очевидно, в этом месте лежала деревянная балка, нижняя сторона которой была закруглена. Поверхность уступа в некоторых местах сильно закопчена. Копоть могла быть только от пожара или кострищ, разведенных в комнате в один из периодов существования здания. Дым и

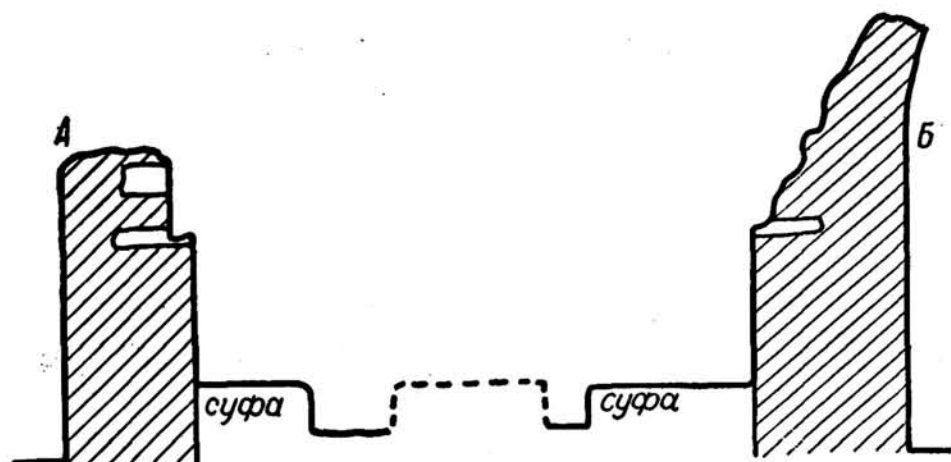

Рис. 87. Разрез помещения с росписями

копоть, заполнявшие помещения, не находя достаточного выхода, просачивались сквозь щели под балками. Сами балки, по-видимому, не горели, так как кирпичи, на которые они опирались, не обожжены. В тех местах, где балки лежали на выступе более плотно, закопченность не прослеживается. Можно предположить, что на этом уступе находился деревянный карниз с закругленной нижней частью. Ширина его была не менее 17 см, а высота — не более 35 см, так как выше в южной стене имеются отверстия от балок перекрытия комнаты. Для более прочного крепления карниза на уступе нижняя часть его клалась на глинистый раствор. Кроме того, под ним было несколько подпорок, о существовании которых можно судить по сохранившимся в стенах продолговатым горизонтальным отверстиям шириной до 10 см и высотой 15 см. Эти отверстия проходят через верхний край внутренней части стены с росписями, прорезают ее на 7 см от верхнего обреза и далее продолжают в основной стене на глубину до 40 см, причем высота отверстия увеличивается до 15 см.

Штыри, которые вставлялись в отверстия под карнизом, могли быть резными. Они, по-видимому, выступали на некоторое расстояние перед плоскостью стены. К штырям, поддерживающим карниз, вероятно, подвешивались ленты, как это мы видим в наших росписях. Таких штырей

в южной стене было 4, и находились они один от другого на расстоянии около 1 м. В западной и восточной стенах сохранилось всего по 2 отверстия, в северной — 3, причем вокруг среднего видны следы пальцев в виде полукруглых бороздок, получившихся на сырой глине при обмазке штыря во время штукатурки стены и подготовки ее под разрисовку. Следы впоследствии были покрыты слоем краски. Все это указывает на то, что балки и штыри вставили до того, как комната была раскрашена.

Карниз, по-видимому, имел какие-то украшения, возможно резьбу⁵⁷. При раскопках помещения с алтарем обнаружены деревянные резные детали красного цвета. Краска наносилась не прямо на дерево, а на белую основу. Возможно, что указанные детали были частью украшений карниза.

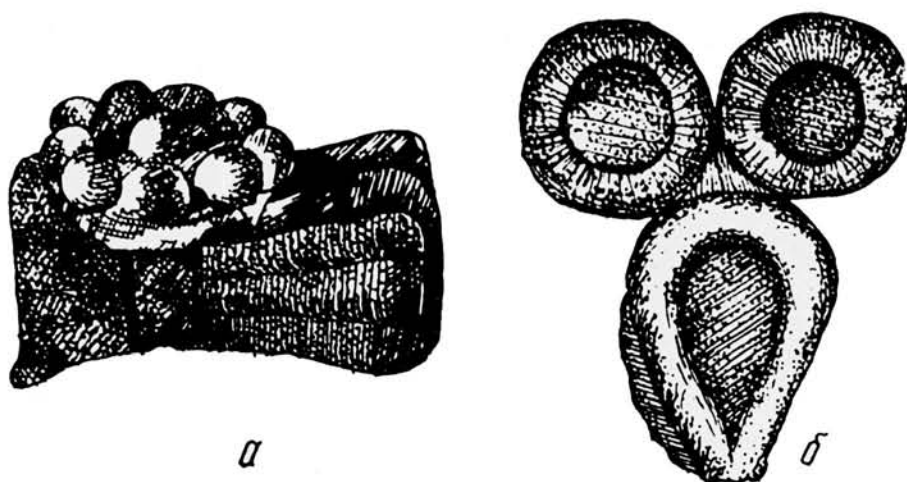

Рис. 88. Фрагменты глиняных украшений

Для этой цели могли применяться и глиняные крашенные изделия. Они делались из необожженной глины по частям, затем компоновались и высушивались. Три фрагмента таких изделий найдены в помещении 4.

Один из них имеет форму банта, стянутого в середине и расширяющегося к краям (рис. 88, а). Тыльной стороной он был прикреплен к какой-то плоскости. Середина банта перетянута пояском шириною 5 мм, по которому проходят две вертикальные линии. По обе стороны пояса идут горизонтальные линии, процарапанные на сырой глине. После про-

⁵⁷ Это предположение подтверждается проведенными нами в 1956 г. раскопками замка Джумалак-тепе. В одной из комнат, стены которой сильно обожжены, было найдено обгоревшее резное дерево.

сушки фрагмент был покрыт черной краской. К середине банта прикреплен глиняный кружок. По верхнему краю его расположено 9 выступающих шариков белого цвета и один шарик (в середине круга) синего цвета. Шарiki окаймлены по краям тонкой красной линией.

Второй фрагмент представляет собой миндалевидный подвесок с двумя кружками, прикрепленными к его широкой части. Третий фрагмент (рис. 88, б) состоит из двух кружков в виде колесиков, поверхность которых несколько пологая к середине. Между двумя кружками спускается каплеобразный подвесок длиной 3 см и наибольшей шириной около 2 см; на расстоянии 0,5 см от края его проходит тонкая ложбинка, которая выделяет центральную часть, окрашенную синей краской. Остальная поверхность подвеска и кружков белого цвета.

Большое количество самых разнообразных украшений, в том числе и таких, как на Балалык-тепе, было раскопано при закладке небольшого разведывательного шурфа на Безымянном городище, расположенном в 30 км к северу от Балалык-тепе, в Ширабадском районе⁵⁸.

⁵⁸ Для большей наглядности техники их изготовления опишем некоторые из обнаруженных фрагментов.

Самыми интересными являются букеты цветов (рис. 89). Каждый цветок состоит из восьмилепестковой розетки с круглой, слегка выпуклой серединой. Чашечка его вогнута, и лепестки как бы выступают вперед; в свою очередь, каждый из них имеет углубление к средней части. Цветок выделяли из сырой глины при помощи штампа, затем сушили, после чего покрывали тонким слоем белого ганча и окрашивали в желтый, красный или синий цвет.

Готовые отдельные цветки компоновали на деревянные штыри, которые предварительно обмазывали слоем глины. Таким образом, получались букеты, украшавшие какие-то детали внутреннего декора помещений. В настоящее время деревянные части съедены термитами, а места, где эти части находились, сохранились в виде отверстий.

Помимо цветов, изготавливались украшения, похожие на круглые медальоны диаметром 4,5 см. По контуру каждого из них проходит в среднем 15 полушариков, окаймляющих мужское лицо, изображенное в центре (рис. 90). Эти полушарики образуют как бы волосы головы и бороду. Лицо европеоидного типа, широко раскрытые глаза, брови, соединяющиеся над переносицей, к вискам раздваиваются: верхний край их слегка приподнят, а нижний, закругляясь, спускается книзу; нос прямой. Усы являются продолжением верхней губы, края нижней губы приподняты. Общее выражение лица слегка улыбающееся. Эти изображения также изготавливались отдельно, а затем прилеплялись к какому-то полуцилиндру, возможно полуколонке, диаметром 25 см. В сборке готовых фрагментов в единую композицию, по-видимому, принимали участие ученики, так как некоторые медальоны были перевернуты. Выделялись эти медальоны при помощи штампа, затем после просушки окрашивались в желтый цвет.

В Восточном Туркестане, в Кызыле, были найдены скульптуры воинов — шакья. У некоторых из них по обе стороны груди в круглых медальончиках изображены примерно такие же лица, выполненные более схематично (часть этих скульптур находится в Эрмитаже).

Можно было бы привести еще целый ряд интересных фрагментов, но это отвлекло

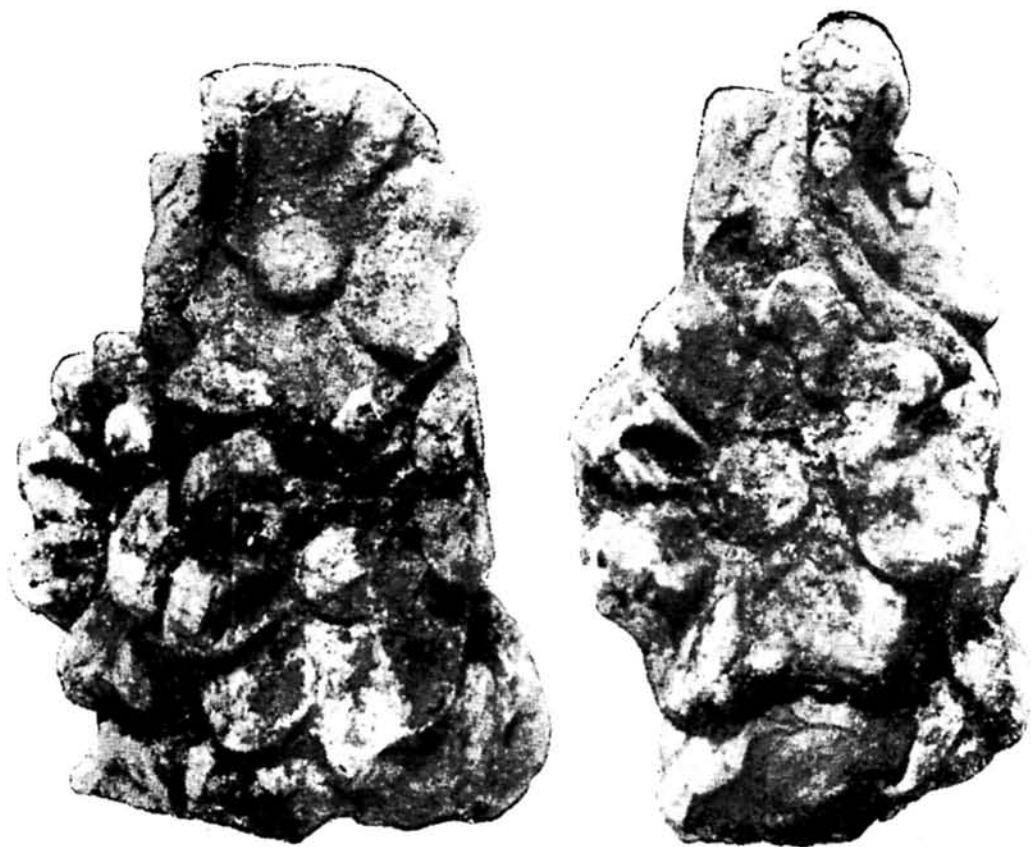

Рис. 89. Фрагменты глиняных украшений

Рис. 90. Глиняный медальон

В южной стене, на высоте 2 м от современного уровня пола, обнаружено три отверстия от балок перекрытия помещения. Судя по отверстиям, диаметр балок составлял не более 25 см. Проследивая направление сохранившихся гнезд, можно сказать, что они шли строго параллельно западной и восточной стенам. В северной стене эти отверстия сильно разрушены⁵⁹.

Если предположить, что балки проходили не через все помещение, а несколько выступали над суфами для того чтобы в середине осталось световое окно, то в этом случае мы должны были обнаружить на полу следы колонн, на которые опирались бы балки. Но таких следов не найдено. Остается сделать вывод, что перекрытие было сплошным, балочным. И если в потолке находилось световое окно, то ширина его не превышала 50 см, так как на этом расстоянии расположены одно от другого отверстия, куда вставлялись балки.

В. А. Шишкин, изучая стены Красного зала Варахши, пришел к выводу, что в такие отверстия вставлялись концы балок поместей, употреблявшихся при штукатурной и живописной отделке стен⁶⁰.

В. А. Нильсен при раскопках цитадели Варахши выявил ряд прямоугольных отверстий, расположенных в стенах помещений, несколько ниже пят сводов. Он считает, что они остались от балок деревянного настила, с которого производилась кладка верхних частей стен и сводов⁶¹.

После выемки всех кирпичей, которыми было заложено помещение 14, мы не нашли на суфах и полу осыпавшихся кусков штукатурки с росписями или каких-либо других предметов.

Суфы были гладко оштукатурены. После снятия верхнего слоя обмазки пола и суф оказалось, что во многих местах поверхность пола, а также боковые стенки суф, особенно южной, западной и северной, обожжены. Это говорит о том, что здесь были кострища.

Как указывалось выше, поверхность стен с росписями была густо покрыта копотью. Кроме того, закопченными оказались и многочисленные места выпадов красочного слоя. В юго-восточном углу, где расположен вход в помещение, кострищ не разводили, и пол здесь не обожжен.

бы нас от темы. Укажем только, что в шурфе обнаружен кружок синей краски диаметром 2,2 см и высотой 0,5 см. Анализ краски, произведенный в Эрмитаже, показал, что это ляпис-лазурь.

⁵⁹ В первом строительном периоде северная стена была внешней стороной комнаты и при возведении помещения с росписями надстроена нефундаментально. При выемке балок, во время закладки этого помещения кирпичом, гнезда разрушались.

⁶⁰ В. А. Шишкин, Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), стр. 24.

⁶¹ В. А. Нильсен, Варахшская цитадель, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 58.

В таком состоянии замок находился, вероятно, недолго. Вскоре сюда возвратились прежние обитатели, сразу же приступившие к восстановлению помещений. Зола с пола и слегка обгоревшие балки были удалены, суфы подметены и вычищены, после чего обожженный пол и суфы заново покрыли слоем глины с небольшой примесью самана. Нижние, затертые части росписей были подштукатурены. Обитатели замка пытались поверх копоти прорисовать белой краской контуры лиц двух фигур, изображения которых находятся в западной части южной стены. Попытки реставрации закончились, по-видимому, неудачей, и помещение заложили кирпичами, предварительно сняв с карниза и перекрытий балки, несомненно, имевшие повреждения. При закладке помещения кирпичи клались не вплотную к росписям, а на расстоянии 2 — 3 см от них. Такова картина гибели помещения с росписями, рисуемая нам археологическим вскрытием.

В заключение нужно сказать, что наряду с описанной керамикой во всех помещениях найдено много фрагментов как ангобированных, так и без ангоба. Но эти фрагменты не дают новых форм или же очень мелки.

* * *

В результате вскрытия всего комплекса сооружений Балалык-тепе удалось установить два основных строительных периода.

Первый строительный период (рис. 91). По первоначальному плану здание было возведено как замок сельского типа с определенной системой фортификации.

Помещения находятся на платформе, сооруженной из рядов пахсы. Толщина каждого слоя — в среднем 1 м; между ними иногда положены один-два ряда сырцовых кирпичей.

В плане эта платформа (или цоколь) квадратная, со стороной у основания около 30 м и высотой 6 м. Верхняя часть площадки была выровнена, и по ее периметру сооружены коридорообразные сводчатые помещения.

Все комнаты можно разбить на четыре группы (рис. 43). Первую группу составляют помещения южной стороны (6, 7, 8 и 9). Они соединены между собою дверными проходами; кроме того, каждое из них имеет самостоятельный выход во внутренний квадратный дворик. Во вторую группу входят помещения 10 и 11, реконструкция которых сделана нами на основании сопоставления с западной стороной. Они также соединены между собою дверным проходом и имеют выход во дворик,

То же самое можно сказать о третьей (1, 2, 3) и четвертой (4, 5) группах помещений.

Судя по сохранившимся в помещениях 2, 3 и 7 бойницам, можно предположить, что в каждой из остальных комнат здания имелось не

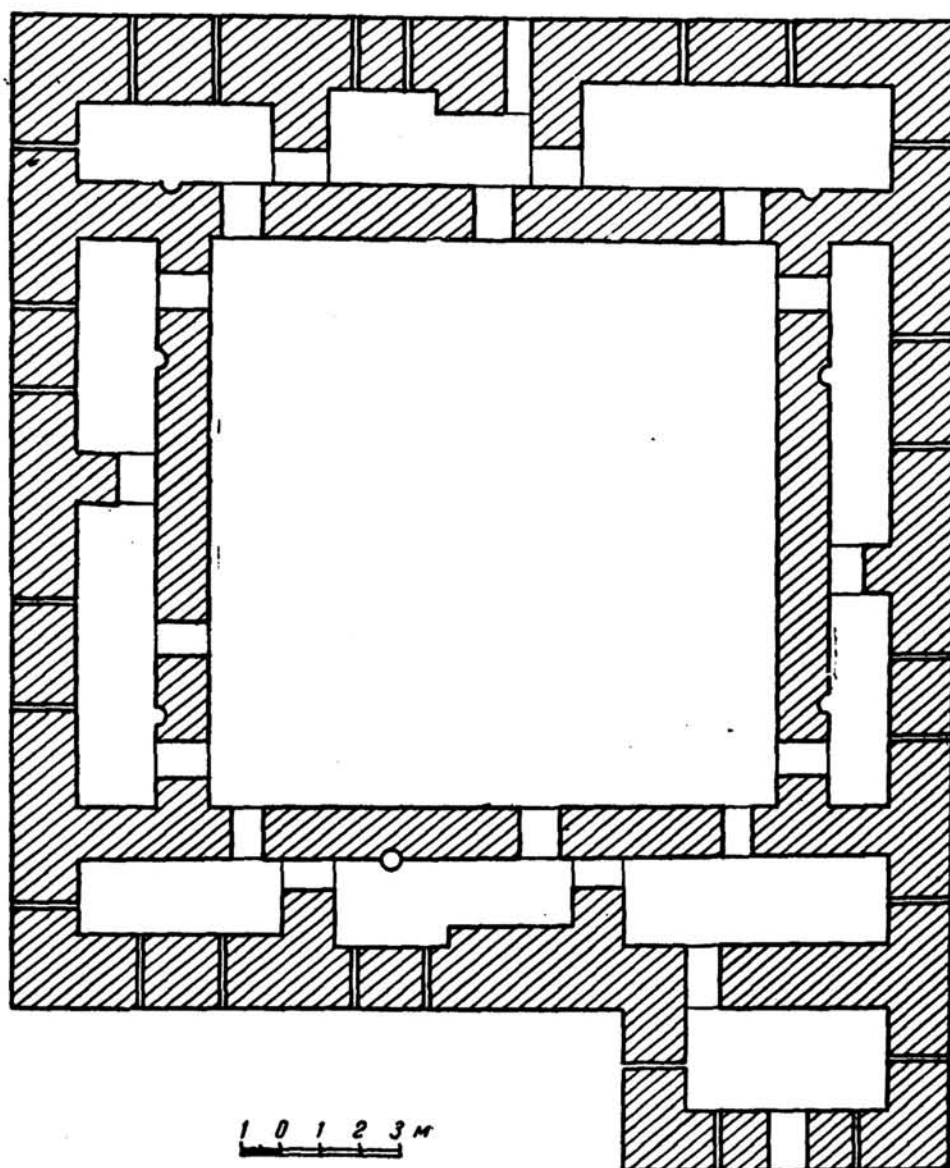

Рис. 91. Реконструкция плана Балалык-тепе (первый строительный период)

менее двух бойниц. Чтобы попасть в замок, нужно было опустить подъемный мост на сооружение, находящееся в нескольких метрах к югу от тепе и в настоящее время сильно разрушенное.

- **Второй строительный период** (рис. 92). Он связан с перестройкой замка. Внутреннее пространство дворика было полностью застроено целым рядом помещений (12, 13, 14, 15, 16). В этот период закладываются южный дверной проем помещения 1, восточная часть восточного входа помещения 4, а также северный выход из помещения 7; во дворике сооружаются новые стены.

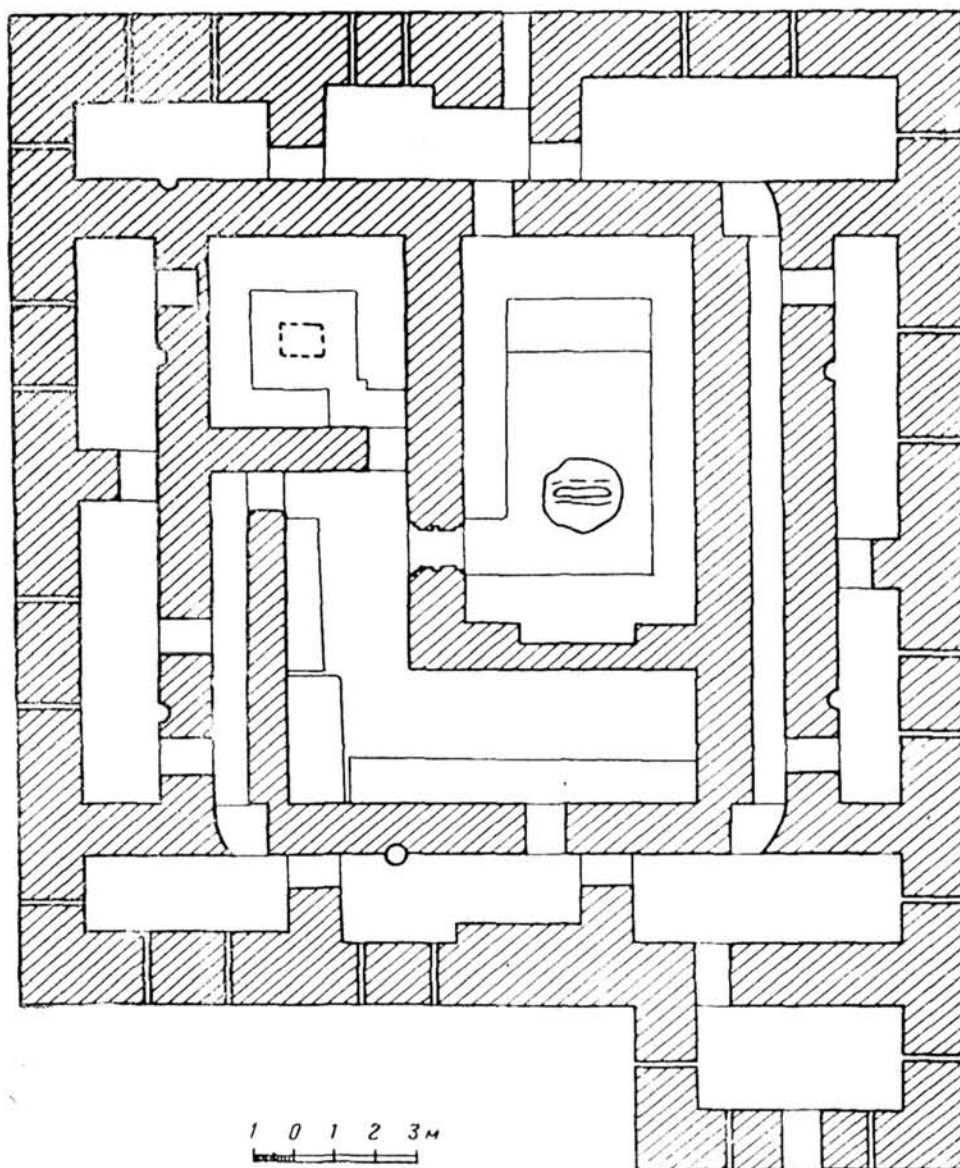

Рис. 92. Реконструкция плана Балалык-тепе (второй строительный период)

При возведении западной стены помещения 13 южный торец закрыл больше чем наполовину дверной проход из помещения 6. Чтобы расширить его, строители срубили полукругом ссеверо-западный угол двер-

ного проема, в результате чего проход стал равен ширине коридора. Этот коридор вел в комнату с суфами, а оттуда уже можно было пройти в помещение с алтарем или в помещение с росписями, вход в которое находился в северо-восточном углу комнаты 13.

Такой же узкий коридор (16) был образован между восточной стеной помещения 12 и помещениями 10 и 11 для того, чтобы через него можно было попасть в последние. Восточная стена своими северным и южным концами упиралась в помещения первого строительного периода (3 и 8). Если предположить, что из этих помещений имелись выходы во дворик, как показано на плане (рис. 43), то торцы восточной стены должны были их частично загородить. Для расширения этих выходов строители могли прибегнуть к тому же приему, что и при расширении выхода в коридор 15 из помещения 6.

Вновь возведенные стены, суфы и закладки дверей были сложены из сырцового кирпича тех же размеров, что и помещения первого строительного периода. Следовательно, перестройка могла произойти в течение небольшого отрезка времени.

Одна из самых больших комнат (12) этого строительного периода замка связана с культом его обитателей.

После возведения помещений второго строительного периода, судя по археологическим данным, жителей замка постигло какое-то бедствие, возможно, связанное с войной; жизнь в замке временно прекратилась. Возвратившиеся вскоре жители, как уже указывалось, заложили помещение с росписями кирпичами и на образовавшуюся высокую платформу со стороны помещения 13 возвели лестницу, сложенную из сырцового кирпича (рис. 93). Судя по сильно стертым средним частям ступеней, можно сказать, что в таком состоянии здание еще довольно долго продолжало существовать. Характер стертости ступенек позволяет предположить, что обувь, в которой по ним ходили, была мягкой, по-видимому, типа современных «ичигов». Лестница имела 9 ступенек, ширина ее равнялась 1,15 м.

С этим периодом связана закладка южной части западного коридора, загородавшего главный вход в помещения 12 и 13. Чтобы попасть в эти комнаты, нужно было идти через главный вход в помещение 8, оттуда через южную часть коридора (14) в помещение 10, а затем — 11. Из него — в северную часть того же коридора (середина его была засыпана золой), потом в помещения 3 и 2 и уже оттуда в комнату 12.

Впоследствии перекрытия помещений (12 и 13) рухнули и засыпали внутреннюю часть замка примерно на высоту 1 м от пола, а в некоторых местах — выше. В таком состоянии замок простоял довольно продолжительное время. Этот вывод мы смогли сделать на основании следующих наблюдений.

Как уже указывалось, поверхность стен над суфами гладко оштукатурена, а выше штукатурка не сохранилась. Следовательно, при обрушении кровли помещения были засыпаны до верхнего края сохранившейся к настоящему времени штукатурки стен. В дальнейшем помещение долгое время было заброшено, крупные балки вытащены, а рыхлая

Рис. 93. Лестница

земля, упавшая с крыши, медленно покрывалась слоями патечного лесса. В это же время со стен постепенно обваливалась штукатурка, оставшаяся только в тех местах, где она была засыпана землей. Впоследствии кирпичи стен и сохранившиеся части перекрытия начали выветриваться и выпадать. К XV в. основные разрушения уже произошли. Помещения к этому времени были засыпаны до 2, а в некоторых местах—

до 3 м. Отдельные арки сводов были еще открыты и служили пристанищем пастухов, о чем свидетельствуют найденные в уплотненном слое лесса верхнего горизонта помещений небольшие фрагменты керамики.

Такова археологическая характеристика строительных периодов и разрушений памятника.

* * *

Все помещения Балалык-тепе построены из сырцового кирпича, размеры которого колеблются от $45 \times 25 \times 10$ (8) до $50 \times 30 \times 10$ (8) см.

Таким же кирпичом сложены своды и суфы; им же производились выкладка полов, ремонт и перестройка помещений. Кирпич клался на глиняный раствор.

Сырцовый продолговатый кирпич был очень распространен в архитектурном строительстве Средней Азии в предарабское время.

При раскопках замка Ак-тепе установлено, что он сооружен на естественной возвышенности⁶² высотой 5 м, являющейся тем же стилобатом, на котором возводились постройки. Стены помещений этого замка, в отличие от стен Балалык-тепе, сложены из пахсовых блоков, а своды — прямоугольным сырцовым кирпичом. Размеры кирпича имеют то же соотношение — 2:1 ($50 \times 25 \times 10$ см)⁶³. Сооружение Ак-тепе датируется VI в. н. э.⁶⁴

Большой сравнительный материал мы находим в древнем Хорезме, где памятники V—VIII вв. довольно широко распространены. Замки этого периода построены на массивных глинобитных цоколях, по форме напоминающих усеченную пирамиду. Размеры усадеб крайне разнообразны. Цоколи донжонов больших замков достигают иногда 8 м, маленьких усадеб — 4 м. Форма жилого этажа приближается обычно к квадрату⁶⁵. Все крепостные стены сложены исключительно из пахсы⁶⁶.

А. И. Тереножкин, говоря о строительной технике Хорезма V—VIII вв., отмечает, что из сырцовых кирпичей выкладывались стены

⁶² А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), стр. 82.

⁶³ В. Л. Воронина, Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г., Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 144, 146.

⁶⁴ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), стр. 126.

⁶⁵ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии, ВДН, М., 1939, № 3, стр. 188.

⁶⁶ Там же, стр. 191.

только жилых построек, а все остальные сооружения — из пахсы⁶⁷. Для Хорезма всех периодов характерен квадратный кирпич, размеры которого все время изменяются.

Стены построек городища Тали-Барзу того же периода сложены паховыми блоками⁶⁸, цитадель городища Пянджикента, датируемая VI—VII вв. н. э.⁶⁹ — из сырцового кирпича размерами 46×23×10—11, 50×25×10—11, 50×30×10—11 см⁷⁰.

Можно указать еще на целый ряд памятников, датируемых V—VIII вв., где стены также сложены продолговатым кирпичом, например в Варахше⁷¹, замок на горе Муг⁷², Колаи-Боло в Таджикистане⁷³ и др. Следовательно, для V—VIII вв. наиболее характерным является продолговатый кирпич (за исключением Хорезма), пришедший на смену квадратному, типичному для построек более раннего периода.

Помещения Балалык-тепе имели два вида перекрытий: сводчатое и балочное.

Сводами были перекрыты все коридорообразные комнаты первого строительного периода. Об этом можно судить по помещению 2, единственному месту, где вертикали южной и северной стен вверху переходят в свод. Верхняя часть свода не сохранилась. Реконструируя их как полуциркульные, мы исходили из того, что сохранившиеся арки над дверным проходом имеют такое же очертание, а в тех местах, где кладка была не совсем правильна, циркульность придавалась при помощи слоя штукатурки. Это хорошо прослеживается в восточном и южном проходах помещения 2 (рис. 94).

В. Л. Воронина, изучавшая приемы строительной техники в архитектуре доарабского периода на территории Средней Азии, считает, что

⁶⁷ А. И. Тереножкин, Жилые постройки XI—XII вв. н. э. в Кара-Калпакской АССР, «Известия УзФАН СССР», Ташкент, 1940, № 5, стр. 70.

⁶⁸ Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, стр. 96; он же, Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда, КСИИМК, вып. XIII, М.—Л., 1946.

⁶⁹ А. И. Тереножкин, Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 91.

⁷⁰ В. Л. Воронина, Изучение архитектуры древнего Пянджикента, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 189, 196.

⁷¹ В. А. Нильсен, Варахшская цитадель, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 56, 70; В. А. Ш и ш к и н, Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), стр. 14.

⁷² А. В. Васильев, Согдийский замок на горе Муг, Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 20; А. Ю. Я к у б о в с к и й, Культура и искусство Средней Азии, Л., 1940, стр. 25, 27.

⁷³ Б. А. Литвинский, Новые материалы по археологии Таджикистана, КСИИМК, вып. 55, М., 1954, стр. 141, рис. 56; Е. А. Давидович, Раскопки замка Колаи-Боло, МИА СССР, № 66, М., 1958, стр. 73, 76—77.

существовали своды «а) трехцентровые и параболические (возвышенные и низкие); б) пятицентровые; в) лучковые; г) треугольные; д) комбинированные»⁷⁴. К этой классификации подходят и наши арки — трехцентровые—полуциркульные⁷⁵. Это наше предположение требует более веского подтверждения, ибо такие арки известны в кушанских памятниках Ангорского района⁷⁶ и в античной архитектуре южной группы городища Ниса⁷⁷.

Своды помещений (рис. 95), судя по сохранившейся части, сложены наклонными отрезками, что освобождало строителей от использования леса для изготовления кружал. Таким же методом клались арки сводов Варахши, Пянджикента, Ак-тепе и других памятников.

Перекрытия помещений 12, 13 и 16 могли быть только балочными, так как широкий пролет

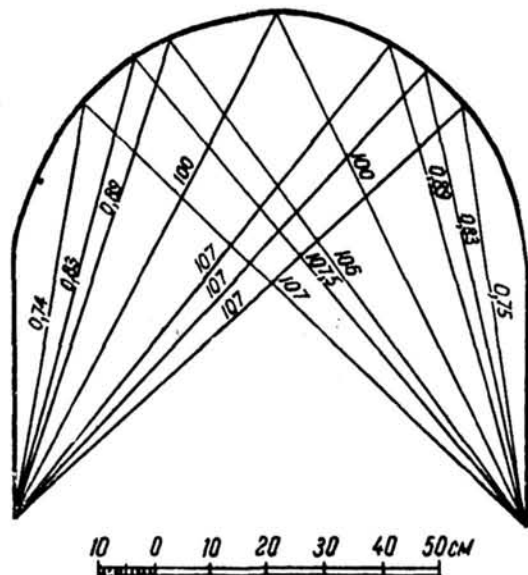

Рис. 94. Арка северного входа помещения 2

этих комнат и небольшая толщина стен исключали применение каких-либо других перекрытий, в частности сводчатых. Плоское балочное перекрытие было в помещении 14.

Помещение 12 между западной и восточной стенами имеет свободный пролет около 5,5 м, для которого подыскать балки необходимой длины не представляло большого труда. Для балочного перекрытия небольшая толщина стен также не являлась помехой.

Над балками были положены мелкие ветви деревьев, засыпанные землей, а затем смазанные глиной. После обрушения кровли большинство деревянных предметов (балки как ценный материал вынули раньше) было изъедено термитами, поэтому слой, покрывавший пол и суфы,

⁷⁴ В. Л. Воронина, Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии, КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 106.

⁷⁵ Раскопки в 1956 г. замка Джумалак-тепе, находящегося в 1 км от Балалык-тепе, показали, что, помимо полуциркульных арок, имеются трехцентровые параболические своды помещений.

⁷⁶ Тешик-тепе, находящееся в 1 км к востоку от Ангора.

⁷⁷ Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 214—215, рис. 7, 8.

имел рыхлую структуру. Отдельные мелкие веточки сохранились до настоящего времени.

Плоскими были перекрытия храмовых помещений Пянджикента, где большие пролеты сокращались за счет опор (колонн) до 4 м⁷⁸.

Изучение архитектурных конструкций и строительного материала позволило датировать Балалык-тепе довольно широко — в пределах V—VII вв.

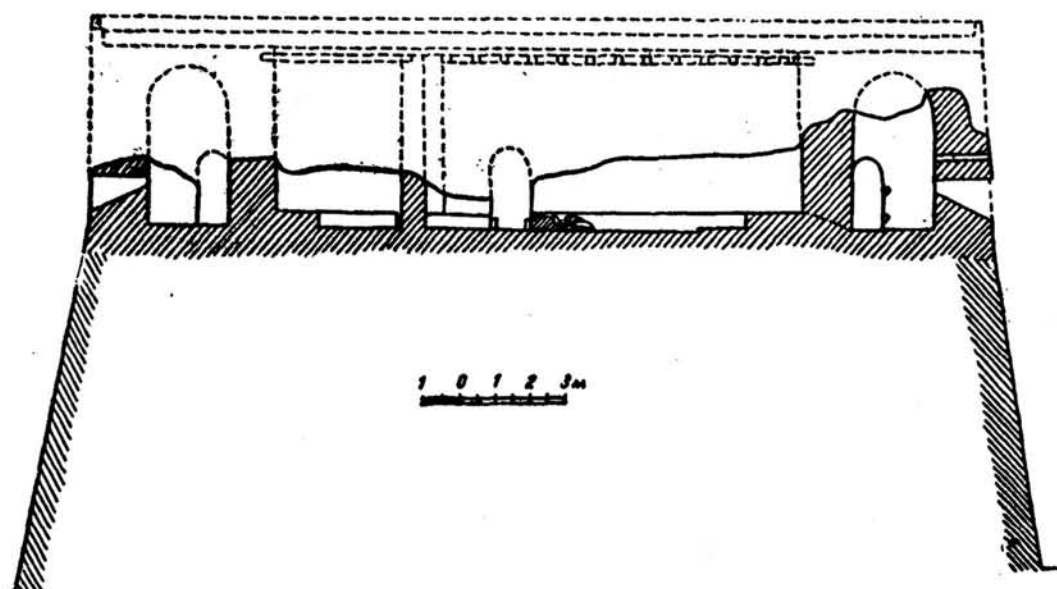

Рис. 95. Схематический разрез Балалык-тепе (реконструкция)

Раскопки, произведенные нами на цитадели Хайрабад-тепе, дали определенную хронологическую шкалу. На основании анализа стратиграфического разреза этой цитадели выявлены различные периоды ее сооружения и существования, из которых большой интерес (для датировки Балалык-тепе) представляет самый последний (верхний) период, так как к нему относятся найденные здесь эфталитские монеты V в. н. э. Строительный кирпич и керамика из помещений Хайрабад-тепе указанного времени полностью соответствуют кирпичу и керамике Балалык-тепе. На основании этих аналогий мы считаем, что возведение замка Балалык-тепе и сооружение помещений последнего периода жизни Хайрабад-тепе можно отнести к концу V в. н. э.; они продолжали существовать вплоть до начала VII в.

Керамический комплекс, обнаруженный в помещениях Балалык-тепе, представляет определенный интерес, так как керамика послекушанского периода слабо изучена. Большинство сосудов имеют хорошую со-

⁷⁸ В. Л. Воронина, Архитектурные памятники древнего Пянджикента, стр. 114, 120.

хранность и отличаются мастерством изготовления. Почти все они были сделаны на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Поверхность изделий покрывалась плотным красноватым ангобом, затем тщательно лошилась и затиралась, а в некоторых случаях на нее еще раз наносился слой ангоба или краски, пристававшей после лощения очень непрочно. Черепок в изломе гладкий, почти без пор. В отличие от кушанской керамики, он несколько утолщен. Отсутствует дополнительная орнаментация сосудов при помощи штампа.

Можно с уверенностью сказать, что гончарное производство в V—VI вв. находилось на высоком уровне. Об этом свидетельствует хорошее качество изготавливаемых сосудов и большое разнообразие форм.

Покрывание сосудов красным ангобом является прямым продолжением традиции гончарного производства кушанского времени, т. е. I—III вв. Это подтверждается тем, что некоторые формы сосудов, бытовавшие при кушанах, продолжают существовать и в изучаемый период, например чаши «тагара» или открытые миски типа тарелочек, некоторые виды ручек, особо профилированные, светильники и т. д.

Керамика такого же вида, как и в помещениях Балалык-тепе, в большом количестве была встречена при раскопках Хайрабад-тепе в помещениях, датируемых V—VII вв.

Много сосудов тех же форм найдено и на других городищах и тепе Ангорского района Сурхан-Дарьинской области. На основании этого можно сделать вывод, что керамические изделия были продукцией специальных ремесленных мастерских, находившихся в крупных поселениях. Ареал распространения данных керамических форм не ограничивается Ангорским районом. Они встречаются и в других районах области. Некоторые аналогии нашей керамике мы находим в Пянджикенте⁷⁹, где она датируется VI в. н. э.⁸⁰

В специальной работе, основанной на результатах раскопок городища Айртам и посвященной керамике кушанского времени, М. И. Вязьмитина пришла к выводу: «В общей массе полученный из раскопок материал можно датировать I—IV вв. н. э... Сравнение всего материала по ярусам не дает, однако, возможности провести какую-нибудь границу между нижними и верхними ярусами. Все же можно отметить, что в нижних ярусах чаще, чем в верхних, встречаются фрагменты лощеной керамики»⁸¹.

⁷⁹ А. М. Беленицкий, Археологические работы в Пянджикенте, стр. 35, рис. 3, 4 и 7.

⁸⁰ Там же, стр. 47.

⁸¹ М. И. Вязьмитина, Раскопки на городище Айртам; Керамика Айртам времени кушанов, стр. 37. Как мы видим, вся керамика датируется сразу четырьмя веками. Возможно, что в данном комплексе имелись керамические изделия V—VI вв.,

При раскопках замка Ак-тепе А. И. Тереножкин выделил особую группу керамики, датируемую VI—VII вв. Большинство сосудов не сохранилось, но по фрагментам ему удалось восстановить некоторые формы.

Эта посуда была в основном продукцией ремесленного производства, хотя встречались и предметы домашнего изготовления, например котлы и жаровни. Формы хумов, корчаг, кувшинов, кружек и т. д., описанные в работе и опубликованные в рисунках и чертежах, имеют лишь небольшое сходство с нашей посудой.

В отделке сосудов есть общие моменты. Так, в Ак-тепе только «плечики» сосудов покрывались ангобом, который стекал с них книзу, оставляя следы в виде широких или узких полосок⁸². То же самое мы видим в керамическом материале V—VI вв., обнаруженном в Бухарской и Кашка-Дарьинской областях. Из нашего комплекса таким образом покрыт хум из помещения 2 и один сосуд из помещения 12.

Во время раскопок Мудин-тепе в наиболее древнем слое МТ-1 (II в. до н. э. — II в. н. э.)⁸³, а также в слое МТ-2⁸⁴ были обнаружены чаши «тагара», напоминающие по форме найденную на Балалык-тепе.

Такая же чаша встретилась при раскопках южного участка городища Колаи-Мир (Таджикистан); она датируется VII—IV вв. до н. э.⁸⁵ На городище Зар-тепе также обнаружены тагара, датируемые I—II вв.⁸⁶

Но все эти чаши более раннего времени, чем тагара из Балалык-тепе. Однако форма их сохраняется в течение нескольких столетий.

В 1952 г. при раскопках в Пянджикенте было найдено большое количество керамических изделий, многие из которых хорошо сохранились. В их формах иногда улавливаются общие черты с керамикой Балалык-тепе, например энахоевидный сосудик⁸⁷ керамического комплек-

но они в то время еще не были выделены. К сожалению, в работе М. И. Вязьмитиной опубликовано мало керамического материала для того чтобы теперь выделить керамику этого периода.

⁸² А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), стр. 117.

⁸³ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 95, табл. I, 15.

⁸⁴ Там же, стр. 101, табл. IV, 10.

⁸⁵ М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан) (1950—1951 гг.), стр. 280.

⁸⁶ Л. И. Альбаум, Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.), стр. 124, рис. 8, 9.

⁸⁷ И. Б. Бентович, Керамика Пянджикента, стр. 141, рис. 9.

са, датируемого VI — VII вв. Можно указать на почти полную тождественность в изготовлении форм светильников⁸⁸.

Р. Гиршман, производивший раскопки в Беграме, всю керамику разделяет на три очень широких периода: первый — Беграм I (II в. до н. э. — II в. н. э.), второй — Беграм II (II—IV вв.) и последний — Беграм III (IV—V вв.). Некоторые сосуды, найденные в верхних слоях Беграма⁸⁹, можно сопоставить с нашими. Так, например, сосуд № 7, на который мы ссылаемся, имеет форму широкой открытой чаши со слегка закругленным дном и по форме очень похож на сосуд с Балалык-тепе. То же самое можно сказать о небольшом сосудике № 14.

Керамика Беграма этого времени зачастую покрыта штампованным орнаментом⁹⁰, чего не наблюдается на Балалык-тепе.

Суммируя результаты изучения керамики, найденной в помещении 12, и учитывая, что в нем находилось основное ее количество из обнаруженной на Балалык-тепе, можно сделать вывод, что гончарное производство в южной части Сурхан-Дарьинской области в V—VI вв. сохранило традиции кушанского времени, причем гораздо чище, чем керамика этого же периода, найденная при раскопках в других областях Узбекистана.

Наряду с такой парадной керамикой были обнаружены керамические изделия явно домашнего производства. Они очень грубы, изготовлялись не на круге, а при помощи лепки. В изломе черепок пористый, с большой примесью шамота, но такой посуды немного.

Подводя итоги нашей работы по датировке Балалык-тепе, основанной на изучении монет Ангорского района, архитектурных конструкций и керамики, мы приходим к выводу, что этот памятник существовал с конца V по начало VII в.

В пределах этого промежутка времени периоды жизни и строительные периоды Балалык-тепе можно характеризовать следующим образом:

первый строительный период — сооружение цоколя и помещений, расположенных по периферии квадрата (V в.);

второй строительный период — перестройка замка, сооружение культового помещения (12), дата росписей (самый конец V или начало VI в.);

период разрушения росписей (вторая половина VI в.) и окончательная гибель (первая четверть VII в.).

⁸⁸ А. М. Беленицкий, Археологические работы в Пянджикенте, стр. 35, рис. 3, сосуды 4 и 7.

⁸⁹ R. Ghirshman, Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kuchans, tabl. LII, № 7, 14.

⁹⁰ Там же, табл. XLIX.

Глава III

СТЕННЫЕ РОСПИСИ

Древние мастера Средней Азии создали прекрасные образцы монументальной стеной живописи. Обнаруженные на территории Средней Азии росписи относятся к различным историческим периодам и отличаются друг от друга как по сюжету и колориту, так и по степени их сохранности. Стенная живопись тесно связана с архитектурой интерьера здания. Каждая из стен, а иногда и целые комнаты отведены под определенные темы.

Так, например, в росписях Варахши панель Красного зала связана единым сюжетом. На панели изображена борьба людей и слонов с гигантскими фантастическими животными. Общая композиция на всех стенах разбита на отдельные, совершенно законченные группы; в каждой из них — один слон с сидящими на нем людьми, которые сражаются с нападающими на них спереди и сзади зверями¹. Группы объединены между собой красным фоном и орнаментальной каймой снизу. Над панелью проходит плохо сохранившийся фриз с изображением шествия животных. Стена разбивается на две самостоятельные декоративные полосы. Этот принцип украшения характерен для декорировки склепов, обнаруженных на юге России и датируемых I в. н. э. Росписи стен склепов «очень тщательно дифференцированы на ряд декоративных полос, имеющих каждая свою декоративную и структурную важность»².

В Восточном зале Варахши такого членения не наблюдается. Здесь каждая стена имеет законченную композицию: на лучше сохра-

¹ История Узбекской ССР, т. I, Книга первая, стр. 130.

² М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, т. I, СПб., 1914, стр. 56.

нившейся южной стене изображен царь, сидящий на троне, украшенном с двух сторон крылатыми верблюдами. Слева от трона — группа сидящих людей с чашами в руках, справа группа фигур сидит перед жертвенником. По характеру исполнения и по цветной гамме два зала отличаются друг от друга³.

В росписях Пянджикента (помещение 7, объект III) стена также расчленена на две горизонтальные полосы: верхнюю (широкую) и нижнюю (узкую). На нижней изображена легендарная сцена из жизни Сиявуша⁴. В других случаях стены разбиты на три и четыре совершенно самостоятельные по сюжету и декорировке полосы.

Деление стены на две декоративные полосы можно наблюдать и в помещении с росписями замка Балалык-тепе. Верхний несохранившийся деревянный фриз шириной 30 см соответствует фризу в росписях Варахши, изображающему шествие зверей, а нижний покрыт живописью, которая относительно хорошо сохранилась.

Основные повреждения росписей находятся в нижней (на высоте от 20 до 50 см) и верхней частях стен. На остальной поверхности видны отдельные выпад краски, потертости и следы копоти. Все это затрудняет расшифровку отдельных деталей рисунка, но общая композиция читается хорошо.

Росписи начинаются с южной стены, сразу же от края дверного проема, и заканчиваются на восточной стене.

Живопись изображает сцену пиршества, в котором принимают участие сидящие на ковриках мужчины и женщины. Всю композицию можно разбить на отдельные группы.

На переднем плане изображены крупные фигуры. Они одеты в богато орнаментированные одежды, характерным признаком которых являются треугольные правосторонние отвороты. Только у одной, самой крупной фигуры (4), находящейся на западной стене, в юго-западном углу комнаты, большие двусторонние треугольные отвороты.

В каждой группе лица мужчин и женщин повернуты друг к другу на $\frac{3}{4}$, в то время как сами фигуры нарисованы почти в фас.

В руках фигур — кубки и чаши, поддерживаемые за поддонца легким прикосновением трех пальцев. Большинство персонажей, помимо кубков, держит в руках круглые предметы на длинных ручках. Окраска их сохранилась очень плохо, отдельные мазки придают им шаровидную форму, хотя у некоторых по кругу явно обозначены бортики.

³ В. А. Шишкин, Археологические работы 1947 г. на городище Варахша, стр. 66.

⁴ М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 117, табл. XXIV, XXX; он же, Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии, КСИИМК, вып. 40, М.—Л., 1951, стр. 34.

На втором плане меньшим масштабом изображены слуги. Судя по одежде, среди них имеются фигуры мужчин и женщин. В руках у большинства из них опахала.

На третьем плане изображена стена, на которой висят прямоугольные, квадратные и круглые предметы белого цвета со следами каких-то рисунков. На самом верху, под карнизом, на уровне голов слуг, нарисованы разноцветные круги, находящиеся на некотором расстоянии один от другого. К центру этих кругов прикреплены концы спускающихся лент с подвешенными на них бубенцами. Между собой эти круги также соединены извивающимися разноцветными лентами.

Таково общее описание открытых росписей Балалык-тепе. Но ввиду того, что каждая фигура и каждая композиционная группа представляют особый интерес, остановимся на их описании более подробно⁵.

Всего на стенах сохранились изображения 47 фигур.

ЮЖНАЯ СТЕНА

На южной стене сохранились изображения 11 фигур (рис. 96), которые подразделяются на четыре группы.

Первая группа состоит из трех персонажей (рис. 97, 98).

Фигура 1 изображает сидящего мужчину и расположена с восточного края стены, слева от входа в помещение. Отсутствует правая часть головы и часть туловища ниже пояса. Лицо повернуто на $\frac{1}{4}$ влево, контур его правильной овальной формы, прямой нос в верхней части переходит в надглазную линию. Левый глаз — миндалевидной формы, зрачок расположен в левом его углу. Бровь поставлена высоко над верхней линией глазного века. От правого глаза и брови сохранилась лишь небольшая часть, причем ясно видно, что линия нижнего века переходит в линию брови. Губы небольшие, четко очерчен изгиб верхней губы. Между ней и носом изображен небольшой красный кружок. Все линии лица прорисованы очень тонко красной краской. Волосы, закрывающие правое ухо, черного цвета. Складки кожи на шее оттенены красной линией. На шею надета гривна, по-видимому золотая, так как она окрашена в желтый цвет. Контур и детали рисунка на гривне проследить не удалось.

Мужчина одет в желтый кафтан. Судя по рисунку, правая пола кафтана находит на левую, причем с правой стороны имеется широкий треугольный отворот, отороченный черной каймой. Из-под правого борта вдоль середины туловища, по краю правой полы кафтана, также проходит кайма. Таким же образом оторочены рукава и верхняя часть левого борта.

⁵ Описание сторон ведется от фигур.

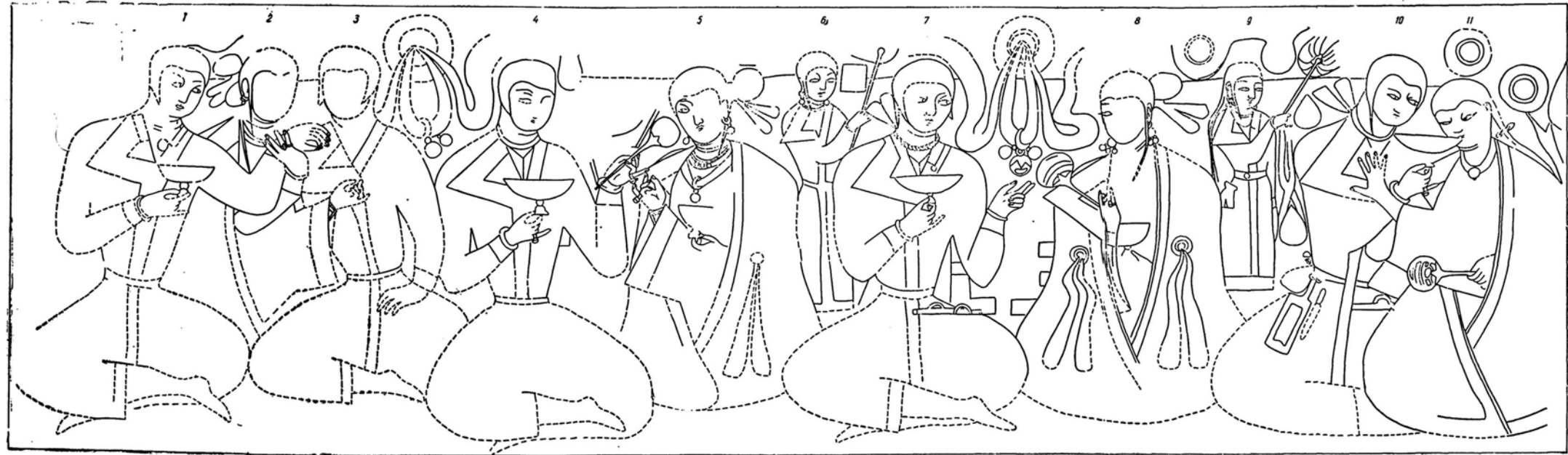

Рис. 96. Схематическая прорисовка росписей южной стены (частичная реконструкция)

С левой стороны, у шеи; верхняя часть каймы разделена на две половины и внутри окрашена в красный цвет. То же самое было по-видимому, и с правой стороны, но роспись в этом месте разрушена.

На руках, у запястий, — круглые браслеты. Правая рука, контуры которой прослеживаются плохо, согнута в локте и держит на уровне нижней части левого плеча белую чашу на невысокой ножке с очень широким туловом. Вдоль верхнего края ее, на расстоянии одного сантиметра одна от другой, проходят две параллельные линии, между которыми находится ряд кружков. Нижняя часть тулова орнаментирована дольками в виде лепестков, узкими концами книзу и расширяющимися кверху, где они закругляются. Контуры чаши и рисунок на ней выполнены черным цветом. Пальцы правой руки почти не сохранились. Левая рука полусогнута в локте и отставлена влево. Указательный и большой пальцы ее соприкасаются, и у запястья она поддерживается правой рукой фигуры 3.

Фигура 2 изображает женщину, находящуюся между мужчинами 1 и 3; она немного отступает на второй план. Сохранность фигуры плохая, однако некоторые детали позволили сделать частичную реконструкцию рисунка. Две узкие пряди черных волос спускаются с виска и из-за уха на грудь. По своему очертанию они очень напоминают длинные косички. На затылке волосы собраны в два круглых узла, перетянутых у головы белой лентой, концы которой опущены вниз. В правом ухе — кольцеобразная серьга, причем к нижнему краю кольца прикреплены последовательно два шарика диаметром немного больше 0,5 см. Ко второму из них подвешен более крупный шарик; диаметр его — около 2 см. В свою очередь, с последнего шарика спускаются три круглых подвески, которые держатся на маленьких колечках. С левой стороны лица видны нижние подвески второй серьги.

Линии лица, кроме угла правого глаза, не сохранились. На шее видны бусы и лента. Можно проследить отдельные части одежды красного цвета. С правой стороны, у плеча, проходит широкая черная лента — кайма правостороннего отворота. Небольшие фрагменты черной каймы от накидки видны с правой стороны, на уровне локтей мужчин. Такого же цвета фрагмент имеется на уровне груди фигуры 3. На основании аналогии с другими фигурами можно сказать, что это кайма широкого рукава нижней одежды женщины. Из-под верхнего края каймы рукава выступает часть узкого манжета желтого цвета, орнаментированного прямыми черными линиями.

На заднем плане, вверху, заметны следы красной каймы, с которой спускается белая лента с подвешенными на ней бубенцами.

Фигура 3, как уже говорилось, изображает мужчину, связанного каким-то действием с фигурой 1. Сохранились лишь правая рука и не-

Рис. 97. Южная стена. Первая группа (прорисовка)

Рис. 98. Южная стена. Первая группа (фигуры 1, 2, 3)

большая часть левой. Локоть правой руки отодвинут от туловища и виден частично за левой рукой фигуры 1. По наружному контуру пальцы руки прорисованы очень изящно и с большим мастерством. Ногти на пальцах — овальной формы; художник учел положение пальцев и нарисовал ногти в правильном ракурсе. На мизинце — золотое кольцо. Левая рука, судя по некоторым сохранившимся линиям и орнаментам ткани, опущена книзу и слегка согнута в локте.

Обращает на себя внимание интересная орнаментация ткани одежды — ее украшают изображения рыбок.

Судя по сохранившемуся манжету правого рукава, кафтан был оторочен красной каймой. На этой же руке виден золотой браслет.

Вторая группа (рис. 99, 100) состоит из двух персонажей.

Фигура 4 изображает мужчину, сидящего в фас, голова которого повернута на $\frac{1}{3}$ влево. Сохранность фигуры хорошая. Черно-коричневые волосы спускаются с головы на уши и закрывают их. Лицо овальной формы. Линии глаз, носа и губ прослеживаются в виде отдельных штрихов. На шее — золотая гривна. Одет мужчина в кафтан белого цвета с правосторонним отворотом, который, так же, как полы кафтана и манжеты рукавов, оторочен красной каймой. Внутренний треугольник отворота окрашен в желтый цвет. Ткань кафтана орнаментирована квадратами, образованными в результате пересечения вертикальных и горизонтальных тройных синих линий. Сохранился этот орнамент лишь на небольшой части правого рукава. В вырезе на груди, между отворотом и верхней частью левого борта, видны линии нижней одежды. Туловище фигуры несколько удлинено, талия туго перехвачена поясом. Правая рука держит на уровне груди чашу на невысокой ножке. Левая рука обращена в сторону женской фигуры и держит длинную ручку, заканчивающуюся трехлепестковой розеткой желтого цвета, к которой прикреплено круглое тулово. На его плоскости заметны полукруглые полосы, придающие ему слегка шаровидную форму.

Чаша, находящаяся в правой руке, по форме напоминает чашу у фигуры 1, но цвет ее желтый. На расстоянии 0,8 см от края венчика прослеживаются следы орнаментированной полосы — между двумя горизонтальными линиями, которые проходят на расстоянии 1,2 см одна от другой, прорисован ряд кружков, соприкасающихся друг с другом. Нижняя часть кубка украшена фестончатым орнаментом такого же типа, как и на предыдущей чаше. Ножка чаши имеет сложную конфигурацию: верхняя часть — шаровидной формы, нижняя — полушаровидной, к широкой стороне которой прикреплено донце со слегка выступающими краями.

В прорисовке рук чувствуется особая манерность. Мизинцы их с золотыми кольцами отогнуты,

Рис. 99. Южная стена. Вторая группа (прорисовка)

Рис. 100. Южная стена. Вторая группа (фигуры 4, 5)

Фигура 5 изображает сидящую женщину, обращенную на $\frac{3}{4}$ к мужчине. Сохранность фигуры хорошая. Волосы черные и собраны в узел, перетянутый белой лентой; видны только ее концы. Из-за левого уха на грудь опускается одна из кос. Хорошо очерчен овал лица. Правый глаз — миндалевидной формы, зрачок — в правом углу, над глазом проходит складка, подчеркивающая верхнюю границу века.

Прямая линия носа внизу закругляется к ноздрям. От верхней точки ее почти под прямым углом начинается изогнутая линия правой брови. Левый глаз и бровь не сохранились. Губы пухлые, подчеркнута маленькая. В ушах — серьги. Хорошо прослеживается серьга левого уха. К нижнему краю кольца, продетому в мочку уха, прикреплен шаровидный подвесок. С правой стороны, из-за нижней части контура щеки, виден только подвесок.

На шее — два ряда бус и лента черно-синего цвета с продетым в нее кольцом с круглым медальоном.

Очень интересен костюм фигуры. Можно выделить детали от трех различных видов одежды. Самой верхней является плащ без рукавов, наброшенный на плечи. Этот плащ-накидка желтого цвета оторочен по бортам черной каймой. Такая же кайма, но более широкая, проходит по треугольному правостороннему отвороту, от которого на рисунке осталась только верхняя часть. Из-под плаща видна вторая одежда красного цвета с широким спускающимся рукавом, отороченным широкой желтой каймой. Из рукава высунута кисть руки, причем у ее запястья прослеживается деталь нижней, третьей одежды в виде узкого манжета, окрашенного в желтый цвет и орнаментированного черными полосками.

Кисть правой руки изображена в очень своеобразной манере — средний и безымянный пальцы согнуты, причем средний и большой соприкасаются, указательный палец и мизинец с кольцом слегка отставлены. Левая рука, высунутая из-под плаща, легким прикосновением трех пальцев поддерживает кубок полушаровидной формы, к нижней части которого прикреплена невысокая ножка со слегка выступающим донцем. В верхней части тулова кубка проходит орнаментированная полоса; нижняя часть фестончатая.

На втором плане, за головами фигур, видны части белой ленты, из-за левой руки мужчины — две красные прямые ленты.

Третья группа состоит из трех персонажей (рис. 101, 102).

Фигура 6 изображает слугу, который стоит за спиной мужчины. По своим размерам она меньше других фигур, находящихся на первом плане.

Сохранность рисунка хорошая. Судя по прическе, это фигура женщины, так как перед ухом опускается коса, в ушах — золотые серьги в виде кольца и двух шаровидных подвесков.

Рис. 101. Южная стена. Третья группа (прорисовка)

Рис. 102. Южная стена. Третья группа (фигуры 6, 7, 8)

Если же судить по покрою костюма — длинный красный кафтан с треугольным правосторонним отворотом, отороченным черной каймой, — то изображен мужчина. Такая же кайма проходит по бортам, вдоль середины туловища и по нижнему краю кафтана. Талия перетянута черным поясом. Глаза миндалевидной формы. Контуры линий носа, глаз и губ четкие. Рот по сравнению с другими фигурами большой. Правая рука согнута в локте, на уровне и правее левого плеча держит длинную ручку, окрашенную в желтый цвет. Верх ее заканчивается небольшим шариком с прикрепленным к нему опахалом, форму и цвет которого установить не удалось.

Фигура 7 изображает мужчину. Сохранность рисунка хорошая. Мужчина сидит в фас, голова слегка повернута влево. На голове — черные волосы, спускающиеся сбоку мысом и закрывающие ухо. Глаза правильной миндалевидной формы, зрачки расположены в крайнем левом углу. Линия носа переходит в левую бровь. Губы сохранились плохо, хотя контуры частично прослеживаются. Подбородок под нижней губой оттенен тонким штрихом.

На шее — витая золотая гривна, скрепленная сзади белой лентой, концы которой видны с правой стороны от шеи. Мужчина одет в белый кафтан с черной каймой и характерным треугольным отворотом. Часть отворота, примыкающая к шее, как и черная кайма кафтана у шеи, разделена на две части: с внешней стороны — черная полоска, с внутренней — серая. По внешнему краю треугольного отворота проходит широкая черная кайма, внутри же он окрашен в красный цвет.

На белой ткани кафтана — рисунок в виде целого ряда трехлепестковых цветочков с круглыми сердцевинками. Контуры рисунка выполнены тонкими черными линиями.

Туловище фигуры правильной формы; узкая талия перетянута поясом, с левой стороны к нему подвешен небольшой нож.

Правая рука поддерживает на уровне груди чашу, которая по форме напоминает вышеописанные, находящиеся в руках мужчин. Верхняя, орнаментальная кайма чаши состоит из двух горизонтальных линий, нижняя часть тулова — фестончатая.

Левая рука обращена к женщине, причем два пальца — указательный и средний — выставлены вперед, а остальные согнуты.

Фигура 8 изображает женщину, сидящую слева от мужчины. Голова повернута вправо на $\frac{3}{4}$, туловище дано в фас. Сохранность рисунка хорошая, хотя имеются выпадения красочного слоя. Так, например, овал лица и контуры правого глаза сохранились, а остальные детали лица и верхней части головы утрачены. Прическа такая же, как и у предыдущих фигур. Перед левым ухом спускается коса. За головой, с левой стороны, находится узел волос, перетянутый белой лентой; видны

два ее конца. В ушах — золотые серьги (примерно той же формы, как и у фигуры 2).

Плащ-накидка — с правосторонним отворотом белого цвета; ткань ее украшена несложным, но красивым орнаментом. Каждая деталь этого орнамента состоит из одного контурного кружка, сверху и по бокам которого находятся три черных кружка меньших размеров с исходящими из них кверху несколькими прямыми линиями — ресничками; под ними прорисован контурный равнобедренный треугольник. Весь орнамент выполнен черной краской.

Края треугольного отворота оторочены широкой черной каймой. Угол отворота выступает за линию правого плеча. Кайма плаща-накидки красного цвета, изнутри она оконтурена тонкой черной кромкой. С обеих сторон халата, на уровне середины туловища, находятся круглые нашивки. Каждая из них состоит из черного ободка и желтой середины. Из центра нашивки, слегка извиваясь, спускаются по две разноцветные ленты. Те, которые расположены ближе к полам халата, — черно-зеленого цвета, а проходящие по краям — красного. На данном изображении хорошо заметно, что правая пола находит на левую.

В правой руке, виднеющейся из-под плаща, — зеркало. Очень интересен жест, которым женщина держит его ручку: она зажата между средним и безымянным пальцами, остальные вытянуты. С кисти руки спускается широкий рукав второй одежды и виден узкий манжет. В левой руке, выступающей из-под полы, — золотой кубок полушаровидной формы с орнаментированным фестончатым туловом и стройной небольшой ножкой. На мизинце левой руки — золотое кольцо.

На третьем плане, сверху, проходит красная полоса, изображающая карниз внутренней части стены помещения. С этого карниза спускаются вниз две ленты; концы их закреплены вверху в одной точке. Одна лента, в середине, зеленовато-черного цвета. Через нее продето кольцо, к которому подвешен один большой бубенчик и по сторонам — два меньшие. Справа и слева от нее опускаются извивающиеся кольца второй, красной ленты.

На этом же красном карнизе, над левым плечом женской фигуры, частично сохранилось изображение нижней части круга, а слева от головы слуги виден белый квадрат.

Четвертая группа состоит также из трех фигур (рис. 103, 104).

Фигура 9 изображает слугу (по костюму — юноша), стоящего во весь рост. Сохранность рисунка хорошая. Фигура повернута влево на $\frac{3}{4}$. Черные волосы головы заплетены в две косички. Одна проходит перед ухом, другая находится за спиной и спускается ниже пояса. В ушах — сережки в виде кольца с тремя продолговатыми подвесками. Глаза миндалевидной формы, зрачки в левом углу, нос прямой, губы небольшие.

Одежда состоит из красного кафтана с треугольным правосторонним отворотом. Кайма отворота и кафтана черная. Узкая талия перетянута черным поясом. Кисть правой руки находится на уровне левого плеча и держит ручку опахала. Левая рука вытянута вдоль туловища. С правой стороны, у пояса, находится какой-то предмет желтого цвета, очень напоминающий мешочек или небольшой сосудик. Ноги на рисунке не сохранились.

Фигура 10 изображает сидящего впереди слуги мужчину. Голова слегка наклонена влево. Черные волосы в виде тонкой косы спускаются на ухо и доходят до груди. На шее — гривна, завязанная сзади ленточкой; из-за шеи видны ее концы. Одежда состоит из кафтана, ткань которого орнаментирована ромбами, расположенными в шахматном порядке: один ряд ромбов темно-красного, другой — светло-красного цвета. Общий же колорит ткани — темно-красный. Кайма отворота желтая, внутренняя его часть черная. Ткань желтой каймы отворота орнаментирована розетками в виде карточных знаков «пики». В талии кафтан перстят черным поясом и к нему с правой стороны подвешены какие-то предметы: один прямоугольной формы, а рядом белая ручка от другого, изображение которого не сохранилось. Слева на поясе висит нож в ножнах. В правой руке на уровне левого плеча — чаша с широким туловом на стройной профилированной ножке. Характерным жестом пальцы руки поддерживают чашу: большой палец лежит на донце, а указательный и средний слегка прикасаются снизу; мизинец с золотым кольцом отставлен.

Фигура 11, завершающая общую композицию южной стены, изображает женщину, которая сидит, повернувшись на $\frac{3}{4}$ влево к мужчине, слегка наклонив к нему голову. Одежда такая же, как и у других женских фигур. Плащ-накидка с правосторонним отворотом, правая пола находит на левую. Ткань накидки когда-то была белой, но впоследствии от налета копоти стала серо-зеленой. Она орнаментирована горизонтальными рядами чередующихся синих и белых квадратиков, которые сохранились только вдоль левой полы накидки. По краю халата проходит красная кайма, отороченная с внутренней стороны черной кромкой. Широкая кайма отворота — черного цвета, внутренний треугольник — желтого.

Антропологический тип лица отличается от всех остальных фигур: глаза узкие, монголоидные, нос широкий. Отличие наблюдается и в прическе — не прослеживается узел волос; вместо него изображена одна коса, спускающаяся за спину и перетянута у затылка небольшой лентой.

На шее — лента с подвешенным к ней шариком. Правая рука высунута из-под накидки. Пальцы рук широко расставлены и лежат на гру-

Рис. 103. Южная стена. Четвертая группа (прорисовка)

Рис. 104. Южная стена. Четвертая группа (фигуры 9, 10, 11)

Рис. 105. Схематическая прорисовка росписей западной стены (частичная реконструкция)

ди мужчины. Хорошо виден широкий рукав, подшитый с внутренней стороны темной подкладкой. Манжет отсутствует. В левой полуопущенной руке — зеркало, в данном случае хорошо виден ободок, идущий по бортику круга. Мужчина подносит к губам женщины чашу.

За мужской фигурой — какие-то белые каплевидные украшения. В западном углу от верхней красной каймы спускается вниз красная полоса. На ее фоне изображены два красных круга, по внешнему краю которых проходит зеленовато-черная кайма, отороченная с внутренней стороны светло-красной линией. От нижней части одного из них отходит полоска, напоминающая стебель.

ЗАПАДНАЯ СТЕНА

На западной стене изображено девять фигур (рис. 105). Росписи сохранились хорошо. Вся композиция разбивается на три группы.

Первая группа состоит из трех фигур (рис. 106, 107). По верхнему краю росписей проходит сплошная красная полоса шириной 14 см, опускающаяся вдоль южного угла стены вниз.

Фигура 12 находится в левом углу стены и изображает слугу, стоящего в той же позе, что и предыдущие фигуры слуг. Черные волосы спускаются перед ухом на грудь тонкой косичкой, вторая коса проходит за спину.

Глаза миндалевидные, нос прямой, в ушах — серьги, на шее — гривна. Кафтан серо-зеленого цвета. Правосторонний отворот и подол его оторочены красной каймой. Талия сильно сужена и перетянута черным поясом с пряжкой. К поясу, с правой стороны, подвешен кувшинчик или красный мешочек. В правой руке — опахало, левая опущена вниз вдоль туловища.

Фигура 13 находится впереди слуги, несколько влево от него, и изображает мужчину. Он является самым крупным из всех персонажей росписей Балалык-тепе. Если средний размер головы обычной фигуры (по вертикали) 18 см, то у этой — 23 см.

На голове — черные волосы, закрывающие уши; из-за левой щеки видна прядь волос. Лицо повернуто на $\frac{3}{4}$ влево. Глаза крупные, зрачки расположены в крайнем левом углу. Линия носа в верхней части переходит в линию левой брови.

Над верхней губой, в середине, — красная круглая точка. На шее — витая золотая гривна.

Мужчина полулежит, подогнув вправо ноги. Часть кафтана до талии и рукава до локтей — черного цвета, ниже талии и рукава от локтей — желтого. Только у этой фигуры костюм имеет двусторонние треугольные отвороты; широкая кайма их желтая, средняя часть — белая. Около шеи, на обеих сторонах отворотов, — красные петлицы.

Рис. 106. Западная стена. Первая группа (прорисовка)

Рис 107. Западная стена. Первая группа (фигуры 12, 13, 14)

Кайма, проходящая по правой поле кафтана, вдоль середины туловища, выше пояса, — желтого цвета, а ниже — черного. Желтая ткань орнаментирована рядами кругов. Каждый круг состоит из ободка шириной 2 см, по которому проходит ряд небольших белых кружков, четко вырисовывающихся на черном фоне. Внутренняя часть круга заполнена восьмилепестковой розеткой, выполненной линейным рисунком. В отличие от других мужских фигур, у этой отсутствует тонкая талия. Живот как бы нависает над поясом. С правой стороны к поясу подвешены аксессуары: один из них, оконтуренный черной каймой, — прямоугольной формы с красной серединой, правее от него — небольшой нож или стилет в чехле. С левой стороны сохранились следы изображения poja.

Правая рука поддерживает большую чашу на невысокой ножке. Диаметр чаши — 42 см (вдвое больше, чем у остальных). В 13 мм от венчика чаши проходит орнаментированная полоса, состоящая из двух горизонтальных линий, расположенных на расстоянии 2 см друг от друга. Между ними — ряд кружков, в каждый из которых вписан кружок меньшего размера. Нижняя часть тулова такая же, как и на других чашах. Ножка профилирована и орнаментирована.

В левой руке зажата ручка зеркала. На руках — золотые браслеты, на мизинцах — кольца.

Фигура 14 находится с левой стороны от мужчины и изображает женщину. Голова ее не сохранилась. На плечи наброшена красная накидка. Отворот с черной каймой и голубой серединой. Кайма, проходящая вдоль полы накидки, зеленовато-серая и оторочена с внутренней стороны черной кромкой. Правая пола находит на левую, с середины той и другой полы спускаются по две ленты, одна из которых красного, а вторая — черно-зеленого цвета.

В левой руке, высунутой из-под полы, — кубок, поддерживаемый за невысокую ножку легким прикосновением трех пальцев. Тулово кубка полушаровидной формы. Правая рука несколько выше кубка, с нее свисает широкий рукав. У запястья виден желтый манжет нижней одежды. На мизинцах рук — золотые кольца. На грудь спускаются две черные полосы, по-видимому концы кос. Над мизинцем правой руки — белый кружок, очевидно, судя по аналогии с другими фигурами, часть амулета, подвешенного к спускающейся с шеи ленте.

В самой нижней части изображения видны две полосы от коврика, на котором сидят фигуры: одна — голубовато-серая, другая — желтая.

На втором плане, помимо фигуры слуги, справа от головы фигуры 14 и над ней — две прямоугольные таблички, несколько правее, около плеча, изображен какой-то предмет зеленого цвета. Слева от лица спускается белая лента, а под ней расположена миндалевидная табличка, заострением кверху.

В самом низу видна прямая серая полоса, являющаяся нижней границей рисунка.

Общий фон за фигурами этой группы имеет красноватый оттенок и только за фигурой женщины — сине-черный.

Вторая группа состоит из пяти персонажей и представляет собой одну из наиболее интересных композиций (рис. 108, 109).

Фигура 15, расположенная за фигурами 14 и 16, между ними, изображает женщину, голова которой повернута на $\frac{3}{4}$ влево. Черные волосы на голове расходятся, но пробора посредине не видно. По обе стороны правого уха спускаются две косы, одна из которых продета сквозь круглую бусину⁶. За головой видны собранные пучком волосы и лента. Черты лица правильные, красивые. Глаза миндалевидные, зрачки несколько не доходят до левого угла и устремлены в зеркало, которое женщина держит перед собой; слабо подчеркнута линия эпикантуса глаз. Линия левой брови переходит в прямой нос. Губы небольшие, правильной формы, над верхней губой — красная точка, подбородок отделен от нижней губы небольшим штрихом, складки на шее подчеркнуты двумя тонкими красными линиями. Правильной формы уши украшены золотыми сережками в виде кольца, продетого в мочку, с прикрепленными к нему в нижней части тремя шариками.

Ткань плаща желтого цвета, красная кайма оконтурена черной кромкой. Отворот белый с широкой черной каймой. Нижняя одежда с широким рукавом серо-зеленого цвета. С шеи на грудь спускаются три ленты: одна из них красная, вторая — желтая, а ниже — синяя, более широкая, чем две вышеуказанные; через нее протянуто золотое кольцо с прикрепленным к нему круглым амулетом. Правая рука, высунутая из-под плаща, поддерживает кубок такой же формы, как и предыдущие кубки, находящиеся в руках женских фигур. В левой руке — ручка зеркала, которую женщина держит перед собой. На мизинце руки — золотое кольцо.

Фигура 16 находится слева от фигуры 15, несколько выступая перед ней, и изображает женщину. Она показана в той же позе, но детали украшений более богатые.

Голова, как и сама фигура, повернута влево на $\frac{3}{4}$. Черные волосы с легким коричневатым оттенком посредине головы разделены пробором. Перед ухом — прядь волос, сохранившаяся только у виска; за головой, справа от нее, волосы собраны в два узла и перетянуты белой лентой. На грудь из-за головы спускаются две длинные косички, по одной с каждой стороны лица. Черты лица правильные, даже красивые.

⁶ Такие украшения, называемые бугмача, носят в кишлаках и в настоящее время.

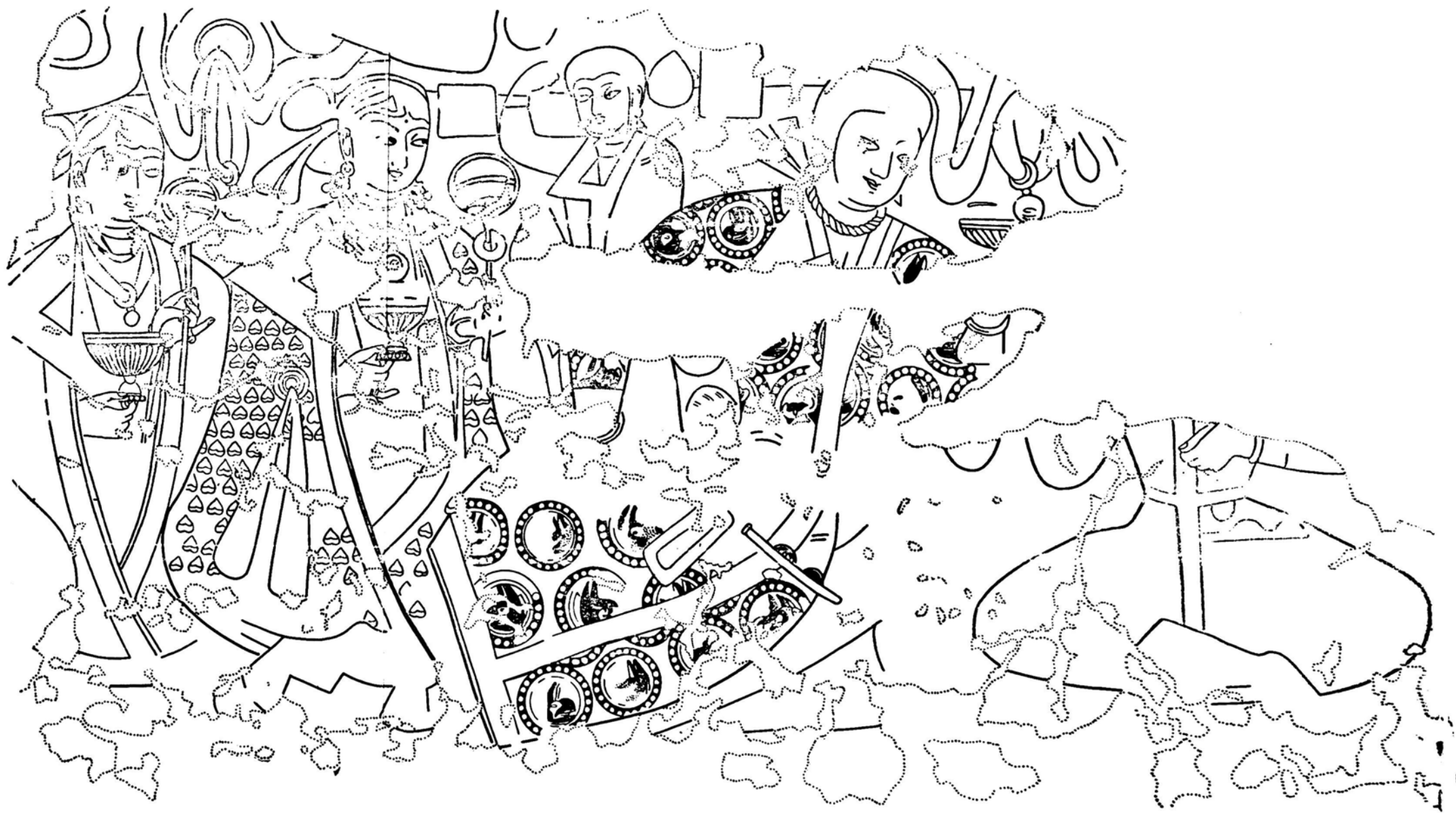

Рис.108. Западная стена. Вторая группа (прорисовка)

Рис. 109. Западная стена. Вторая группа (фигуры 15, 16, 17, 18 19)

Женщина смотрит в зеркало. Нос прямой, глаза широко раскрыты, зрачки находятся в левом углу. Губы небольшие, на лбу — красная точка, над верхней губой — точка меньших размеров.

Небольшое ухо со схематично прорисованным внутренним контуром украшено золотой сережкой, состоящей из кольца, тонкий конец которого продет в мочку уха, и прикрепленной к нему в нижней части семилепестковой розетки с круглой белой серединой; к трем нижним лепесткам розетки подвешены три белых, возможно серебряных, шарика.

Плащ-накидка белого цвета, внизу правая пола находит на левую. Правосторонний треугольный отворот белый с широкой черной каймой. По бортам накидки проходит черно-серая кайма; она в свою очередь, оторочена черной кромкой. Белая ткань накидки украшена рядами «сердечек», расположенных острыми концами кверху. Рисунок ткани выполнен черным контурным штрихом, причем внутри каждого «сердечка» проходит линия, повторяющая форму его нижней части. С правой стороны накидки — круглая нашивка с черным ободком и желтой серединой, украшенной двумя черными линейными кружками. С нашивки спускаются две ленты, постепенно расширяющиеся книзу; правая лента зеленовато-черного цвета, левая — красного.

Правая рука, высунутая из-под плаща, прикосновением трех пальцев поддерживает золотой кубок полушаровидной формы, тулово которого в нижней части украшено обычным орнаментом в виде лепестков, расширяющихся кверху. Ножка кубка — сложной профилировки и состоит из двух полушаровидных частей, соединенных друг с другом окружностями: противоположные же их стороны заканчиваются тремя полукругами, причем верхние полукруги соприкасаются с туловом чаши, а нижние — с донцем, состоящим из двух полочек. Нижняя полочка более широкая и украшена пятью кружками. В левой руке фигуры — ручка зеркала. На ручку надет небольшой шарик, расположенный несколько выше руки.

Нижняя одежда красного цвета, с широкими рукавами и коричневато-зеленой каймой. На шее висит желтая лента, пропущенная через три кольца. К двум крайним кольцам подвешены два круглых белых шарика, а к среднему прикреплен круглый золотой медальон. К сожалению, детали этого украшения не сохранились. На мизинце левой руки — золотое кольцо.

Фигура 17, находящаяся на заднем плане, изображает слугу, лицо которого обращено к женским фигурам. В правой поднятой кверху руке он держит ручку несохранившегося опахала. Слуга одет в кафтан красного цвета с правосторонним треугольным отворотом. Полы, отворот и края рукавов оторочены черной каймой. Черные волосы прядью

Рис. 110. Западная стена. Третья группа (прорисовка)

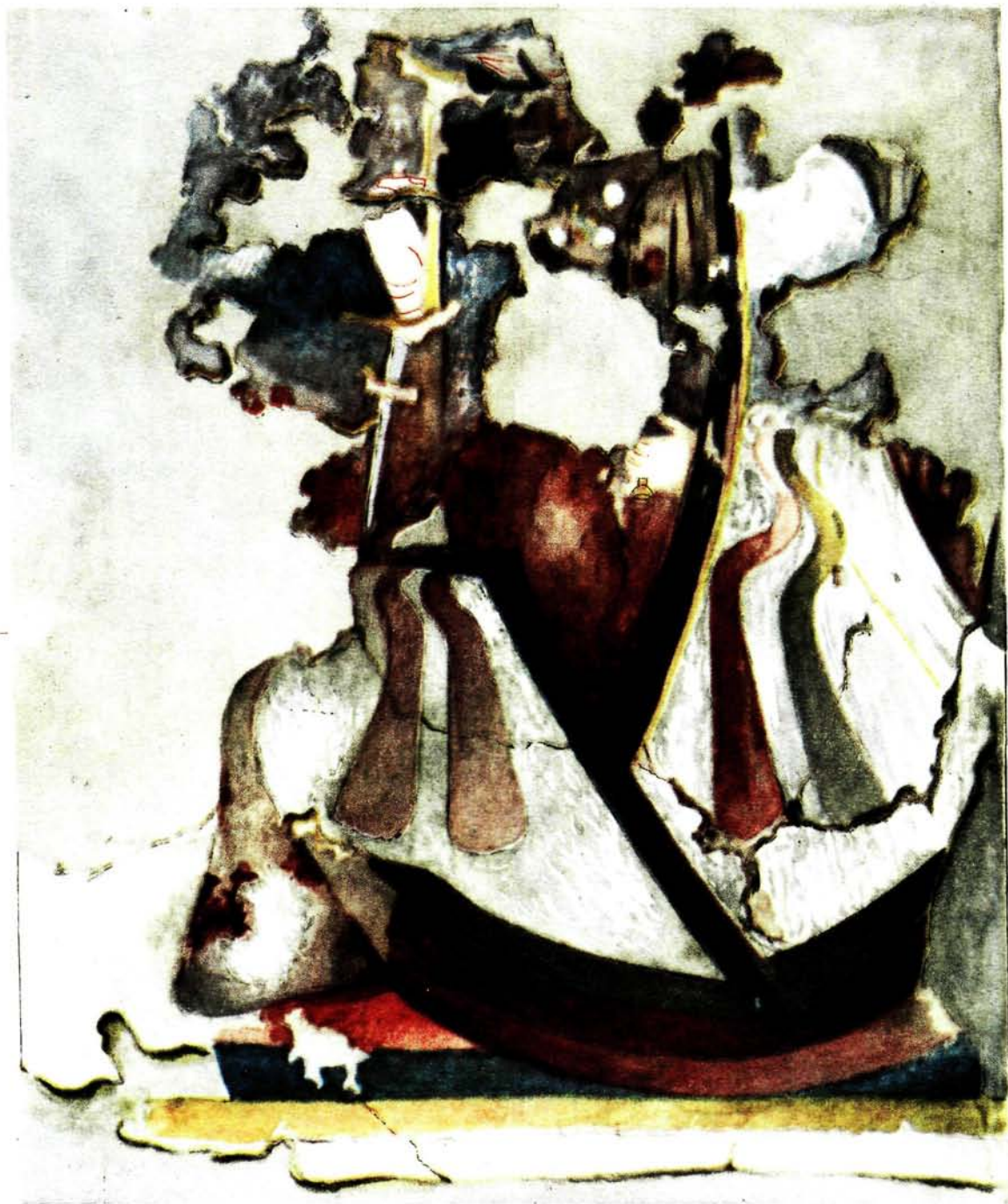

Рис. 111. Западная стена. Третья группа (фигура 20)

спускаются с левого виска. Лицо широкое, глаза большие со зрачком в правом углу, нос прямой со слегка заметной горбинкой, сравнительно крупные губы. В левом ухе — золотая серьга.

Фигура 18 расположена на первом плане по отношению к другим фигурам и изображает мужчину в полулежащем положении с подогнутыми в правую сторону обеими ногами. Туловище несколько наклонено влево. Правая рука, согнутая в локте, отставлена и опирается на левое колено. В руке мужчина держит ручку зеркала, от которого видна часть круга. Левая рука опирается локтем на красную подушку; в руке — кубок. Кисти рук не сохранились. На линии груди оказались большие выпадывающие штукатурки.

На голове — черные волосы. Лицо широкое, округлое. Контуры деталей лица несколько испорчены, но форма глаз, губ, линия носа и левой брови прослеживаются хорошо.

На шее — золотая плетеная гривна, завязанная сзади лентой; концы ее видны из-за спины. Кафтан с правосторонним треугольным отворотом богато орнаментирован рядами кругов, в каждом из которых изображено фантастическое животное.

Кафтан оторочен черной каймой. У шеи она разделена на две части: внешняя — черная, а примыкающая к шее — красная.

Чаша в левой руке, о которой говорилось выше, сохранилась плохо.

С правой стороны к поясу подвешен прямоугольный предмет, середина которого окрашена в красный цвет, а по краям проходит черная кайма. С левой стороны висит нож.

Фигура 19 изображает мужчину, который сидит, скрестив под собою ноги; одет в красный кафтан. Голова и верхняя часть груди отсутствуют. Судя по сохранившимся частям рук, его туловище было обращено вправо. Левая рука находится на уровне середины груди, пальцы сжаты; возможно, что в руке был какой-то предмет. На левом мизинце — кольцо; от правой руки, поднятой вверх, сохранился только локоть. Ниже пояса, с левой стороны, висит нож. Узкая талия перетянута черным поясом с пряжкой желтого цвета, по-видимому золотой. Вдоль середины туловища проходит черная кайма, борта кафтана и обшлаг левого рукава также оторочены черной каймой. На руке — золотой браслет. На ногах фигуры были черные сапоги типа ичигов.

Нижняя часть стены, на которой изображена вся эта группа, сохранилась плохо, так что невозможно установить, какой была нижняя кайма. По отдельным желтым местам можно предположить, что фигуры 14, 15, 16, 17 и 18 находятся на одном желтом ковре.

На заднем плане видна стена черно-синего цвета с красным фризом. Слева, над головой фигуры 15, на карнизе, нарисован большой зелено-ватосиний круг. Внутри него расположено еще два круга — желтый

и красный. К центру круга прикреплены две ленты. Одна из них — красного цвета, концы ее спускаются книзу, затем, извиваясь, снова поднимаются вверх и расходятся влево и вправо. Эта лента, по-видимому, сплошная и проходит по всему карнизу. В некоторых местах она как бы переброшена через вбитые в центр кругов гвозди или какие-то другие выступающие предметы, возможно штыри. Другая лента — коричневатого-зеленого цвета. На нее надето золотое кольцо с прикрепленным к нему при помощи небольшого шарика круглым бубенчиком.

Перед лицом фигуры 17 спускается двумя петлями красная лента. Между ними через кольцо, на котором висит бубенчик, соприкасающийся с кубком, проходит коричневая лента.

О том, что круги и ленты могли находиться перед фигурами или на уровне их, можно судить по следующему факту: женщина (фигура 15) держит перед собой зеркало, один край которого соприкасается со свисающими на ленте бубенчиками; от соприкосновения бубенчик несколько отстранился влево. Следовательно, бубенчик и зеркало находятся на одном уровне, т. е. перед фигурой.

Левее лица фигуры 16 и над правым плечом фигуры 17 изображены белые квадраты, слева от головы фигуры 18 — медальон каплевидной формы.

Третья группа. Следующий участок стены приходится на то место, где раньше, во время первого строительного периода, находилась дверь, впоследствии заложенная тонкой стеной. Стена эта разрушилась, и целый участок росписей не сохранился.

Можно предположить на основании аналогии с другими группами, что в этом месте было изображение мужчины, обращенного влево к фигуре 20, которая находилась с северного конца западной стены. Несмотря на большие разрушения, эта группа дает новые данные для реконструкции некоторых частей росписей. Так, например, сохранилась часть нижней каймы, состоящая из четырех полос: красной, синей, желтой и белой.

Фигура 20 изображает женщину, сидящую на зеленовато-черном коврике с красной каймой (рис. 110, 111). Голова у фигуры отсутствует. На плечи наброшена накидка с треугольным правосторонним отворотом. Нижний край правой полы закрывает часть левой. Ткань накидки, обшитой по краям черной каймой, белого цвета. Орнамент ткани не сохранился, только в некоторых местах видны желтые полосы.

С обеих сторон спускаются по две ленты: внутренние — красные, внешние — черно-зеленые.

В левой руке был кубок. На мизинце — золотое кольцо. Правая рука приподнята и держит ручку несохранившегося зеркала. С руки спускается широкий рукав. На груди — следы каких-то украшений.

Рис. 112. Схематическая прорисовка росписей северной стены (частичная реконструкция)

На северной стене изображено 15 персонажей (рис. 112). Все они делятся на четыре группы, из которых вторая, судя по богатству орнамента одежды и по количеству фигур, является центральной.

Первая группа находится в западной части (рис. 113, 114) стены и состоит из трех персонажей. Из-за сильной закопченности не все детали рисунка удалось проследить.

Фигура 21 изображает слугу, стоящего справа от фигуры 22, за ее спиной. Сохранилась только нижняя часть кафтана, ткань которого была орнаментирована: все поле разбито на ряд ромбиков, и в каждый из них вписан рисунок красновато-коричневого цвета, по форме очень напоминающий карточную масть «трефы». Кафтан желтого цвета, с зеленовато-коричневой каймой.

Фигура 22 изображает мужчину, который сидит на коврике, скрестив поджатые под себя ноги. Голова и левая рука не сохранились. Одет в красный кафтан с треугольным правосторонним отворотом; от сильной закоптелости красный цвет приобрел черно-бордовый оттенок. Ткань кафтана орнаментирована (следы этого орнамента видны на правом рукаве). Кафтан оторочен желтой каймой, на которой также прослеживаются детали орнамента. Он состоит из сердцевидных медальончиков, повернутых острым концом кверху и окрашенных в более светлый желтый цвет, чем кайма отворота. В отличие от предыдущих фигур мужчина держит в левой согнутой руке кубок не за ножку, а обхватив его узкое тулово, слегка расширяющееся кверху. Кубок белого цвета, по-видимому серебряный или стеклянный.

Талия мужчины перетянута узеньким поясом, застегнутым спереди пряжкой. Справа к поясу подвешены различные аксессуары, слева, ниже пояса, прикреплен нож. На скрещенных ногах — мягкие сапожки. Ноги нарисованы пятками кверху.

Коврик синего цвета, круглый, по краю проходит красная кайма.

Фигура 23 находится слева от фигуры 22 и изображает женщину, сидящую на круглом коричневом коврике; край его выступает из-под накидки. Верхняя часть туловища отсутствует⁷. Женщина одета в желтый плащ, орнаментированный ромбами, которые образованы в результате пересечения нескольких параллельно идущих лент. Каждая лента, в свою очередь, орнаментирована белыми кружками-перлами по черному фону. В центре каждого ромба — семилепестковая розетка, вы-

⁷ Это объясняется тем, что здесь в первом строительном периоде находилась дверь, которую при перестройке заложили; впоследствии же часть этой закладки обвалилась, что и повлекло за собой разрушение росписей.

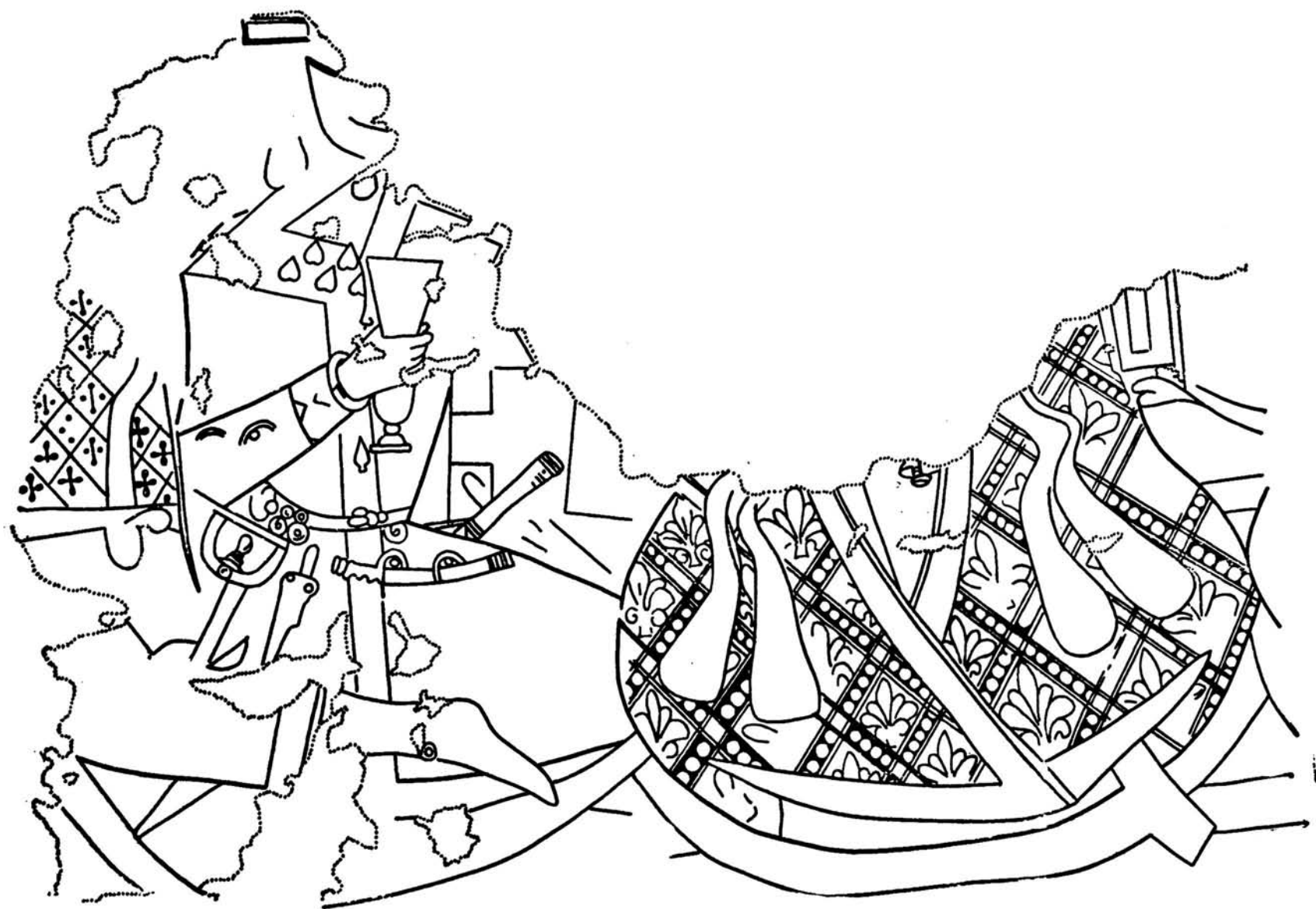

Рис. 113. Северная стена. Первая группа (прорисовка)

Рис. 114. Северная стена. Первая группа (фигуры 21, 22, 23)

полненная линейным рисунком. Правая пола кафтана частично закрывает левую. Коричневая кайма, оконтуренная с внешней стороны черной кромкой, проходит вдоль полы накидки, а внизу она нашита на полы и заканчивается по бокам острыми уголками.

Справа и слева спускаются по две ленты: две крайние — зеленого цвета и две, находящиеся ближе к центру, — красного. От левой руки сохранился мизинец с золотым кольцом.

Вторая группа состоит из 6 персонажей и является одной из наиболее интересных (рис. 115, 116).

Фигура 24 изображала слугу в профиль влево, сидящего на подогнутых под себя ногах; носки желтых сапожек видны сзади, из-под туловища. Сохранилась только нижняя часть фигуры. Одет слуга в красный кафтан, отороченный по низу черной каймой. С правой стороны кафтана спускается какой-то завиток черного цвета, оконтуренный желтой каймой.

Фигура 25 изображает мужчину, одетого в кафтан желтого цвета. Посредине туловища проходит широкая черная кайма, отороченная не по внешнему краю, как у других фигур, а с внутренней стороны. Эта желтая оторочка украшена рядами кружков, выполненных черным линейным рисунком. В каждом кружке — по одной черной точке. Такая же кайма проходит по рукавам и низу кафтана. Ткань кафтана богато орнаментирована. К краям манжетов прикреплены браслеты, украшенные трехлепестковыми розетками.

В левой руке, опущенной вниз и упирающейся в бедро, — фигурные черные ножны с желтым наконечником. На мизинце руки — кольцо с орнаментированной поверхностью; в оправу вставлен большой овальный камень. К верхнему краю оправы кольца прикреплен маленький шарик.

Правая рука с кубком протянута по направлению к женщине. К поясу, с правой стороны, подвешены аксессуары. Один из них имеет форму небольшого ножа с широкой ручкой, правее от него — неизвестный прямоугольный предмет с красной каймой по краям и черной серединой. Над ним — подковообразный черный подвесок с внутренним красным заполнением; точно установить форму и назначение этого предмета не удалось.

На ногах одеты черные мягкие сапожки, что хорошо видно по изображению правой ноги, находящейся сверху. Из-под нее виден носок второго сапожка.

Мужчина сидит на круглом коврикe, оконтуренном желтой каймой. Этот коврик, в свою очередь, находится на общем большом ковре. Кайма последнего состоит из разноцветных полос, от которых сохранилась часть голубой и желтой.

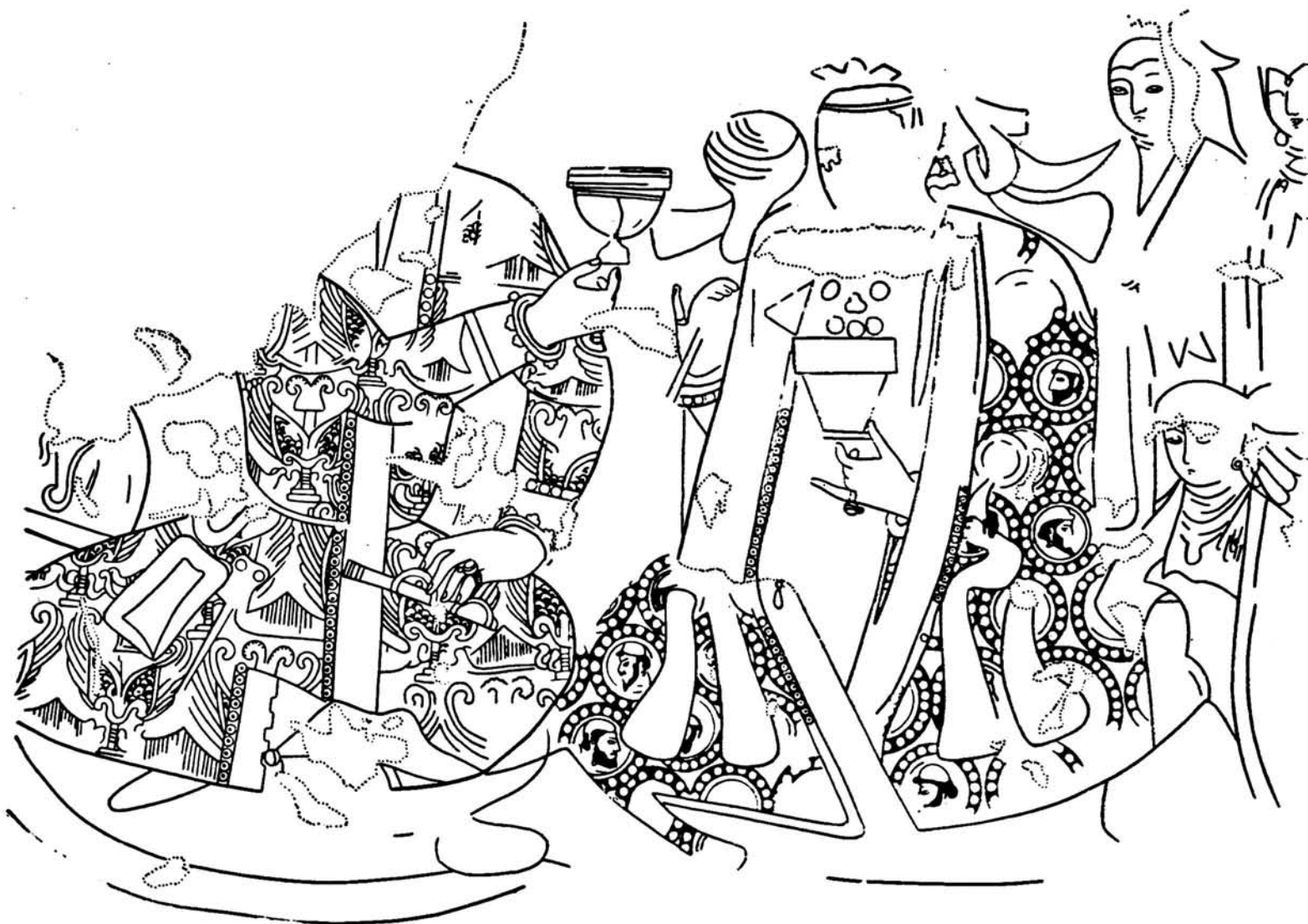

Рис. 115. Северная стена. Вторая группа (прорисовка)

Рис. 116. Северная стена. Вторая группа (фигуры 24, 25, 26, 27, 28, 29)

Фигура 26 изображает женщину, сидящую слева от мужчины и одетую в не менее нарядную одежду. Желто-белая накидка украшена рядами черных кругов с перлами. В середину каждого круга вписана голова мужчины с пышной бородой и маленькой шапочкой типа тюбетейки, с серьгами в ушах. В одном ряду лица повернуты поочередно то вправо, то влево. Широкая черная кайма накидки аналогична кайме одежды сидящего рядом мужчины. С внутренней стороны она имеет желтую кромку с прорисованными на ней кружками. Снизу кайма проходит только по правому борту и нашита на нее.

Правосторонний отворот белого цвета с широкой черной каймой. Правая рука, приподнятая кверху, держит зеркало. С руки свисает широкий рукав второй одежды, черный с наружной стороны и подшитый белой тканью — с внутренней. Видны складки этой подшивки, а также узкий обшлаг другой одежды. Левая рука, высунутая из-под накидки, поддерживает кубок не совсем обычной формы. Конусообразно расширяющееся кверху тулово переходит в цилиндрическое, невысокое, слегка выступающее донце. На мизинце — золотое кольцо. Нижняя одежда красного цвета.

На уровне груди, выше кубка, видны шесть цветных пятен. Вероятно, в этом месте были изображены какие-то украшения, висевшие на шее.

С левой стороны на накидке — кольцо, откуда спускаются две ленты: правая — красная, левая — коричневая. С правой стороны из-под рукава также видны концы лент; здесь правая — коричневая, а левая — красная.

Фигура 27 изображает прислужницу, сидящую слева за спиной женщины и поддерживающую полу ее накидки. Фигура повернута на $\frac{3}{4}$ вправо. На голове — черные волосы, перевязанные на затылке белой лентой; концы ее видны за левым ухом. Лицо широкое, контуры носа, глаз, губ и ушей прослеживаются плохо; на шее — бусы и другие украшения. Накидка желтая с черной каймой, белый правосторонний отворот с широкой каймой того же цвета. Ткань нижней одежды красная.

На втором плане, за спиной прислужницы, стоят еще две фигуры слуг.

Фигура 28 изображает юношу, одетого в красный кафтан с черной каймой и черным отворотом. Левая рука находится на уровне живота. Детали рук и лица прослеживаются плохо.

Фигура 29 изображает прислужницу, одетую в черную одежду, поверх которой на плечи наброшен белый плащ с красной каймой. В некоторых местах сохранился орнамент ткани плаща в виде рядов ромбиков, выполненных голубой краской. На шее — желтая гривна.

Рис. 117. Северная стена. Третья группа (прорисовка)

Рис. 118. Северная стена. Третья группа (фигуры 30, 31)

Правая рука приподнята, видны два пальца. Из-за правой щеки выступает серьга. Волосы на лбу сходятся мысиком, с которого спускался ромбовидный подвесок. Детали рук и лица прослеживаются плохо.

Третья группа состоит из двух фигур (рис. 117, 118).

Фигура 30 изображает сидящего мужчину. Ноги не сохранились, но по общему красочному пятну можно сказать, что они были скрещены. Одет мужчина, как и предыдущие фигуры, в кафтан с правосторонним отворотом желтого цвета и красной каймой. Желтая ткань орнаментирована рядами кругов, в середину каждого из которых вписаны восьмилепестковые розетки. Перед собой мужчина держит два кубка. Ясно видно, что он переливает из одного в другой какую-то жидкость. Кубок, находящийся в левой руке, изображен вертикально, а в правой — над первым в наклонном положении. Оба они белого цвета, имеют вытянутые тулова, слегка расширяющиеся кверху и закругленные в нижней части, к которой при помощи небольшого шарика прикреплена полукруглая ножка на слегка выступающем донце.

Лицо сохранилось неплохо: прослеживаются контуры правого глаза, носа и губ. На мизинцах обеих рук — золотые кольца. Непропорционально вытянутая талия перетянута черным поясом с золотой застежкой в середине.

С левой стороны к поясу прикреплены небольшие ножны, которые украшены двумя полукругами, расположенными рядом, окружностями кверху. Каждый полукруг состоит из желтого ободка с темной серединой и небольшим желтым кружком в верхней части. Ручка, находившаяся правее полукругов, почти не сохранилась. Из-за левой ноги видна вторая ручка, возможно меча, красного цвета с желто-золотым наконечником. С правой стороны к поясу были подвешены различные аксессуары, но ввиду плохой сохранности этой части росписей установить их форму пока невозможно.

Фигура 31 изображает женщину, одетую в красную одежду, поверх которой на плечи наброшен плащ белого цвета с желтой каймой. По кайме проходит черный рисунок, состоящий из отдельных частей, по форме напоминающих карточный знак «пики». С правой стороны — треугольный отворот с черной каймой. С обеих сторон накидки спускаются по две ленты. От нижней красной одежды виден широкий рукав, свисающий с правой приподнятой кверху руки. В руке — ручка зеркала. Кисть левой руки видна из-под полы накидки. Кончики трех пальцев этой руки поддерживают золотой кубок.

На шее висит черная лента, через которую продета крупная белая бусина-амулет. Голова фигуры не сохранилась.

На втором плане, над левым плечом мужчины, — белый круг с желтой серединой.

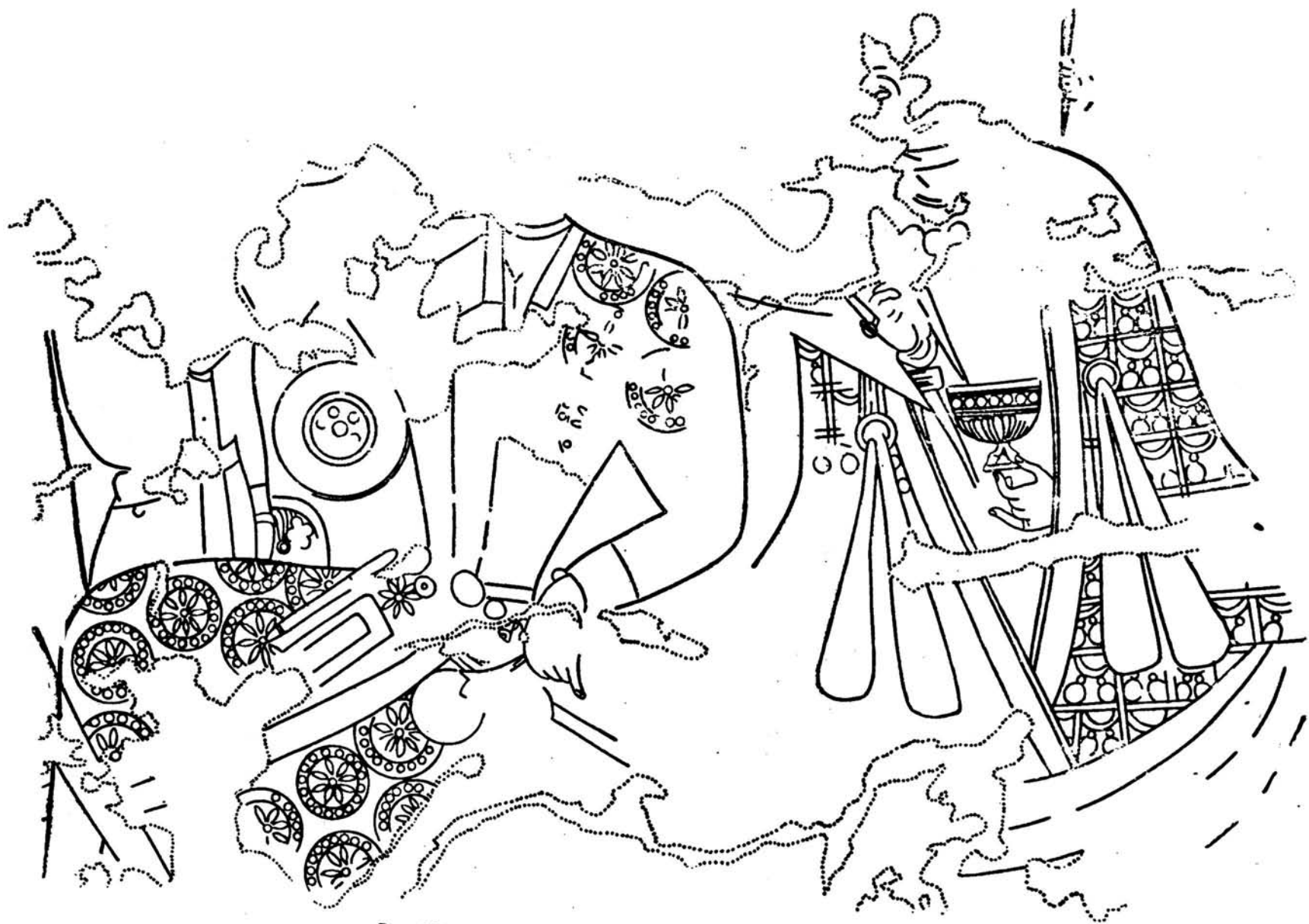

Рис. 119. Северная стена. Четвертая группа (прорисовка)

Рис. 120. Северная стена. Четвертая группа (фигуры 32, 33, 34, 35)

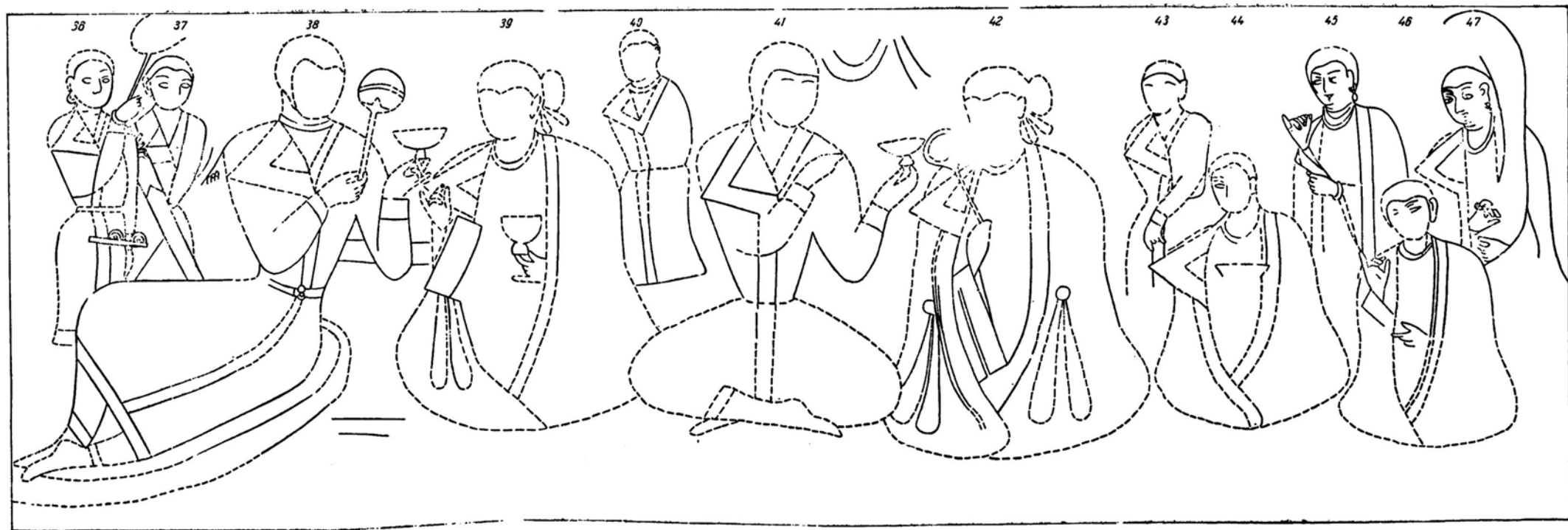

Рис. 121. Схематическая прорисовка росписей восточной стены (частичная реконструкция)

Четвертая группа состоит из четырех фигур (рис. 119, 120).

Фигура 32 изображает полулежащего мужчину. Левая рука опущена книзу и упирается локтем в подушку (?). На нее как бы приходится основная тяжесть слегка наклоненного влево туловища. Правая нога, согнутая в колене, поставлена почти перпендикулярно лежанке. Ввиду плохой сохранности нельзя точно определить положение левой ноги. Возможно, она была изображена лежащей на коврике.

Кафтан светло-красного цвета с черной каймой. Ткань его орнаментирована целым рядом кругов. В центре каждого из них — восьмилепестковая розетка, заключенная в круг меньшего диаметра, а под ними — ряд небольших красных кружков. Весь рисунок ткани выполнен красной краской, более темной, чем сама ткань. У шеи — красные «петлицы». Талия перетянута черным поясом, на котором видны украшения. С правой стороны — те же аксессуары: прямоугольная дощечка и небольшой ножичек в чехле. В левой опущенной руке — зеркало. Положение правой руки установить не удалось. Из-под нижней каймы кафтана видна часть правой ноги в желтом сапожке.

Фигура 33 находится слева от фигуры мужчины и изображает женщину. Ее одежда аналогична одежде предыдущих фигур: накидка с правосторонним отворотом, по бокам спускаются по две ленты. Красочная поверхность рисунка сильно потерта, но рисунок ткани с левой стороны хорошо виден. Он состоит из квадратов, образовавшихся в результате пересечения двойных горизонтальных и вертикальных линий. В середине каждого квадрата — лента с двумя бубенчиками.

Голова фигуры почти не сохранилась, видны лишь отдельные контуры деталей лица.

В правой руке — ручка от несохранившегося зеркала. В левой — кубок. На мизинцах обеих рук — кольца.

Фигура 34 находилась на втором плане, справа от мужчины, и изображала слугу в красном кафтане и с опущенной вдоль туловища левой рукой. Верхняя часть рисунка фигуры разрушена.

Фигура 35 также изображает слугу, стоящего слева, за спиной женщины. Но в этом месте росписи настолько закопчены, что проследить что-либо, кроме руки, держащей древко опахала, невозможно.

ВОСТОЧНАЯ СТЕНА

Изображения на этой стене сохранились очень плохо, хотя она меньше всего пострадала от копоты (рис. 121). Основные разрушения причинили ей термиты, устроившие свои гнезда между кирпичной закладкой и красочным слоем. Несмотря на то, что были предприняты все

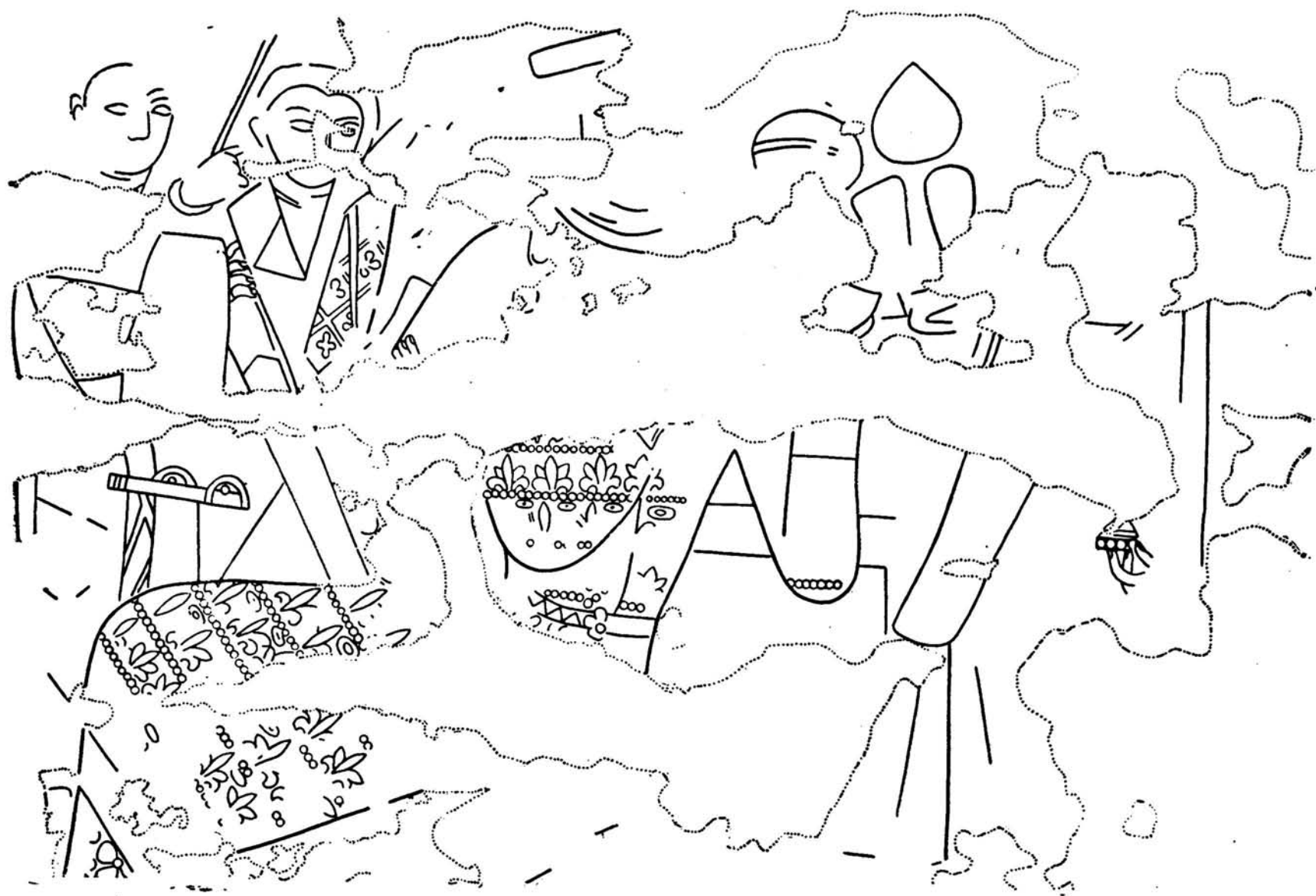

Рис. 122. Восточная стена. Первая группа (прорисовка)

Рис. 123. Восточная стена. Первая группа (фигуры 36, 37, 38, 39, 40)

меры предосторожности, часть красочного слоя осыпалась до того как мы смогли его закрепить.

Росписи занимают не всю стену, а только ту ее часть, которая находится над суфой. Остальная поверхность стены покрыта черной краской. Всего на стене было изображено 12 фигур, которые композиционно разбиваются на три группы.

Первая группа состоит из пяти персонажей (рис. 122, 123).

Фигура 36 находится на втором плане, справа от фигуры 38, и изображает юношу-слугу. Приподнятая правая рука держит древко опахала, а левая опущена вниз. Верхний угол этой стены был сильно закопчен, и контуры сохранились весьма своеобразно — красная краска, которой были прорисованы детали лиц, осыпалась, а светлые следы, образовавшиеся после выпадения краски, резко выделяются на закопченной поверхности. Трудно установить цвет одежды (в настоящее время он серый). Видна нижняя часть черной каймы отворота. Кайма, проходящая вдоль середины туловища, орнаментирована черными полосами. С левой стороны, ниже пояса, висят ножны уже известной нам конструкции.

Фигура 37 расположена левее фигуры 36 и изображает второго слугу. Сохранилась она несколько лучше, чем предыдущая. Видны черные волосы, с головы на левое плечо спускается косичка. Ткань кафтана украшена ромбами: в центре каждого из них — крестик, похожий на карточный знак «трефы». В правой руке — предмет, назначение которого выяснить не удалось; он напоминает ленту, идущую от правого плеча к левой ноге. Нижняя часть этой ленты красного цвета. Назначение предмета, находящегося в левой руке, также нельзя определить.

Фигура 38 является центральной в этой группе и изображает мужчину в той же примерно позе, как и фигура 34. Сильное разрушение красочного слоя все же не портит общего впечатления и позволяет дать почти полную реконструкцию позы фигуры и рисунка ткани.

Левая нога лежит на желтом коврике с серо-синей каймой, а правая согнута в колене и поставлена перпендикулярно суфе.

В правой руке было зеркало, от которого остался только диск, находящийся на уровне лица фигуры. Левая рука слегка отставлена и упирается локтем в коврик черного цвета с красной окантовкой. От кисти этой руки сохранился большой палец, соприкасающийся с поддонцем чаши. Талия перетянута поясом. В центре пояса — фигурная пряжка. Сам пояс украшен двумя рядами ромбиков: острые углы черных ромбиков нижнего ряда обращены вверх, а белые ромбики верхнего — острым концом вниз.

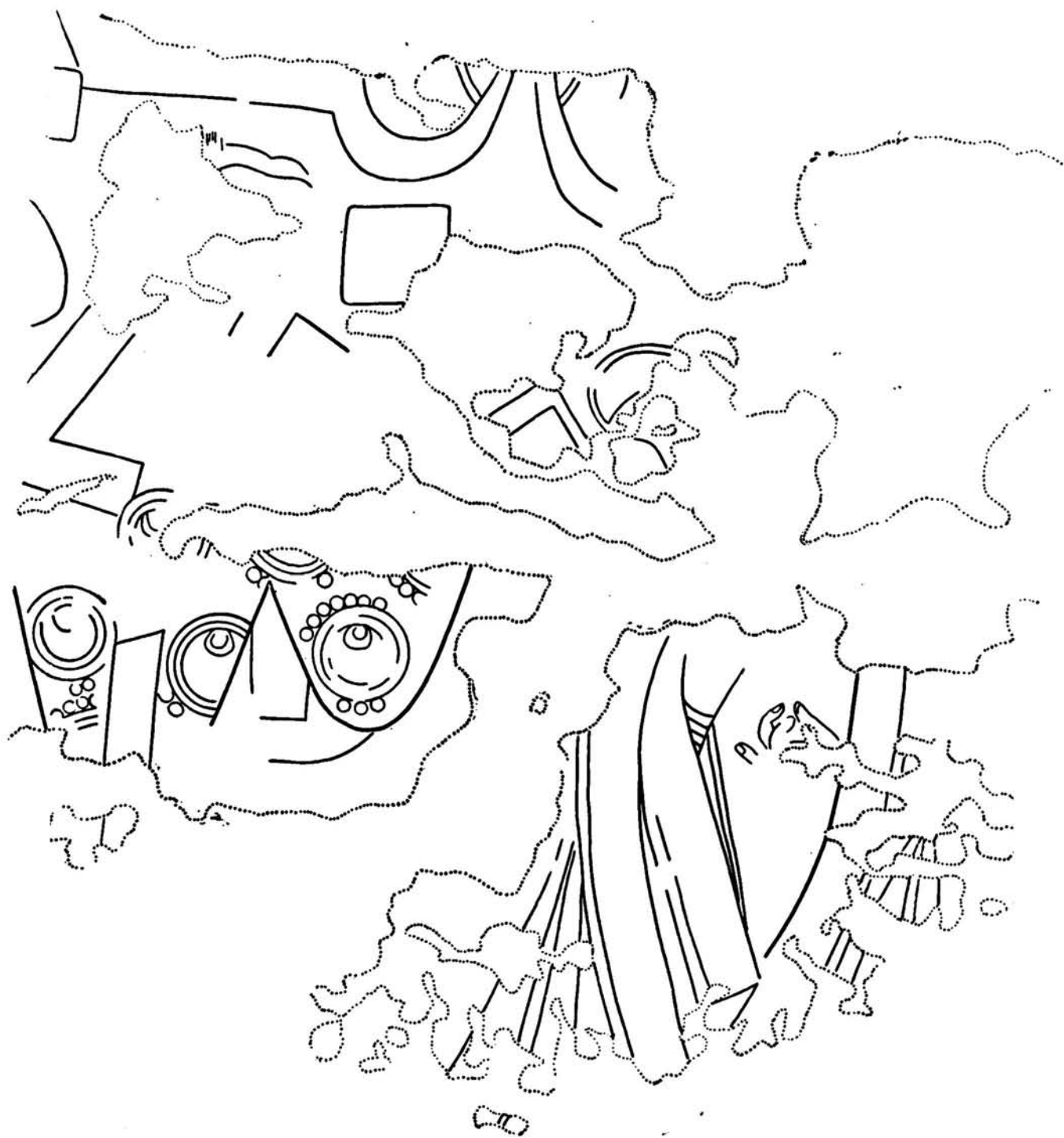

Рис. 124. Восточная стена. Вторая группа (прорисовка)

Рис. 125. Восточная стена. Вторая группа (фигуры 41, 42)

Очень интересна орнаментация белой ткани кафтана, рисунок которой выполнен черным контурным штрихом.

На ногах у фигуры — штаны с красными обшлагами внизу. Орнамент на штанах точно такой же, как на кафтане фигуры 7. Это единственный случай, когда орнамент повторяется и штаны не заправлены в сапожки.

Фигура 39 изображает женщину, сидящую слева от мужчины. Голова фигуры не сохранилась. На шее висели бусы, о чем можно судить по двум желтым линиям. Накидка была оторочена зеленоватой каймой, прослеживающейся отдельными штрихами на левой поле. Видны три пальца левой руки, поддерживающие ножку кубка, тулово которого отсутствует. Правая рука была выставлена вправо; сохранился только обшлаг широкого рукава желтого цвета со спускающимися из-под него двумя лентами.

Фигура 40 изображает слугу, стоящего за спиной женщины. Одет он в желтый кафтан с красной каймой. Справа от женщины видны концы двух красных лент и каплевидный медальон над ними.

Вторая группа сохранилась плохо, имеются большие выпады штукатурки и красочного слоя. Цвета красок чище, чем в других местах. Группа состоит из двух персонажей (рис. 124, 125).

Фигура 41 изображает мужчину, который сидит, скрестив ноги. Сохранилась верхняя часть торса. Место, где находилось лицо, более светлое; видна верхняя линия лба и брови. Кафтан белого цвета с правосторонним отворотом и черной каймой. Ткань кафтана орнаментирована кругами, к внешнему краю которых примыкает целый ряд мелких, соприкасающихся друг с другом кружков. В каждый круг вписано еще три: внешний — желтого цвета, следующий к центру — белого и в центре — серого. В центральной части описываемого круга находится желтый полукружок. Правая и левая руки были обращены к женщине.

Фигура 42 изображает женщину, что подтверждается при сравнении сохранившихся частей ее одежды с одеждой предыдущих персонажей. Линии лица отсутствуют. Накидка оторочена серой каймой, на правой поле которой видны следы красного рисунка. С наружной стороны каймы проходит желтая кромка, а с внутренней — черная. Можно проследить, что с обеих сторон накидки спускались по две ленты: одна — красная, другая — зеленоватая. Нижняя одежда имела красный цвет.

В правой приподнятой руке с широким рукавом женщина держала окрашенное в желтый цвет зеркало с темным ободком. Часть этого зеркала видна с правой стороны, на уровне предполагаемого лица женщины.

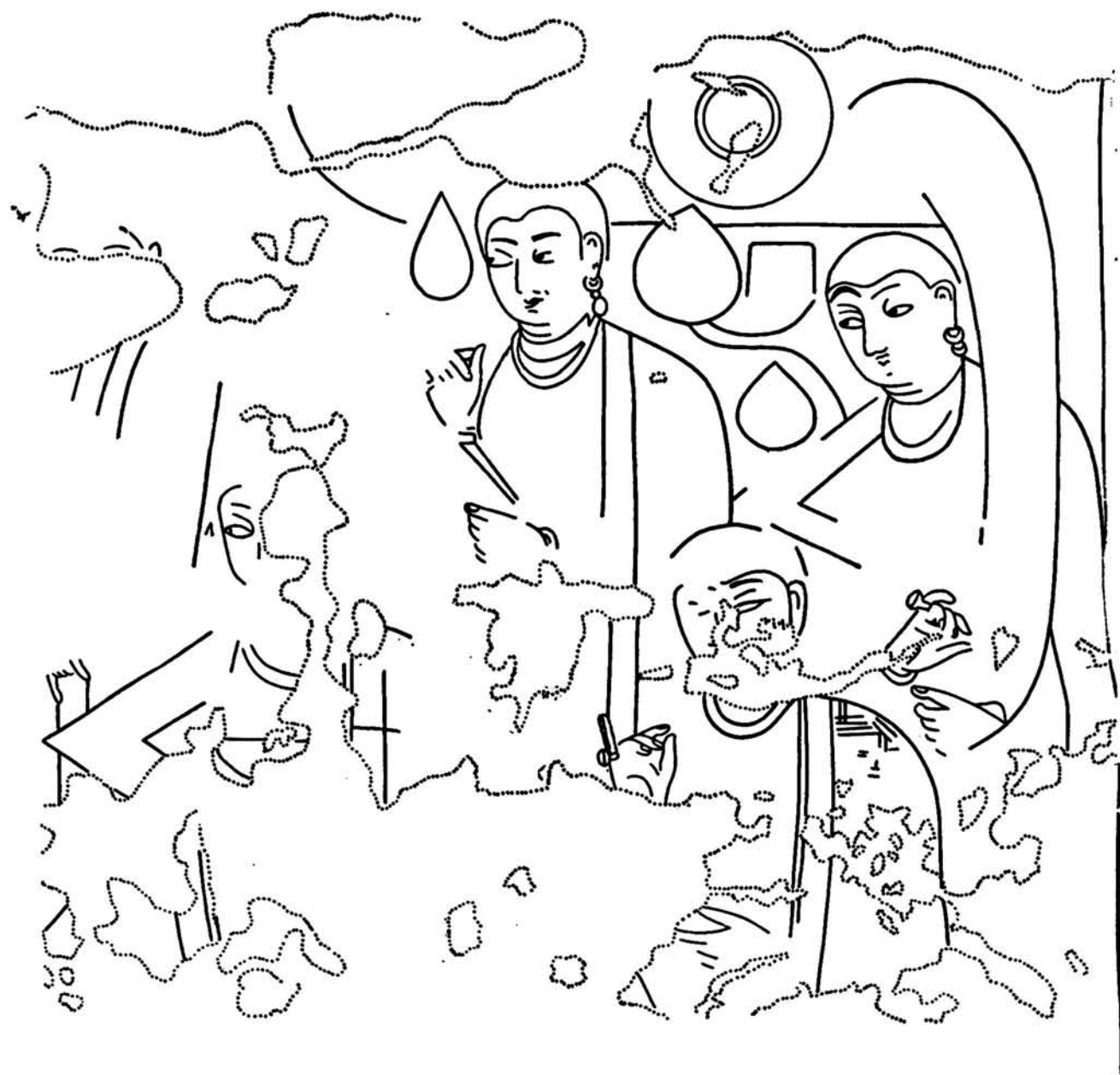

Рис. 126. Восточная стена. Третья группа (прорисовка)

Рис. 127. Восточная стена. Третья группа (фигуры 43, 44, 45, 46, 47)

В левой руке был кубок; в настоящее время можно проследить только нижние его контуры.

Третья группа состоит из пяти персонажей (рис. 126, 127).

Фигура 43 находится слева от женщины и изображает юношу-слугу, одетого в красный кафтан с зеленой каймой. Левая рука, судя по остаткам пальцев, была опущена вниз. От линий лица сохранились брови и верхний кончик уха.

Фигура 44 изображает прислужницу, одетую в красный плащ, от которого остался лишь небольшой фрагмент около левого плеча. Правосторонний отворот с широкой черной каймой. Зеленая кайма имеется также на бортах накидки.

Видны контуры правой щеки и правого глаза; на шее — желтые бусы. В несохранившейся правой руке находилась чаша, часть которой прослеживается на уровне груди. Левая рука была опущена вниз, о чем можно судить по остатку пальца в нижней части росписей.

Фигура 45 изображает вторую прислужницу. Несмотря на отдельные потертости на широком, почти круглом лице, линии бровей, глаз, носа и губ не пострадали. На голове — черные волосы, в ушах — золотые серьги, на шее — бусы. Поверх красной одежды с широким рукавом, виднеющимся на правой руке, на плечи наброшена желтая накидка с темной каймой. Левая рука согнута в локте. Пальцы рук сжаты так, как будто в них находится какой-то предмет. Указательный и большой пальцы правой руки соприкасаются. Мизинец с кольцом приподнят кверху.

Фигура 46 изображает третью прислужницу. Лицо ее сохранилось несколько хуже, чем у предыдущей. Видны только отдельные линии глаз и бровей. Белая накидка с красной каймой была орнаментирована. От орнамента остались отдельные синие линии.

Фигура 47 замыкает сцену пиршества, которую мы описали, и изображает четвертую прислужницу. Лицо ее почти круглое; сохранились все контуры рисунка бровей, глаз и т. д. Некоторые дополнительные линии выступили впоследствии, при закреплении росписей (над правым глазом и губой). Возможно, что это линии наброска рисунка, который при детальной прорисовке был закрашен.

Необходимо остановиться более подробно на стене, изображенной на третьем плане, за фигурами.

В верхнем левом углу⁸ очень хорошо видно, что центральная часть стены была окрашена в синий цвет, а сверху проходила красная кайма с расположенными на ней кругами. Эта кайма спускается вниз за спи-

⁸ Напомним, что при описании левые и правые стороны указывались по отношению к фигурам,

ной фигуры 47. Такие же красные полосы мы видели почти на всех стенах.

Следовательно, в своем первоначальном виде фон, на котором изображены персонажи пиршества, выглядел, несомненно, иначе, чем теперь: центральная часть каждой стены имела синий цвет и была заключена сверху и с боков в красную рамку.

Глава IV

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ БАЛАЛЫК-ТЕПЕ

Открытие росписей Балалык-тепе не следует рассматривать как нечто принципиально новое в области выявления памятников монументальной живописи на территории Средней Азии и сопредельных стран Востока.

Наиболее древние образцы этой живописи обнаружены за пределами Советского Союза и связаны с историей Парфянского государства¹. Несомненно, дальнейшие археологические исследования выявят ее и на территории Туркмении, входившей в состав Парфянского государства.

В 1916 г. во дворце Кух-и-Ходжа А. Стейн обнаружил росписи², раскопки которых были произведены в 1929 г. Э. Херцфельд считает, что дворец Кух-и-Ходжа, находящийся в Сеистане (Юго-Восточный Иран), имел два строительных периода. Первый относится к I в. н. э., а второй — к раннесасанидскому времени, т. е. к III в. н. э.³ Датировки памятника основаны на анализе архитектурных форм и орнаментальных мотивов и требуют, как нам кажется, уточнения. Стены многих помещений Кух-и-Ходжа и особенно галерея покрыты живописью, датируемой, по мнению Э. Херцфельда, первым строительным периодом. Галерея разрушилась во втором периоде, когда штукатурка с росписями была застроена тонкой сырцово-кирпичной стеной. Росписи сохранились плохо. В изображении человеческих лиц Э. Херцфельд видит

¹ M. Rostovtzeff, *Dura-Europos and its Art*, Oxford, 1938.

² A. Stein, *Innermost Asia*, London, 1928; E. Herzfeld, *Archeological history of Iran*, London, 1935.

³ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, London—New York, 1941; он же, *Archeological history of Iran*, p. 292.

два стиля: иранский и греческий⁴. Стилистический анализ приводит Э. Херцфельда к выводу о возможности унаследования некоторых орнаментальных мотивов из ахеменидского искусства⁵. К этому же выводу приходит Б. П. Денике⁶; Л. Моргенштерн датирует фрески Кухи-Ходжа сасанидским временем⁷.

О существовании живописи в Иране в III—VI вв. имеются сведения в письменных источниках⁸, хотя подобные памятники на территории собственно Ирана пока не раскопаны.

Большой интерес представляет живопись Бамиана, исследованная А. Годаром и Ж. Акеном в 1924 и в 1930—1933 гг.⁹ и датируемая V—VI вв. К этому же времени относятся росписи пещеры Кокрак (1930—1931 гг.). Известны также росписи в Духтар-и-Нуширван из Северного Афганистана¹⁰ и Фундукистана (между Кабулом и Бамианом), исследованные Ж. Акеном¹¹.

Еще раньше стали известными многочисленные стенные росписи Кучи, Карашара и других районов Восточного Туркестана. Работы по их изучению производились в 1902—1907 гг. А. Лекоком и А. Грюнвеллем, а в 1913 г. были продолжены А. Лекоком. Результатом этих исследований явились крупные монографии¹². Большая роль в археологическом изучении указанного района принадлежит А. Стейну¹³.

В 1906 г. русским ученым Березовским производилась фиксация фресок Восточного Туркестана. С 1909 по 1915 г. (с некоторыми пе-

⁴ E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, fig. C-11.

⁵ Там же, стр. 294.

⁶ Б. П. Денике, *Живопись Ирана*, М., 1938, стр. 19.

⁷ L. Morgenstern, *La peinture murale dans l'art Iranien*, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939, стр. 140.

⁸ Б. П. Денике, *Искусство Востока*, Казань, 1923, стр. 55; М. М. Дьяконов, *Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии*, Сб. „Живопись древнего Пянджикента“, стр. 36.

⁹ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, *Les antiquités bouddhiques de Bamiyan*, MDAFA, vol. II. Paris et Bruxelles, 1928; J. Hackin, J. Carl, *Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan*, MDAFA, vol. III, Paris, 1933.

¹⁰ J. Hackin, *Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan*, *Compte-rendu sommaire*, *Revue des Arts Asiatiques* (RAA), vol. XII, No. 1, Paris, 1938.

¹¹ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, *Les antiquités bouddhiques de Bamiyan*, p. 65—84; L. Morgenstern, *La peinture murale dans l'art Iranien*, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, стр. 140.

¹² A. Le Coq, *Chotscho*, Berlin, 1913; он же, *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*, Berlin, 1922—1926; он же, *Auf Hellas Spuren in Ostturkestan*, Berlin, 1926, и др.

¹³ A. Stein, *Serindia*, vol. I—IV, Oxford, 1921, и др.

рерывами) над изучением памятников Восточного Туркестана работала большая экспедиция под руководством С. Ф. Ольденбурга¹⁴.

Все росписи, обнаруженные в пещерах и монастырях Кучи, Карашара, Турфана, исключительно разнообразны по колориту, и по своему характеру являются в основном отображением буддийского искусства, хотя имеются христианские и манихейские сюжеты. Несмотря на большое количество открытых росписей, датировка последних до настоящего времени весьма относительна, что, как отмечает М. М. Дьяконов, затрудняет привлечение их в качестве сравнительного материала при изучении искусства народов Средней Азии¹⁵.

Территория Синьцзяна всегда была ареной, на которой сталкивались интересы Средней Азии, Китая и Индии. Поэтому искусство Синьцзяна подвергалось влиянию этих стран. Некоторые ученые (А. Грюнведель, А. Лекок, А. Стейн и др.) старались увидеть в живописи Синьцзяна элементы сасанидского искусства. «Сасанидским» они считали все, что относилось к западу и юго-западу от Восточного Туркестана. А. Н. Бернштам полагал, что живопись Таримского оазиса испытала влияние двух искусств: Византии и Ирана эпохи Сасанидов. Влияние Ирана он находит в изображении сасанидских царей, трехрогих шляп эфталитов, а также в орнаментированных кругах с птицами и животными в них (росписи Кызыла)¹⁶.

Открытие живописи и других памятников искусства в Средней Азии заставляет относить эти влияния к территории и искусству Средней Азии, но не собственно сасанидского Ирана¹⁷.

На живопись Синьцзяна большое влияние оказало искусство Согда, откуда «непрерывно шли культурные силы, художественные навыки и традиции»¹⁸.

Э. Херцфельд также подвергает сомнению возможность непосредственной связи между Ираном и Турфаном в сасанидское время¹⁹, однако такая связь существовала в тот период со Средней Азией.

Сомнительно, на наш взгляд, утверждение А. Н. Бернштама, что стенная живопись Кучи несет в себе элементы византийского искусства. Доказательством этому служит, как он пишет, преобладание ев-

¹⁴ С. Ф. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. СПб., 1914.

¹⁵ М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. „Живопись древнего Пянджикента“, стр. 89.

¹⁶ А. Н. Бернштам, Проблемы истории Восточного Туркестана, ВЛИ, М. 1947, № 2, стр. 63.

¹⁷ В. А. Шишкин, Варахша (предварительное сообщение о работах 1949–1953 гг.), стр. 117, рис. 10.

¹⁸ М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. „Живопись древнего Пянджикента“, стр. 90.

¹⁹ E. Herzfeld, Iran in the Ancient East.

ропеоидного типа в изображении буддийского пантеона²⁰. Изучение остеологического материала, добытого во время археологических раскопок на территории Узбекистана и юга Таджикистана, а также другие данные антропологии показали, что население этих районов в V—VI вв., как и в настоящее время, было в основном европеоидным²¹. Это подтверждается изображением лиц в росписях Балалык-тепе. Мы вполне присоединяемся к мнению М. М. Дьяконова, что искусство Византии не могло непосредственно влиять на искусство Синьцзяна²², хотя связи между Средней Азией и Византией в то время, несомненно, существовали. В качестве примера можно указать на находки византийских монет на территории Средней Азии²³, однако этот вопрос еще недостаточно освещен в исторической литературе и пока нет никаких оснований говорить о большом влиянии Византии на живопись Восточного Туркестана.

Изучая росписи Балалык-тепе, мы не привлекали для сравнения живопись Мирана, находящуюся в Восточном Туркестане, недалеко от оз. Лоб-Нор, и датируемую I в. до н. э. — I—III вв. н. э., так как она, несомненно, значительно более раннего времени и несет в себе черты эллинистического искусства.

Районы же Кучи экономически и политически были теснее связаны со Средней Азией. Это видно при сравнении монументальной живописи Средней Азии и Турфана. Большой торговый путь из Китая через Восточный Туркестан, Среднюю Азию и Иран в Византию не мог не повлиять на взаимное обогащение искусств этих стран.

Кратко остановимся на истории открытия памятников монументальной живописи на территории Средней Азии.

В 1913 г. археолог В. Л. Вяткин при раскопках на городище Афрасиаб обнаружил фрагменты стеной росписи. К сожалению, они утрачены, так как не были своевременно закреплены; схематическую зарисовку с них произвел художник Б. М. Ромберг²⁴. Подробные данные об этой живописи приведены в работе А. Ю. Якубовского²⁵.

²⁰ А. Н. Бернштам, Проблемы истории Восточного Туркестана, ВДИ, М.—Л., 1947, № 2, стр. 63.

²¹ Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, 1957, стр. 93—100.

²² М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. „Живопись древнего Пянджикента“, стр. 90.

²³ М. Е. Массон, К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ, вып. XXIII, кн. 4, Ташкент, 1951.

²⁴ В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. II, Пг., 1922.

²⁵ А. Ю. Якубовский, Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг., „Известия АН СССР“. Серия истории и философии, т. VII, № 5, М., 1950.

Через 20 лет после этой находки, в 1933 г., на горе Муг были обнаружены документы на согдийском языке и кожаный щит, на котором в красках изображен всадник²⁶.

В 1938 г. В. А. Шишкин открыл росписи на городище Варахша²⁷, датируемые VII в. н. э.

Работами Семиреченской археологической экспедиции, руководимой А. Н. Бернштамом, на городищах Ак-Пешин, Чон-Казак и Красно-реченском выявлены фрагменты росписей и скульптуры²⁸, относящиеся к VIII—X вв.

При раскопках городища Топрак-кала, проводившихся в 1945—1950 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова, были обнаружены фрагменты монументальной живописи²⁹, датируемые III в. н. э.

Начиная с 1948 г., т. е. спустя десять лет после открытия варахшской живописи, и ежегодно по настоящее время работами Таджикско-Согдийской экспедиции на городище древнего Пянджикента вскрываются все новые и новые образцы стенных росписей, датируемых VI—VIII вв. н. э.

В 1953 г. автором настоящей книги были обнаружены росписи на Балалык-тепе, полная расчистка которых закончилась в 1955 г.

Кратко остановимся на характеристике росписей Балалык-тепе и сравнении их с живописью сопредельных стран и Средней Азии.

Большинство из исследованных памятников живописи Афганистана и Восточного Туркестана связаны с буддийским искусством. Иногда в общем буддийском сюжете можно видеть изображения лиц, отличающихся как по одежде, так и по антропологическому типу. Для примера можно указать на росписи Бамиана (VI в.). В них особенно инте-

²⁶ А. А. Фрейман, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, Согдийский сборник, Л., 1936; А. Ю. Якубовский, Культура и искусство Средней Азии, стр. 25—27.

²⁷ В. А. Шишкин, Новые данные по искусству Согдианы. Резная штукатурная декорация из развалин Варахши, ж. „Искусство“, М., 1938, № 5, стр. 148—152; он же, Археологические работы в западной части Бухарского оазиса в 1937 г., Ташкент, 1940; он же, Исследование городища Варахша и его окрестностей, КСИИМК, вып. X, М., 1941, стр. 3—15; он же, Архитектурная декорация дворца в Варахше, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947; он же, Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1950 гг.), стр. 101—130.

²⁸ А. Н. Бернштам, Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, XI, М.—Л., 1940, стр. 376—378; он же, Археологический очерк Северной Киргизии, Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана, вып. IV, Фрунзе, 1941, стр. 88; он же, Труды Семиреченской археологической экспедиции, „Чуйская долина“, МИА СССР, № 14, М.—Л., 1950.

²⁹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 186, рис. 46—52.

ресна «сцена дароносцев» (рис. 128)³⁰. А. Годар дает краткое описание фигур и некоторых деталей одежды.

На переднем плане перед балюстрадой изображены фигуры Будды, сидящего на лотосе в позе поучения с открытым правым плечом (рис. 128, фиг. 1, 2). А. Годар затрудняется определить значение двух других фигур, которые также сидят на переднем плане (рис. 128, фиг. 3, 4). Ореол и нимб напоминают классическое изображение Будды, детали же одежды, украшения и ожерелья указывают, что это — должностное лицо, облеченное высоким духовным званием. Над плечами расходятся две ленты — сасанидские «кости». Головной убор фигур, сидящих в первом ряду, напоминает рога.

Позади балюстрады изображен ряд персонажей — «жертвователей», среди которых — монах с нимбом над лысой головой и оголенным правым плечом (рис. 128, фиг. 6). С двух сторон к Будде, как считает А. Годар, целыми группами движутся фигуры мужчин, женщин и детей из царских семей; над головами у всех, за исключением одного, имеются нимбы.

При рассмотрении данной фрески следует обратить внимание на то, что все персонажи одеты по-разному. Тут встречается группа фигур с типичным сасанидским головным убором и с украшениями поверх одежды, которые состоят из ремней, переброшенных через плечи и сходящихся на талии. У мужчин — пышные черные бороды (рис. 128, фиг. 5, 8).

У некоторых персонажей (рис. 128, фиг. 5, 8, 9, 10) прически или головные уборы украшены полумесяцами, либо шарами, какне носили сасанидские цари, а также должностные лица.

Вторая группа более многочисленна. Покрой одежды персонажей очень напоминает костюмы фигур росписей Балалык-тепе (рис. 128, фиг. 7, 9, 10, 11, 12, 14). Наблюдается общность и в антропологическом типе лиц. Все лица безбородые, у некоторых фигур в ушах — серьги (в росписях Балалык-тепе серьги имеются только у слуг и женщин), на головах — различные украшения. Следует подчеркнуть, что у них отсутствует борода и особый физический тип. Характерная черта костюма — правосторонние треугольные отвороты с каймой, проходящей также по краям отворота кафтана и обшлагов.

Необходимо обратить внимание на положение пальцев левой руки фигуры (рис. 128, фиг. 9): рука приподнята, два пальца вытянуты. Такой же жест мы видим и у фигуры 7 росписей Балалык-тепе.

Из-за плеча свисает лента с прикрепленными к ней пятью бубен-

³⁰ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, *Les antiquités Bouddhiques de Bamiyan*, p. 23–24, tabl. XXIII.

цами. По виду она очень сходна с лентами, спускающимися с красной каймы, изображенной в росписях Балалык-тепе. У других фигур в руках — предметы, по форме напоминающие зеркала, находящиеся в руках наших фигур. Например, фигуры 10, 11, 16 держат сразу по три таких зеркала. Каждое из них состоит из длинной ручки с раздваивающимся верхним концом, к которому прикреплялся круглый диск. У одной из женских фигур (рис. 128, фиг. 10) грудь украшена большим количеством лент и бус, с виска спускается локон. У некоторых мужских фигур на голове — волосы, закрывающие уши так же, как в наших росписях.

На основании сравнения этой части живописи Бамиана и Балалык-тепе можно предположить, что группа персонажей, одетых в костюмы с правосторонними отворотами, изображает жителей Северного Тохаристана. Сравнить их с фигурами росписей Кызыла и Майя, как это делает А. Годар, нельзя, потому что, кроме некоторого сходства в отворотах костюма, они не имеют с ними ничего общего.

Мы склонны считать, что указанная сцена изображает не просто дароносцев с «семьями», а народы, имеющие определенное отношение к буддизму, очевидно, исповедующие его или признающие в какой-то мере догмы этой религии. Вполне возможно, что персонажи держат в руках дары. Одеты они в характерные для каждого народа одежды.

При изучении живописи Пянджикента М. М. Дьяконов пришел к выводу, что в росписях Кучи и особенно Кызыла есть много согдийских элементов. В частности, он полагал, что фигуры ктиторов из пещеры «меченосцев» по облику имеют нечто общее со стражами объекта № 2 росписей Пянджикента³¹. Это общее, по-видимому, заключается в позе — и те, и другие фигуры стоят. Одеты же они по-разному. Костюмы стражей объекта № 2 похожи на костюм слуги, изображенного на серебряном блюде («сцена венчания»)³². Костюмы фигур «меченосцев», их антропологический тип имеют много общего с фигурами росписей Балалык-тепе. Это сходство можно видеть в покрое кафтанов с правосторонними отворотами и каймой по краям последних, а также в ornamentации одежды и аксессуарах, висящих на поясах.

Рассматривая изображения фигур в росписях «пещеры художников» из Кызыла³³, приходим к выводу, что они переданы очень схематично³⁴. В правосторонних отворотах, покрое костюмов и в прическе улавливаются общие черты с персонажами росписей Балалык-тепе.

³¹ М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 151.

³² К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 82, табл. 20.

³³ А. Grünwedel, Alt-Kutscha, Berlin, 1920, pl. 32, 72.

³⁴ A. Le Coq, Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens Berlin, 1925, pl. 8.

Рис. 128. Фрагмент живописи Бамиана („сцена дароносцев“)

Можно предположить, что «художники», судя по их костюмам и отличному от других фигур антропологическому типу, были выходцами из Тохаристана. Отвороты же и костюмы всадников из пещеры Майя³⁵ нельзя сопоставить с одеждой фигур живописи Балалык-тепе, так как покрой их совершенно другой.

Женские и мужские костюмы персонажей в росписях Балалык-тепе, по-видимому, являются специфичными для одежды населения Северного Тохаристана V—VI вв.

Подводя итоги сравнению росписей Балалык-тепе с живописью Афганистана и Восточного Туркестана, можно сказать, что в них имеется много общих моментов, которые лишний раз свидетельствуют о тесных культурных связях населения этих районов в изучаемый период.

Сопоставим росписи Балалык-тепе с живописью, обнаруженной на территории Средней Азии³⁶.

Живопись Варахши, открытая В. А. Шишкиным в 1938 г., представляет очень большой интерес. Не останавливаясь подробно на ее описании, ибо этому вопросу уже посвящена весьма обширная литература, укажем лишь, что композиция Красного зала дворца дана несколько условно. На охристо-красном фоне размещены группы слонов с наседниками, на которых спереди и сзади нападают грифоны и фантастические львы. В росписях же Балалык-тепе, как указывалось выше, фигуры также размещены отдельными группами, но здесь наблюдается многоплановость. Так, например, фигуры людей даны в двух планах, за которыми видна стена. На уровне переднего плана нарисованы спускающиеся сверху ленты.

Цветная гамма Красного зала состоит из охристо-красного, белого и оранжево-желтого тонов. В живописи Балалык-тепе эта гамма более разнообразна. В нее входят красный, синий, желтый, белый, черный, коричневый и зеленый цвета с различными их оттенками.

Росписи Восточного зала Варахши более сложны по своей композиции и колориту³⁷. Фигуры сидят на пятках, коленями вперед. В живописи Балалык-тепе в таком положении изображен только один из слуг (рис. 116, фиг. 24). В росписях Пянджикента аналогичная поза — у фигуры, находящейся перед жертвенником, и у фигур с кувшинами в руках³⁸.

³⁵ A. Grünwedel, Alt-Kutscha, tabl., XLVI—XLIX.

³⁶ Мы не сравниваем росписи Балалык-тепе и Хорезма, так как даже при беглом просмотре бросается в глаза их различие. В живописи Балалык-тепе наблюдается резкий отход от эллинистических традиций, чего нельзя сказать о хорезмийских росписях.

³⁷ В. А. Шишкин, Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), стр. 17—20.

³⁸ Сб. „Живопись древнего Пянджикента“, табл. XXVIII, XXIX.

Необходимо указать, что фигуры мужчин в живописи Балалык-тепе изображены в основном в двух позах. В большинстве случаев они сидят, скрестив ноги перед собой и положив правую ногу на левую, пятками кверху. На первый взгляд кажется, что многие фигуры в росписях Пянджикента сидят точно так же, но при внимательном рассмотрении рисунков можно заметить, что их ноги не перекрещиваются, а только согнуты в коленях и пятка левой ноги соприкасается с пяткой правой.

Вторая, часто встречающаяся поза мужских фигур в росписях Балалык-тепе очень сходна с изображениями на серебряных предметах:³⁹ мужчины полулежат, у каждого из них одна нога вытянута горизонтально вдоль суфы, а вторая согнута в колене и перпендикулярна ей.

На ногах фигур росписей Пянджикента не видно сапог-ичигов, как в живописи Балалык-тепе и Варахши. Здесь широкие штаны затянуты у щиколотки. Некоторые из персонажей росписей Пянджикента⁴⁰ по одежде имеют определенное сходство с сидящими на слонах фигурами живописи Варахши.

В росписях Варахши, Пянджикента и Балалык-тепе можно обнаружить некоторые общие элементы в орнаментации тканей, например круг с перлами, центр которых заполнен каким-нибудь орнаментом или рисунком.

Однако техника исполнения рисунка несколько различна. Все рисунки в Варахше и Пянджикенте окаймлены тонкими линиями, в росписях же Балалык-тепе контурным штрихом прорисованы только линии лица, кистей рук, некоторые орнаменты и, как исключение, отдельные части одежды.

Красочная гамма рисунка в первоначальном своем виде была очень яркой. Светлые ткани одежд, украшенные самыми разнообразными орнаментами, разноцветные ленты, спускающиеся с карниза, — все это ясно выступало на темно-синем фоне. Нам кажется, что насыщенность различными цветами здесь больше, чем в росписях Варахши.

Художник, рисовавший росписи Балалык-тепе, обладал хорошим вкусом и был прекрасным мастером своего дела. Он сумел четко разбить всю композицию на отдельные группы, но в то же время она воспринимается как единое целое, и между отдельными частями изображений наблюдается определенная гармония. Художник правильно расположил фигуры, и несмотря на то что все пространство стены было заполнено, особой нагроможденности и излишеств не чувствуется.

³⁹ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Сасанидский металл, табл. 16.

⁴⁰ Сб. „Живопись древнего Пянджикента“, табл. XXIV.

Мужчин и женщин, сидящих на переднем плане с кубками и зеркалами в руках, обслуживают слуги, находящиеся на втором плане. Покрой одежды тех и других одинаков. Фигуры слуг меньше по размерам, но это не перспективное уменьшение, так как некоторые из них находятся на уровне переднего плана. В росписях Варахши мы также наблюдаем различные размеры фигур царевичей и слуг, сидящих на слонах.

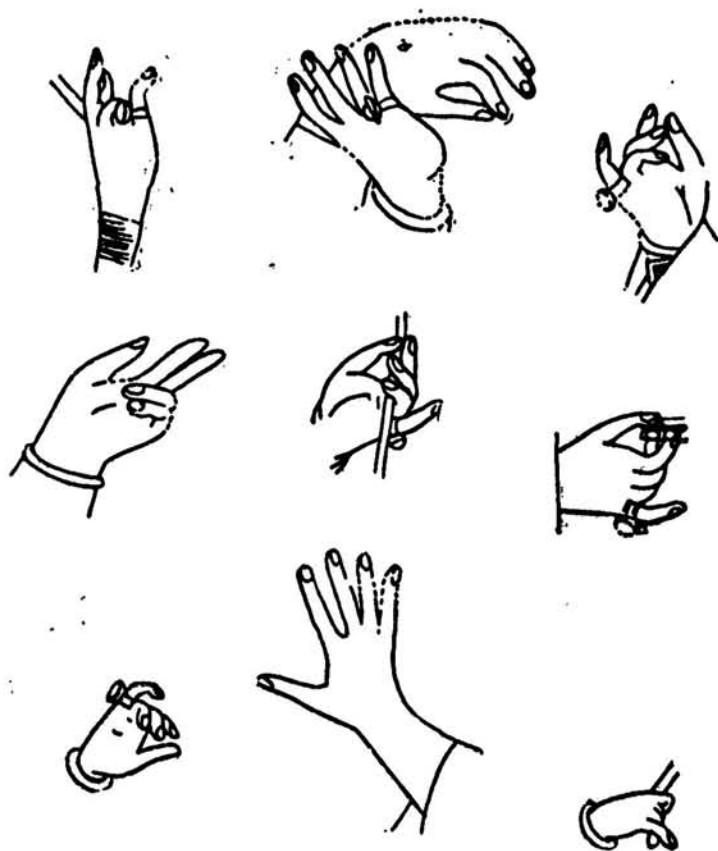

Рис. 129. Прорисовка рук

По мнению В. А. Шишкина, этим приемом художник подчеркивал социальное неравенство. В росписях Балалык-тепе мы видим то же самое. Пол слуг можно отличить только по костюму, так как волосы на голове и украшения в ушах у них одинаковы.

Каждый штрих рисунка точно определяет форму той или иной детали. С большим изяществом и мастерством выполнена прорисовка рук (рис. 129), а также кубков и других предметов.

Лица фигур изображены несколько схематично: все они похожи друг на друга, хотя двух тождественных во всей композиции нет.

То же самое можно сказать и о самих персонажах. Так, например, у женских фигур на всех стенах поза почти одинакова — они сидят, повернувшись на $\frac{2}{3}$ вправо или влево. В изображении мужчин схематизация чувствуется в меньшей степени.

Иногда художник не мог точно определить положение отдельных деталей рисунка ткани. Нередко орнамент ткани переходит с одной части костюма на другую не прерываясь, например с туловища на рукав (фигура 24). Но все эти недостатки не снижают большого художественного впечатления от росписей.

Росписи Балалык-тепе, относящиеся к VI в., являются связующим звеном в разрешении проблемы истории развития монументальной живописи Средней Азии, Северного Афганистана и Восточного Туркестана. Более твердая датировка Балалык-тепе поможет уточнить датировку некоторой части живописи Бамиана, Кызыла, Фундукистана и других районов.

Необходимо остановиться на некоторых аксессуарах, изображенных в росписях Балалык-тепе.

Предмет, висящий у каждой мужской фигуры на поясе слева (рис. 130), является ножнами для небольшого ножа или кинжала. Примерно такой же формы нож висит у одной из фигур, расположенной около алтаря Восточного зала росписей Варахши; размеры его несколько больше, и он значительно богаче украшен⁴¹.

При раскопках помещения 10 в Пянджикенте обнаружена живопись, изображающая сцену ритуального пиршества. У мужских фигур, сидящих на ковриках, к поясу подвешены небольшие ножички в чехлах⁴², по форме напоминающих чехлы из росписей Балалык-тепе. Аналогичные ножи встречаются у некоторых «балбалов», о чем будет сказано ниже.

Предметы, висящие на поясах мужских фигур с правой стороны, пока еще остаются загадочными. После снятия росписей и дополнительной их расчистки, очевидно, выявятся новые детали, и тогда возможна будет их расшифровка.

Почти у всех фигур росписей Балалык-тепе на мизинцы обеих рук надеты золотые кольца-печати, покрытые орнаментом. В верхней ча-

⁴¹ В. А. Шишкин, Архитектурная декорация дворца в Варахше, табл. XV, XVI; он же, Варахша (предварительное сообщение о работах (1949—1953 гг.), стр. 111, рис. 6.

⁴² М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 104, табл. X.

сти прикреплялся золотой овальный ободок, также орнаментированный, в который, по-видимому, была инкрустирована гемма — печать.

Геммы были широко распространены в Средней Азии как в эпоху рабовладельческого общества, так и в период феодализма.

Из среднеазиатских находок разных гемм известны дореволюционные коллекции военных инженеров И. Т. Пославского и Б. Н. Кастальского⁴³.

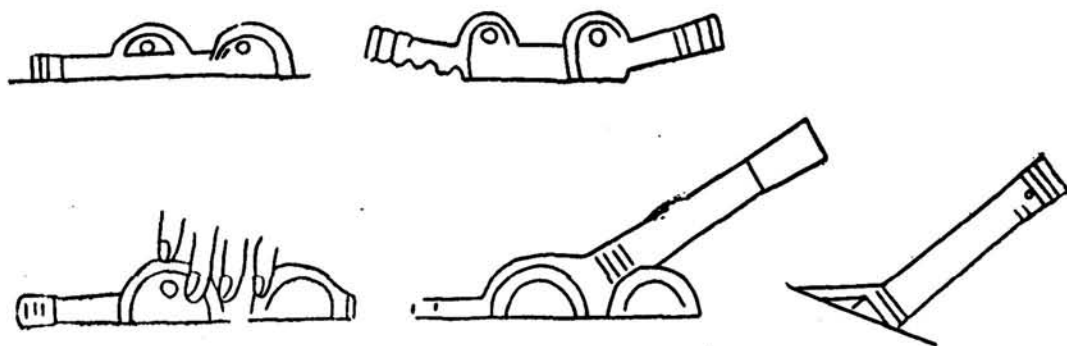

Рис. 130. Прорисовка ножей

После Октябрьской революции в Самаркандский музей культуры узбекского народа продолжали поступать геммы, обнаруженные на городище Афрасиаб.

Встречаются также и предметы из глины с оттисками печатей⁴⁴. В Хорезме при раскопках Тешик-кала в яме одного из помещений было найдено три глиняных комка, на которых имеются оттиски больших печатей⁴⁵. В районе такыров Беркут-кала обнаружены печати, вырезанные из камня и относящиеся к античному времени. На одной из них, найденной в Кырк-Кыз-кала, видна пехлевийская надпись⁴⁶.

Во время раскопок в Пянджикенте встретился фрагмент хума, на котором сохранился оттиск с изображением бюста женщины⁴⁷.

В 1953 г. среди подъемного материала городища Хайрабад-тепе была обнаружена часть венчика крупного сосуда; на внутренней стороне его имеется оттиск печати овальной формы, изображающий какое-то фантастическое животное. Этот фрагмент датируется первыми веками нашей эры.

⁴³ Некоторые из этих гемм хранятся в Ташкентском и Самаркандском исторических музеях.

⁴⁴ М. И. Вязьмитина, *Керамика Айртама времени кушанов*, стр. 38.

⁴⁵ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 142, табл. 54.

⁴⁶ Там же, табл. 83.

⁴⁷ А. Ю. Якубовский, *Итоги работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.*, Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 44, табл. 44, рис. 3.

В Старой Нисе найдено большое количество комочков сероватой глины, на которых сохранились оттиски печатей, нередко по несколько отпечатков на одном куске⁴⁸.

Общеизвестно широкое распространение гемм-печатей в быту. Многие из них были личными печатями и знаками собственности, иногда знаками власти и высокого положения в обществе. Можно предположить, что именно такие печати-геммы украшали перстни на пальцах персонажей росписей.

Изучение живописи Балалык-тепе приводит нас к рассмотрению предметов изобразительного искусства — торевтики. Произведения торевтики неоднократно являлись объектом специального исследования.

Известная и достаточно многочисленная группа таких предметов, найденная в Приуралье и в других частях России, считалась раньше произведением мастеров сасанидского Ирана. Советскими исследователями сасанидское происхождение многих памятников торевтики, обнаруженных в основном за пределами Ирана, неоднократно подвергалось сомнению.

Значительный вклад в изучение восточного серебра внесли Я. И. Смирнов⁴⁹ и особенно К. В. Тревер, которая выделила часть предметов, сделанных из золота и серебра, как произведения среднеазиатского изобразительного искусства времени Греко-Бактрийского царства⁵⁰.

Мнение о среднеазиатском происхождении некоторых памятников торевтики высказал еще в 1924 г. И. А. Орбели⁵¹, затем на этот вопрос обратил внимание С. П. Толстов⁵², а в 1939 г. — А. И. Тереножкин⁵³.

Особенно подробно на этой проблеме остановился М. М. Дьяконов, который на основании сходства некоторых изображений росписей Пянджикента с предметами торевтики определенную их группу относит к произведениям согдийского искусства⁵⁴. В связи с открытием живописи

⁴⁸ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Оттиски парфянских печатей из Нисы, ВДИ, М., 1954, № 4, стр. 161.

⁴⁹ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909.

⁵⁰ К. В. Тревер, Проблема греко-бактрийского искусства, Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939; она же, Памятники греко-бактрийского искусства.

⁵¹ И. А. Орбели, Сасанидское искусство, ж. «Восток», кн. 4, М., 1924.

⁵² С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, М., 1938, № 4 (5), стр. 139; он же, Древний Хорезм, стр. 124, 194.

⁵³ А. И. Тереножкин, К истории искусства Хорезма. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма, ж. «Искусство», М., 1939, № 2.

⁵⁴ М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 134—139.

си Балалык-тепе датировку одной группы памятников можно уточнить, а другую относившуюся до настоящего времени к искусству Сасанидов, по-видимому, следует считать произведениями среднеазиатского происхождения.

Необходимо остановиться на сосуде с изображением «свадебной сцены»⁵⁵. С внутренней стороны поверхность сосуда гладкая, с наружной — покрыта рельефным рисунком. Вокруг центрального медальона,

Рис. 131. Прорисовка центральных персонажей с серебряного сосуда

находящегося на поддонце чаши, расположен ряд фигур. Основную группу составляют сидящие на коврик мужчина и женщина (рис. 131). Мужчина сидит слева от женщины в той же позе, как и фигура 24 в живописи Балалык-тепе. В одной руке он держит кубок, по форме напоминающий кубок у женской фигуры 25 из наших росписей. Покрой одежды мужчины такой же, как у мужских фигур в живописи Балалык-тепе — правосторонний отворот с каймой. Кафтан перетянут в талии поясом. На голове — волосы, закрывающие уши, нашее — гривна.

Изображение женщины также повторяет рисунок наших росписей. Антропологический тип сходен: широкое овальное лицо, европеоидные глаза, пухлые губы. На шее — гривна. На плечи наброшен плащ с правосторонним отворотом, правая рука высывается из-под плаща и держит зеркало так же, как фигуры в живописи Балалык-тепе. Указательный и средний пальцы левой руки подняты вверх, как у фигуры 6.

Явное сходство этих изображений позволяет датировать чашу не I в. н. э., а VI в. н. э., т. е. временем существования росписей Бала-

⁵⁵ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, табл. XXXVIII, № 67; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 81, табл. 18—21. Этот сосуд (диаметр его — 14,5 см и высота — 4,6 см) находился раньше в коллекции Строганова, в настоящее время он хранится в Эрмитаже.

лык-тепе. Нужно сказать, что М. Бахрами датировал эту чашу IX в. н. э.⁵⁶

М. М. Дьяконов⁵⁷, основываясь на характере вырезанной на чаше (до позолоты) надписи, также относит ее к VI в. н. э. Теперь эта датировка полностью подтвердилась.

Центральная маска на поддонце изображает в фас голову животного. Узкие глаза, раскрытая пасть с клыками, заостренные кверху вертикально поставленные уши очень напоминают головы в кругах на ткани одежды фигуры 17 росписей Балалык-тепе. К. В. Тревер считает, что это голова Киртимукха, изображение которого на дне чаши должно было отвращать дурной глаз и всякое зло⁵⁸.

Относительно изображения на данной чаше фигуры Геракла можно предположить, что этот образ был хорошо знаком мастеру по монетам Евтидема, а также по различным произведениям искусства. Возможно, что, изображая Геракла на чаше, художник давал только внешний образ, не придавая ему прежнего семантического значения.

Вторую группу памятников торевтики представляют серебряные и золотые кубки. В 1911 г. в с. Малая Перещепина Полтавской губернии было обнаружено 9 кубков одинаковой формы, но с различной орнаментацией⁵⁹. Тулово каждого из них, шаровидное в нижней части, в середине имеет цилиндрическую форму, а к венчику слегка отгибается. Оно расчленено на три горизонтальные полосы: верхняя совершенно гладкая, средняя украшена рядами кругов между двумя параллельными линиями (на некоторых кубках вместо кругов — две взаимно пересекающиеся зигзагообразные линии), а нижняя орнаментирована рядами суживающихся книзу и расширяющихся кверху лепестков с закругленными концами. Такой же орнамент у кубков, находящихся в руках женских фигур росписей Балалык-тепе (рис. 132). Аналогичный кубок обнаружен в Урсдонском ущелье (Северная Осетия), где он лежал в могильной яме вместе с костяком⁶⁰. Кубки в руках мужских фигур росписей Балалык-тепе несколько отличаются по форме (рис. 133).

Нельзя точно указать место изготовления серебряных кубков, так как для этого нет еще достаточного материала; вероятно, они выделывались в Согде или Северном Тохаристане. Так, например, на городи-

⁵⁶ М. Bahrami, A Gold Medal in the Freer Gallery of Art, *Archaeologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld*, New York, 1952, p. 13.

⁵⁷ М. М. Дьяконов, *Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии*, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 139.

⁵⁸ К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, стр. 83.

⁵⁹ И. А. Орбели, К. В. Тревер, *Сасанидский металл*, табл. 60.

⁶⁰ Е. Г. Пчелина, *Урсдонское ущелье в Северной Осетии*, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 136.

ще Старого Термеза был найден фрагмент скульптуры из мергелистого известняка, изображающий руку с подобным кубком (рис. 134). Датировать этот фрагмент можно I—II вв. Следовательно, такая форма сосудов была известна в Средней Азии задолго до изучаемого периода.

Рис. 132. Прорисовка кубков, находящихся в руках женских фигур

При изображении золотых и серебряных кубков в росписях Бала-лык-тепе форма и рисунок их брались с оригиналов, бывших в употреблении. О существовании в VI—VII вв. кубков такой формы свидетельствуют находки серебряных сосудов в Малой Перещепине.

Продолжающиеся археологические работы на территории Средней Азии позволят в дальнейшем более детально дифференцировать известные нам памятники торевтики и отнести одну часть их к сасанидскому искусству, а другую — к среднеазиатскому или кавказскому.

Термин «сасанидский» можно употреблять только по отношению к памятникам искусства, созданным самими персами и найденным как на территории Ирана, так и вне его пределов, если они по стилю, сюжету и технике совпадают с памятниками заведомо персидскими-сасанидскими⁶¹.

⁶¹ К. В. Тревер, К вопросу о так называемых сасанидских памятниках, СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 285.

Обнаруженные в с. Малая Перещепина и в Северной Осетии кубки дают возможность лишний раз сделать предположение о существовании связей между этими районами и Средней Азией.

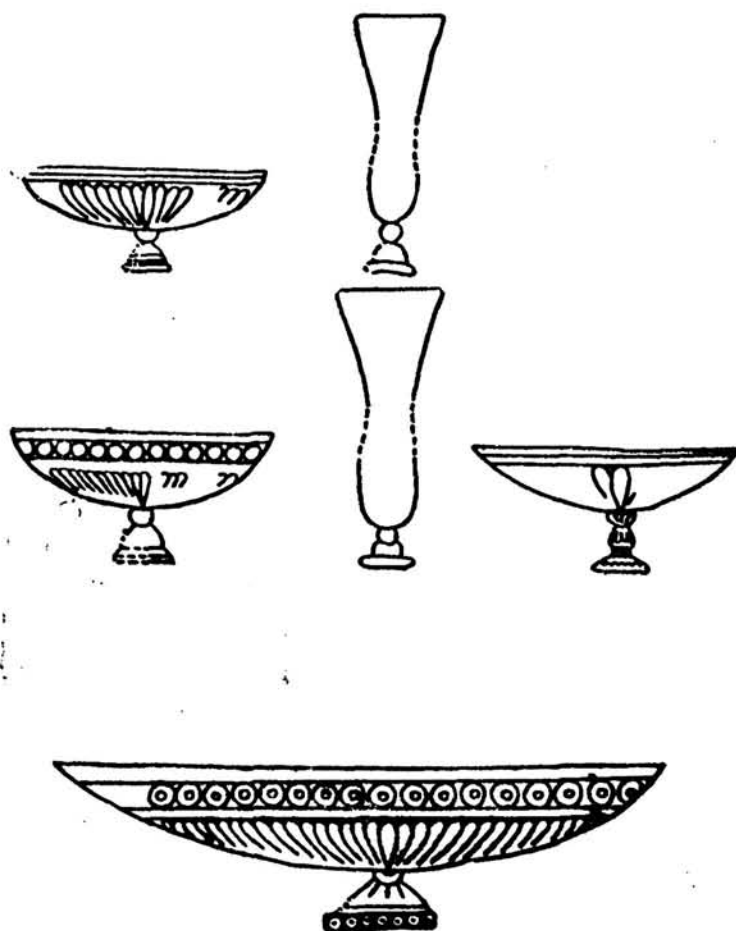

Рис. 133. Прорисовка сосудов, находящихся в руках мужских фигур

Сасанидский Иран претендовал на монопольную транзитную торговлю шелком с Византией, которая получала его из Китая. Караванные пути из Китая в Византию, проходившие через Среднюю Азию, шли к границам Ирана. Поэтому персы устанавливали свои цены на шелк и получали от этой торговли большие доходы.

Обойти Иран можно было только обогнув с севера Каспийское море⁶². Но этот путь был очень опасен, так как Сасаниды захватили Дагестан, всю центральную часть Кавказа и подошли к Осетии, которая

⁶² Н. В. Пигулевская, Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв., Византийский временник, т. 7, М., 1953, стр. 186.

была зависима от Византии, удерживавшей за собой район Колхиды. Осетия находилась между Византией и Ираном на торговом пути из Средней Азии в Европу.

Известно, что торговые пути, проходившие севернее Каспийского моря, существовали еще во времена тюрок. В 568 г. согдиец Маниах возглавил посольство от имени кагана и прошел в Константинополь, минуя персов⁶³. На обратном пути вместе с согдийцами в ханскую ставку приехал византийский посол Земарх, который, возвращаясь обратно, обогнул Аральское море и вышел к устью Волги⁶⁴.

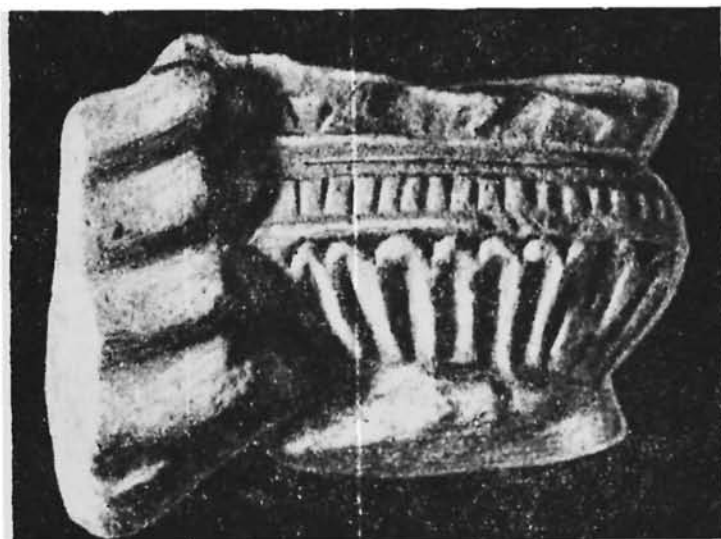

Рис. 134. Кубок из мергелистого известняка

Как уже говорилось, большинство памятников торевтики было обнаружено на территории Приуралья, на Волге и Украине, т. е. на торговом пути из Азии в Европу. Мы не будем подробно останавливаться на связях этих районов со Средней Азией, так как данный вопрос является объектом особого изучения. Ему посвящены специальные работы⁶⁵.

⁶³ Менандр, Отрывок 18, в кн.: «Византийские историки», Перевод С. Де-стуниса, СПб., 1861, стр. 370.

⁶⁴ Д. Иловайский, Разыскания о начале Руси, М., 1852, стр. 248—251; В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., ИТОРГО, т. IV, Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 2, Ташкент, 1902, стр. 29.

⁶⁵ А. В. Шмидт, Тульский всадник (к вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией), ЗКВ, т. I, Л., 1925, стр. 410—434; А. В. Волкович, К южным связям Прикамья в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры, Труды Отдела истории первобытной культуры, т. I, Л., 1941, стр. 219—

Большой интерес в росписях Балалык-тепе представляет орнамент ткани одежд различных фигур, почти нигде не повторяющийся. Некоторые орнаментальные мотивы имеют общие черты с рисунками тканей живописи Варахши, особенно Восточного зала, где коврики, на которых сидят фигуры перед тронном царя, украшены орнаментом в виде кругов с перлами и вписанными в них изображениями птиц и голов кабанов. Аналогичный рисунок на тканях был найден в Восточном Туркестане. Сравнение этих орнаментов позволило В. А. Шишкину сделать вывод о среднеазиатском происхождении так называемых «сасанидских» тканей Восточного Туркестана⁶⁶.

Орнаменты с изображением таких кругов были широко распространены. Они известны в росписях Восточного Туркестана, имеются на тканях из района Астана, датируемых VI—VIII вв.⁶⁷, и др.

Этот орнамент очень часто встречается и в архитектурном убранстве помещений. Для примера можно привести глиняные налеты, обнаруженные нами в Ширабадском районе (рис. 89).

В росписях Балалык-тепе орнамент, состоящий из круга с перлами, мы видим на тканях одежд шести фигур. Особенно выделяется орнаментация ткани фигуры 17 (рис. 135). Каждый круг состоит из черной каймы с вписанными в нее белыми кружками-перлами. К этой орнаментированной полосе с внутренней стороны примыкает узкий желтый круг, оконтуренный черной линией. Внутреннюю часть каждого круга заполняют изображения головы фантастического животного — длинные, торчащие кверху уши с открытыми вперед раковинами; из некоторых раковин ушей торчат волосы, прорисованные черными штрихами. Верхняя часть морды напоминает клюв хищной птицы, а нижняя — челюсть свиньи. Голова окрашена в черный цвет, только вокруг глаза — белое поле. Белыми также оставлены контуры полуоткрытой пасти, из которой сверху и снизу торчат клыки и высунут, загибаясь кверху, желтый язык. На затылке — желтый «гребень», расположенный на небольшом расстоянии от желтой каймы круга. Морды в двух ря-

236; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 193—195; А. Я. Борисов, К истолкованию изображений на бия-найманских оссуариях, стр. 47; Г. А. Пугаченкова, Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, стр. 53—64; М. Е. Массон, Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953; Л. И. Ремпель, Н. Н. Забелина, Согдийский всадник, Ташкент, 1948.

⁶⁶ В. А. Шишкин, Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), стр. 112.

⁶⁷ A. Stein, Innermost Asia, tabl. LXXXI.

Рис. 135. Реконструкция орнамента ткани фигуры 17

дом лежащих кругах изображены повернутыми в разные стороны. Верхний, загибающийся книзу клык начинается над верхней челюстью, а не из пасти. Это хорошо видно в круге над правым обшлагом. Подобные изображения встречаются на серебряной посуде V—VII вв. и в росписях Бамиана⁶⁸ (рис. 136).

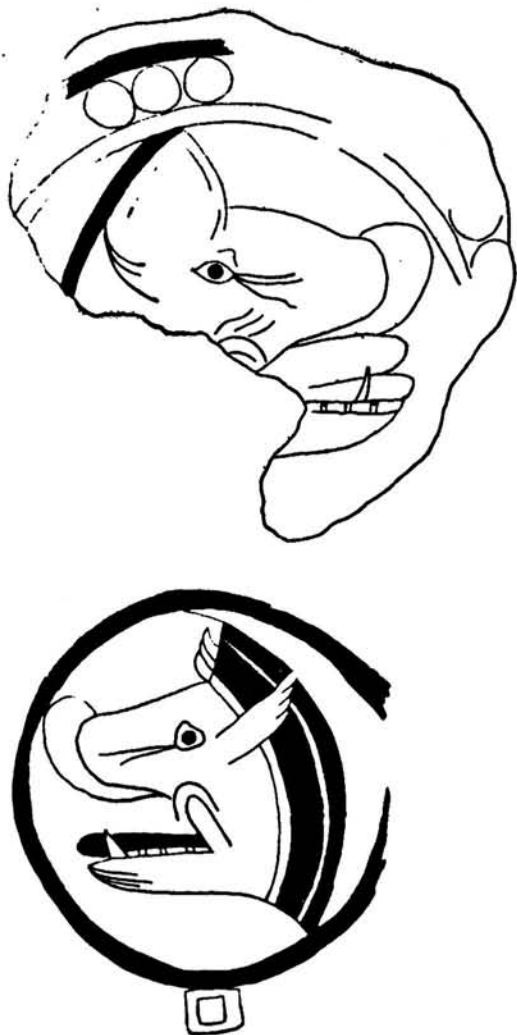

Рис. 136. Изображение головы фантастического животного

Это голова Киртимукха, который, по индийскому преданию, выскочил в минуту гнева из головы бога Шивы и бросился на его обидчика, „страшное существо, рычавшее, как гром, с лицом льва, с высунутым языком, огненными глазами и вздыбившимися волосами“. Шива внял мольбам обидчика и удержал чудовище, заявившее о своем голоде. Тогда Шива велел ему, чудовищу, съесть свои руки и ноги, что тот и сделал. Осталась только голова, которую Шива назвал Киртимукхом⁶⁹. Изображение его на ткани, по-видимому, имело значение оберега.

Очень интересен орнамент ткани фигуры 25 (рис. 137). Ткань белого цвета, украшена сложным рисунком в виде двух расходящихся в разные стороны крыльев, укрепленных на уступчатой подставке. Между ними сзади поднимается кверху небольшой стерженек, на котором находится предмет, напоминающий загнутые рога горного козла — архара. По своей форме

эти крылья похожи на крылья верблюда, украшающего трон царя из Восточного зала Варахши⁷⁰.

⁶⁸ J. Hackin, J. Carl, *Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan*, pl. LXXXI, fig. 102.

⁶⁹ К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, стр. 82, 83.

⁷⁰ В. А. Шнишкнн, *Варахша* (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), стр. 109, рис. 5.

Генезис изображения распахнутых крыльев восходит к зороастрийскому мифическому творчеству, где подобным образом изображена хищная птица Варган, являющаяся одним из воплощений Веретрагны. Этот образ известен по монетам Варахрана II (256—293 гг.), а затем Варахрана IV (388—390 гг.). Распахнутые крылья мы видим в коронах Пероза, Хосрова II, Иездигерда III⁷¹ и эфталитских царей (V—VII вв.).

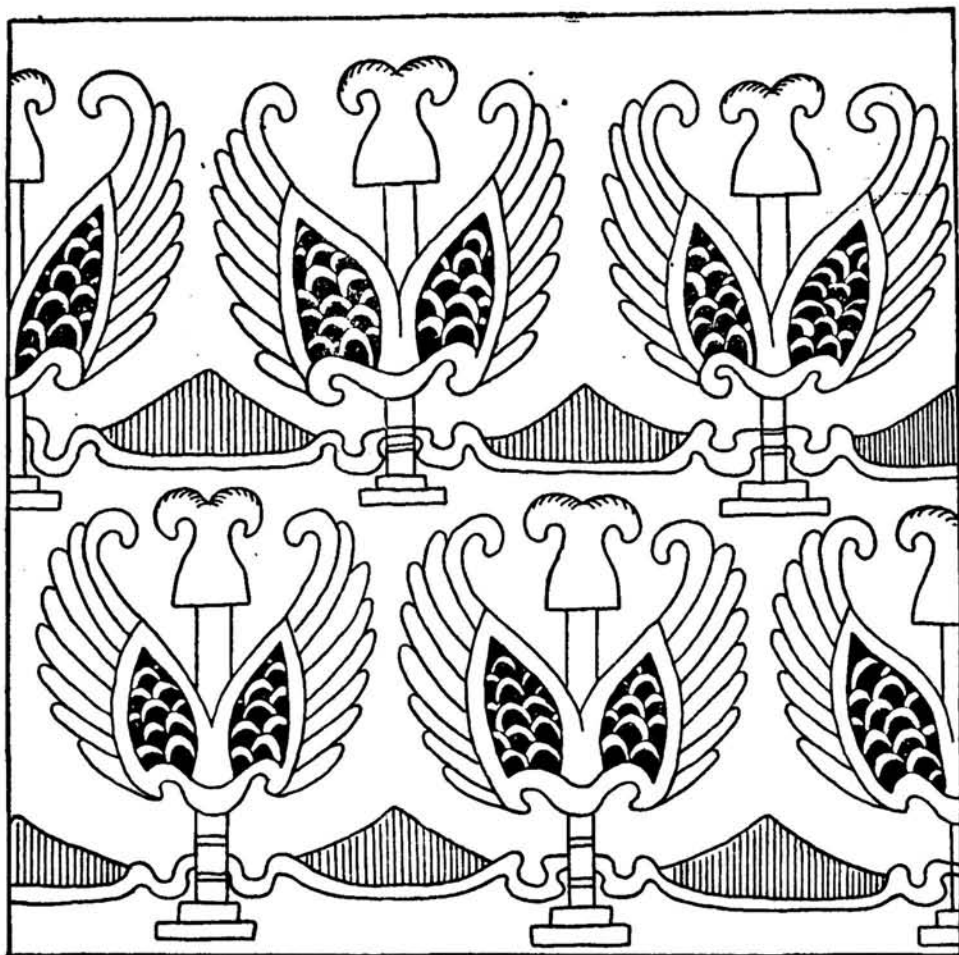

Рис. 137. Реконструкция орнамента ткани фигуры 25

Рога архара, поднимающиеся над крыльями, широко известны в сасанидском искусстве. Образ архара почитался у сасанидов и считался оберегом и знаком царского достоинства⁷².

⁷¹ Г. А. Пугаченкова, Материалы по восточной глиптике, Труды САГУ, вып. CXI, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 149.

⁷² Там же, стр. 146.

Изображение головы архара между двумя распахнутыми крыльями, как считает М. Е. Массон, характерно для короны наследников сасанидского престола, находившихся в Балхе. Этот же образ мы видим на одной из гемм, найденной в Термезе⁷³.

Ткань фигуры 3 орнаментирована изображениями рыб (рис. 138). Их мы видим и в резном штуче Варахши⁷⁴, а также в глиняной скульптуре Пянджикента⁷⁵ и других произведениях искусства⁷⁶. Орнамент получился от пересечения ряда параллельных и взаимно пересекающихся

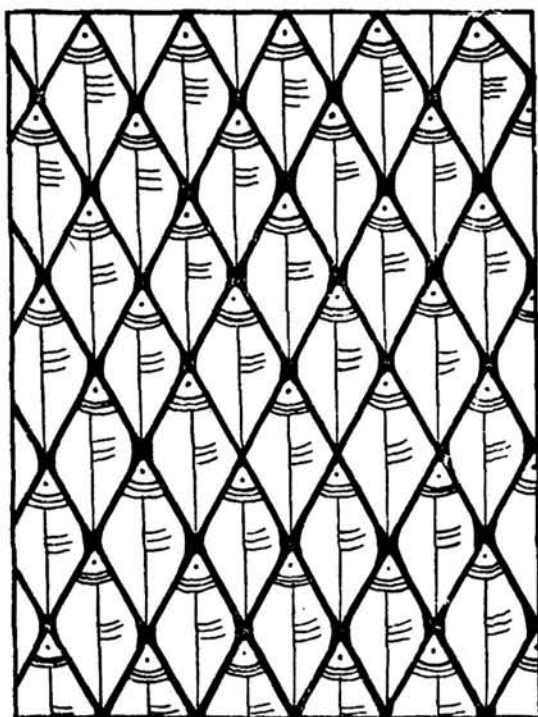

Рис. 138. Реконструкция орнамента ткани фигуры 3

под углом друг к другу линий, в результате чего образовалось большое количество вертикальных ромбиков. Небольшими уверенными штрихами художник закруглил углы ромбов. Вследствие этого ясно вырисовываются спинка и нижняя часть туловища рыб. Горизонтальные штрихи придали нижним углам ромба вид хвостовых поплавков. Голова очерчена тремя полукруглыми параллельными линиями. На месте глаза — маленькая точка. Тело рыб разделено надвое вертикальной линией, проходящей от середины жабр к кончику хвоста. Левая сторона оставлена белой и является животом, правая же зачерчена горизонтальными прямыми линиями и изо-

бражает чешую спинки. Положение фигур рыб везде одно и то же — головой кверху.

⁷³ Музей истории АН УзССР, шифр 159/17; Г. А. Пугаченкова, Материалы по восточной глиптике, стр. 148.

⁷⁴ В. А. Шишкин, Архитектурная декорация дворца в Варахше, стр. 247, рис. 6.

⁷⁵ А. М. Беленицкий, Археологические работы в Пянджикенте, стр. 44.

⁷⁶ По сообщению А. С. Морозовой, на Кавказе рыба является символом счастья, и не проходит ни одной свадьбы или большого гулянья, чтобы богато накрытый стол в разгар веселья не усыпался мелкой свежей рыбешкой.

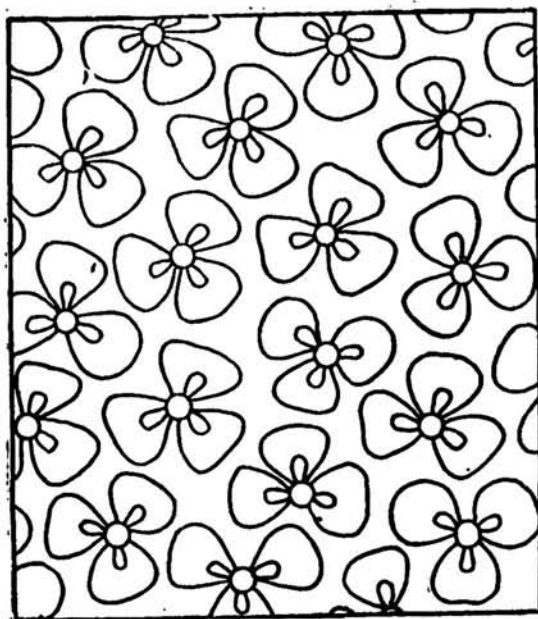

Рис. 139. Реконструкция орнамента ткани фигуры 7

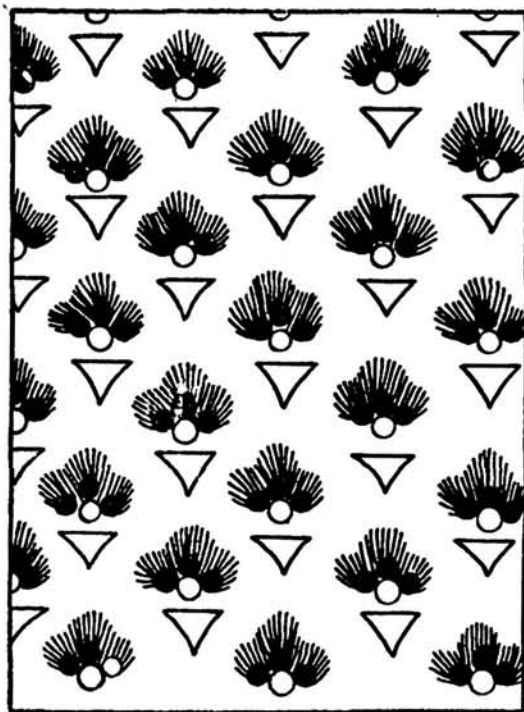

Рис. 140. Реконструкция орнамента ткани фигуры 8

Рис. 141. Реконструкция орнамента ткани фигуры 10

Рис. 142. Реконструкция орнамента ткани фигуры 23

Фигуру 7 украшает одежда, орнаментированная трёхлепестковыми цветочками (рис. 139). Изящна в исполнении ткань фигуры 8 — в виде «ресничек» (рис. 140). Пока еще плохо расшифрован орнамент ткани фигуры 11, напоминающий «шахматную доску». Красная ткань одежды фигуры 10 состоит из чередующихся темно- и светло-красных ромбиков (рис. 141).

Не менее интересна ткань на женском халате фигуры 23. Поле ткани разбито на ромбовидные квадраты (рис. 142), которые образовались от пересечения прямых черных полос, украшенных внутри рядами белых кружков — перлов. В каждый ромб вписана пальметта в виде пяти- или

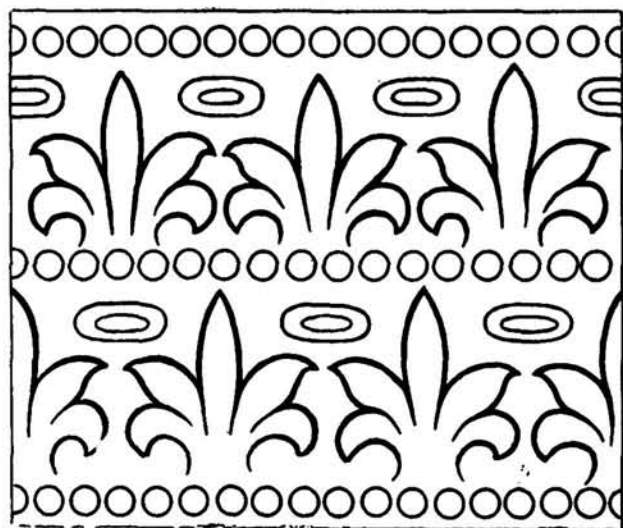

Рис. 143. Реконструкция орнамента ткани фигуры 38

семилепестковых розеток, напоминающих лист аканта. Этот орнамент также встречается в резном штуче Варахши⁷⁷.

Необходимо указать на богато орнаментированную ткань одежды фигуры 38 (рис. 143), которая состоит из горизонтальных рядов кружков, расположенных один от другого на расстоянии 8 см. В промежутках между этими рядами находятся пятилепестковые розетки, между которыми, на уровне верх-

них концов средних лепестков, изображены овалы с горизонтальной черточкой в середине.

Привлекает к себе внимание орнаментация одежды фигуры 33 (рис. 144). Здесь желтое поле ткани разбито на квадраты, образующиеся от пересечения горизонтальных и вертикальных двойных полос. В каждом квадрате — рисунок, состоящий из ленты, концы которой выходят из верхних углов квадрата; к ленте прикреплено по два круглых бубенчика.

У алтайских шаманов обязательной принадлежностью костюма являются бубенцы и колокольчики — звон их якобы оберегал от злых духов⁷⁸. Очевидно, такое же назначение имели бубенцы, обнаруженные при

⁷⁷ В. А. Шишкин, Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), стр. 247, рис. 6.

⁷⁸ А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, Сборник Музея антропологии и этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1924, стр. 41.

раскопках храма Пянджикента, а также изображение в росписях Варахши: к шарфу, который спускается из-за спины юноши, сидящего слева от алтаря, прикреплены круглые бубенчики. Бубенцы висят и на жертвеннике, стоящем перед этой фигурой⁷⁹, а также на жертвеннике в росписях Пянджикента⁸⁰. Значение бубенцов при исполнении ритуала было, по-видимому, велико, так как они служили оберегами. В ножках кубков, изображенных в росписях Балалык-тепе, судя по таким же сосудам из Малой Перещепины, находились шарики, создававшие звон, который якобы отгонял от пьющих злых духов. Бубенцы, свешивающиеся на лентах, имели, вероятно, такое же назначение. По представлению зороастрийцев, этот звон выполнял ту же функцию, что и „...священная птица — петух, от резкого крика которого ночью бегут якобы духи тьмы“⁸¹.

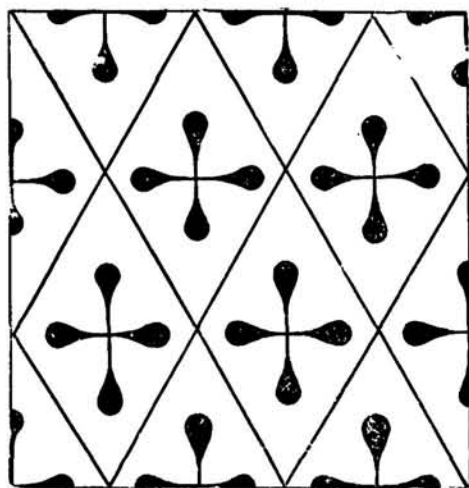

Рис. 146. Реконструкция орнамента ткани фигур 21 и 37

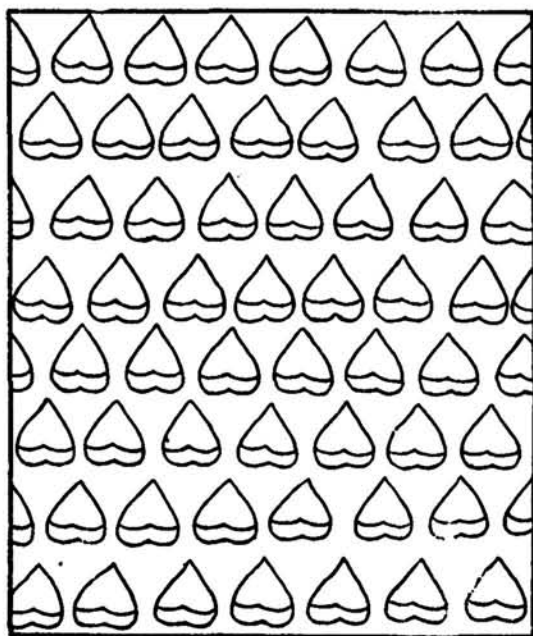

Рис. 147. Реконструкция орнамента ткани фигуры 16

⁷⁹ В. А. Шишкин, Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), стр. 111, рис. 6.

Не менее интересны орнаменты тканей, напоминающие по форме знаки игральные карт. Они прослеживаются на желтом отвороте кафтана фигуры 10 („пики“) и на кайме плаща-накидки фигуры 31 (рис. 145).

Знаки „трефы“ видны в орнаментации тканей одежды фигур 21 и 37 (рис. 146). Такой же орнамент имеется в украшении памятников Таки-Бустана⁸² и в изображении пальметт в фризе одной из комнат городища Тешик-кала⁸³.

Орнамент ткани одежды фигуры 16 состоит из «сер-

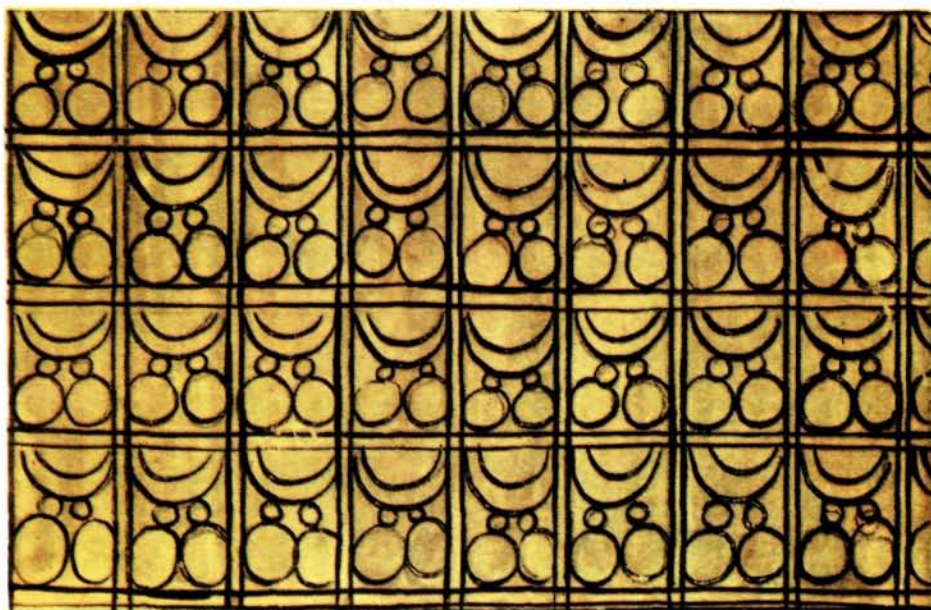

Рис. 144. Реконструкция орнамента ткани фигуры 33

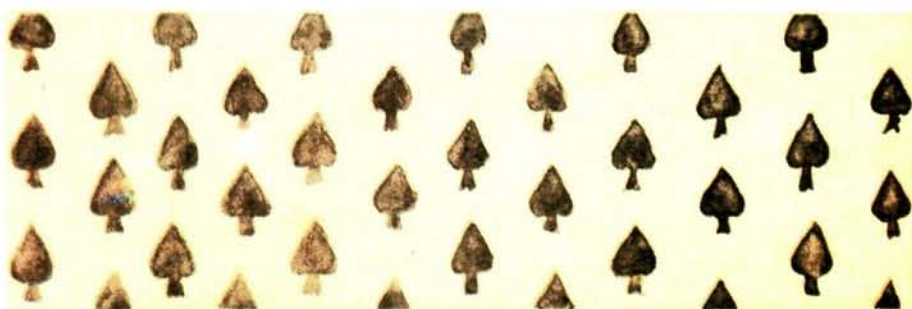

Рис. 145. Реконструкция орнамента ткани фигуры 31

дечек» — карточный знак «червы» (рис. 147). В середине таких «сердечек» часто можно видеть головы животных и птиц⁸⁴.

В орнаментации резного штука Варахши одним из популярнейших мотивов служили различные варианты «сердечка»⁸⁵. Э. Херцфельд считает, что этот орнамент⁸⁶ сасанидского происхождения.

Мотив «сердечек» распространен и в орнаментах изделий из серебра, например серебряного кубка из Урсдонского ущелья. Орнаментальная полоса на тулове этого кубка, состоящая из ряда «сердечек», по мнению К. В. Тревер, является изображением шелковой или парчовой ткани. Как считает Э. Херцфельд, рисунок на металле воспроизводит не ткань, а живопись⁸⁷. Если допустить, пишет К. В. Тревер, «...что Герцфельд и прав и, например, медальоны с фазанами и уточками на серебряном блюде Эрмитажа действительно повторяют мотив, взятый из живописи, то в живописи этот узор мог встречаться только в росписи стен, которая, в свою очередь, воспроизводила узоры или ткани»⁸⁸.

Вышеприведенные орнаментальные мотивы не имеют какой-либо связи со знаками на игральных картах. Возможно, что символы, которые появились на европейских игровых картах в XIV в.⁸⁹, заимствованы с Востока, где подобного вида орнаменты, имевшие магическое значение, были широко распространены.

Обращают на себя внимание мужские головы (рис. 148), изображенные в орнаментальных кругах на халате-накидке женской фигуры 26. По своему облику они отличаются от антропологического типа основных фигур: голова долихоцефальная, слегка вьющиеся волосы выступают из-под гладкой небольшой шапочки и соединяются у висков с пышной бородой, удлинённый армеоидный нос. Все эти признаки характерны для обита-

⁸⁰ Сб. «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXIII.

⁸¹ К. В. Тревер, Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 120.

⁸² E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, p. 331, tabl. CXXX.

⁸³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, табл. 41, рис. 3, 4.

⁸⁴ E. Herzfeld, *Die Malereien von Sammar*, Berlin, 1927, S. 56, Abb. 39.

⁸⁵ В. А. Шишкин, Архитектурная декорация дворца в Варахше, стр. 239, рис. 24, 25, 27, 28, 29.

⁸⁶ E. Herzfeld, *Die Malereien von Sammar*, S. 33, Abb. 415.

⁸⁷ E. Herzfeld, *Am Tor von Asien*, Berlin, 1920, S. 120.

⁸⁸ К. В. Тревер, Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии, стр. 122.

⁸⁹ A. W. Ruffy, *The Origins of Playing Cards*, The geographical magazine London, December, 1951, p. 381; П. Д. Успенский, Символы Таро, Пр., 1917.

телей Индии или Ирана. Примерно тот же тип нам известен по монетам Кадфиза I («Безымянного царя»). На одной из гемм, хранящихся в Музее истории АН УзССР имеется изображение мужской головы, аналогичной вышеописанной.

Антропологически фигуры росписей Балалык-тепе можно отнести к европеоидной расе брахицефального типа среднеазиатского Междуречья, к которому, по определению Л. В. Ошанина, принадлежат и современные таджики и узбеки⁹⁰.

Раскопками могильника Туп-хона (Южный Таджикистан) выявлены интересные захоронения с богатым остеологическим материалом, датированным IV—VI вв.⁹¹ Антрополог В. В. Гинзбург, изучавший черепа из этих захоронений, сделал вывод, что их «расовый тип несомненно европеоидный»⁹². Все это указывает на этническую близость населения Таджикистана и юга Узбекистана в V—VI вв.

В росписях Балалык-тепе из общей группы персонажей европеоидного типа исключением является женская фигура 11. Художник явно подчеркнул ее монголоидные черты, особенно узкий разрез глаз и широкий нос. В отличие от других женских фигур, у нее за головой не видно волос и ленточек. Можно предположить, что здесь изображена представительница Китая, с которым эфталиты были связаны через Восточный Туркестан, или тюркского народа (борьба с ним закончилась поражением эфталитов).

Хорошо сохранившиеся лица фигур росписей Балалык-тепе дают великолепный иконографический материал. Он в дальнейшем поможет разрешить проблему этногенеза народов Средней Азии точно так же, как на основании изучения иконографического материала росписей Восточного Туркестана, по данным раскопок А. Грюнведела и А. Лекока, В. Н. Вишневский уточнил вопрос об этническом составе населения этого района в VI — IX вв., которое в то время было смешанным и состояло из монголоидов и европеоидов⁹³.

* * *

Персонажи росписей Балалык-тепе имеют некоторые общие черты с фигурами каменных баб—балбалов.

⁹⁰ Л. В. Ошанин, В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 20.

⁹¹ М. М. Дьяконов, Работа Кафирниганского отряда, стр. 178.

⁹² В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 243.

⁹³ В. Н. Вишневский, К антропологии древнего населения Восточного Туркестана, вып. 1—2, Казань, 1921, стр. 5.

Рис. 148. Реконструкция орнамента ткани фигуры 30

Балбалы распространены очень широко в Монголии, Сибири и Семиречье. Большое количество их найдено в районе Алтая, на Чуйском тракте⁹⁴, в районе оз. Иссык-Куль⁹⁵ и других местах.

В 1891 г. экспедицией, возглавлявшейся В. В. Радловым, было зафиксировано большое количество балбалов. На каменных фигурах из района Кошо-Цайдама оказались тюркские рунические письма, расшифровка которых дала интересные сведения о функциональном назначении указанных памятников. Балбалы, как видно из этих текстов, ставились около могил и олицетворяли убитых или побежденных при жизни покойника врагов. Так, например, в надписи в честь Кюль-Тегина его брат Бильге-каган рассказывает: «Мой отец-каган (Ильтерес-каган), власть (свою) расширив, улетел (т. е. умер). В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили «балбалом» (изображением) Баз-кагана»⁹⁶. О Баз-кагане мы узнаем из той же надписи, где говорится о врагах Ильтерес-кагана: «Справа (т. е. на юге) китайский народ был ему врагом, слева (т. е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был ему врагом»⁹⁷.

На могиле дяди Бильге-кагана — Мочжо-кагана, боровшегося при жизни с енисейскими киргизами, был поставлен во главе группы могильных камней балбал, изображающий киргизского кагана⁹⁸.

Из надписи в честь Бильге-кагана мы узнаем: «...Под предводительством Куг-Сенгупа пришло войско из сорока тысяч человек. На горе (Т)унгкер я (Бильге-каган) напал на них и опрокинул... Когда мой старший сын умер от болезни (от раны?), я поставил ему балбалом Куг-Сенгупа»⁹⁹.

Арабский путешественник первой половины X в. Ахмед ибн Фадлан, описывая погребальный обряд огузов из района Устюрта, указывает: «Если же он убил человека или был храбр, то вырезают изображения из дерева по числу тех, кого он убил, помещают их на могиле и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю»¹⁰⁰. Следовательно, этот обычай бытовал и много позже.

⁹⁴ А. А. Евтюхова, Каменные изваяния Северного Алтая, Труды ГИМ, вып. 16, М., 1941.

⁹⁵ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, № 26, М.—Л., 1952, стр. 80.

⁹⁶ П. Мелиоранский, Памятники в честь Кюль-Тегина, ЗВОРГО, т. XII, вып. II, III, СПб., 1899, стр. 68.

⁹⁷ Там же, стр. 65.

⁹⁸ Там же, стр. 70.

⁹⁹ В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Труды Орхонской экспедиции, вып. IV, СПб., 1897, стр. 34.

¹⁰⁰ С. А. Ковалевский, Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, М.—Л., 1939, стр. 63.

В научной литературе существуют различные точки зрения о назначении «каменных баб»¹⁰¹. Одни балбалы могли изображать похороненного, другие — слугу, который должен был якобы сопровождать погибшего в потустороннем мире.

Укажем, что последней точки зрения придерживался Н. И. Веселовский, считавший, что балбалы изображают «избранного или главного врага, некогда павшего от руки героя»¹⁰². То же самое мы читаем в работе В. В. Бартольда: «Установлено, что «каменные бабы» ставились турками и изображали убитых покойным врагов»¹⁰³.

В нашу задачу не входит рассмотрение всех мнений по вопросу принадлежности изображений балбалов. Заметим лишь, что многие исследователи ссылаются на вышеприведенные источники, характеризующие балбалов как убитых врагов покойного¹⁰⁴.

Костюмы балбалов разнообразны. Особый интерес представляет одежда балбалов из района Карабалты, опубликованных В. В. Бартольдом. Она очень напоминает одежду фигур в росписях Балалык-тепе. Так, например, в костюме одного из балбалов имеется правосторонний треугольный отворот и широкий свисающий рукав. В правой руке фигура держит кубок, по форме очень похожий на чашу в руках фигур росписей. Судя по широкому рукаву, этот балбал изображает женскую фигуру (рис. 149). Черты лица и детали одежды прослеживаются плохо.

Определенное сходство с деталями мужских костюмов росписей Балалык-тепе заметно в одежде другого балбала, обнаруженного в Каратегинском ущелье района Токмак (рис. 150)¹⁰⁵. В костюме этого балбала тоже имеется правосторонний треугольный отворот. Правая его рука согнута в локте и поддерживает чашу. Обращает на себя внимание положение пальцев: большой и указательный находятся под поддоном, средний и безымянный согнуты, а мизинец отставлен. С левой стороны к поясу подвешен небольшой нож уже известной нам формы, в опущенной левой руке находится меч.

¹⁰¹ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 143.

¹⁰² Н. И. Веселовский, Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах», Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXXII, Одесса, 1915, стр. 24.

¹⁰³ В. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, ЗВРАО, т. XXV, вып. 1—4, Пг., 1921, стр. 56.

¹⁰⁴ М. Е. Массон, О происхождении некоторых каменных надгробников Южного Туркменистана, Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 55; А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

¹⁰⁵ В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению, т. I, № 4, СПб., 1897, табл. VII, рис. I.

На лице балбала четко видны длинные усы. У мужских фигур в росписях Балалык-тепе усы, правда, отсутствуют, но некоторые персонажи из живописи Бамиана, одетые в такие же костюмы, имеют усы¹⁰⁶.

Рис. 149. Изображение женской фигуры балбала

Рис. 150. Балбал из района Токмак

Необходимо сказать несколько слов о балбале (рис. 151)¹⁰⁷, на costume которого видна кайма треугольного правостороннего отворота. В правой руке его — кубок, левая опущена на нож, подвешенный к поясу. Овал лица круглый, четко прорисованы глаза. С правой стороны на поясе висит круглый предмет; такие же круглые предметы и тоже справа изображены у некоторых фигур балбалов с Северного Алтая¹⁰⁸ и района Дариганга¹⁰⁹. В. А. Казакевич предполагает, что это мешочек или сумочка, однако он не определяет его назначения. В. В. Радлов также затрудняется это сделать, хотя и не соглашается с мнением Гейкеля, который считает, что в мешочке носят чашу для питья¹¹⁰.

На основании изучения живописи Балалык-тепе мы можем сделать предположение, что некоторые из этих аксессуаров являются теми же

¹⁰⁶ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, *Les antiquités bouddhiques de Bamiyan*, pl. XXII.

¹⁰⁷ В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.*, табл. X, фиг. 2.

¹⁰⁸ А. А. Евтюхова, *Каменные изваяния Северного Алтая*, стр. 122.

¹⁰⁹ В. А. Казакевич, *И. Намогильник статуи в Дариганге*, II. *Поездка в Даригангу*, Л., 1930, стр. 3.

¹¹⁰ В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме*, стр. 9.

предметами, какие находятся в руках большинства фигур росписей, т. е. зеркалами. У некоторых балбалов, действительно, с правой стороны висит какой-то мешочек или сосуд, что также совпадает с изображением этих предметов у некоторых персонажей росписей.

На южном берегу оз. Иссык-Куль, в урочище Ак-Терек, был найден балбал¹¹¹ «не монголоидного типа» (судя по рисунку). В его костюме хорошо видны двусторонние треугольные отвороты.

Выше указывалось на положение пальцев руки балбала из района Токмак, поддерживающей кубок. В связи с этим А. Н. Бернштам, изучавший балбалов из района оз. Иссык-Куль, пришел к выводу, что скульптор находился «под влиянием как согдийской, так и восточно-туркестанской манеры трактовки рук и особенно положения пальцев»¹¹².

После изучения живописи Балалык-тепе и сравнения ее персонажей с балбалами можно говорить не о влиянии согдийской или восточно-туркестанской школ, а о том, что скульптор изображал в балбалах определенный народ в характерной схематичнопортретной позе.

Сходство одежды и некоторых аксессуаров в росписях с костюмами и аксессуарами отдельных балбалов наводит на мысль о связи известного нам тюркского погребального обряда с завоевательными походами против эфталитского государства.

К 60-м годам VI столетия тюркский каганат достиг наивысшего расцвета. В своей экспансии тюрки столкнулись с эфталитской державой, простиравшей владения от Восточного Туркестана до Каспийского моря. К 567 г. она распалась под ударами тюрков и персов.

Как мы предполагаем, балбалы из района Токмак являются отражением той борьбы, которую вели тюрки при завоевании эфталитской территории. Каждому из военачальников-тюрков, участвовавших в покорении эфталитов, после смерти на могиле ставили балбала, изображавшего его противника.

Необходимо также остановиться на вопросе о том, почему балбалы не обнаружены в Узбекистане, в то время как очень много их найдено

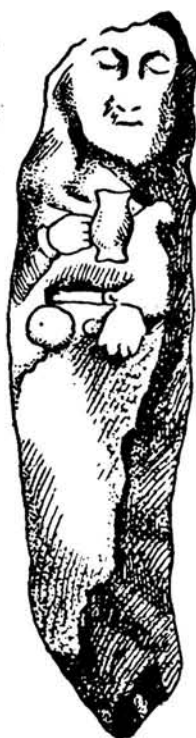

Рис. 151. Балбал

¹¹¹ В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., стр. 55, табл. XI, фиг. I.

¹¹² А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 81.

на всей территории от Казахстана до Монголии. Для этого следует, хотя бы кратко, рассмотреть один из видов тюркского погребального обряда, подробное описание которого дается в китайской хронике Таншу: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву... Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают, собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу»¹¹³ (разрядка наша. — Л. А.). Следовательно, собранный пепел некоторое время где-то хранился. Так, «умершего весною или летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начинает желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться»¹¹⁴.

Чем же объясняется такой обычай?

Во время многочисленных походов тюрки попадали в различные страны, за сотни километров от родных мест. Воина, умершего в дороге или убитого в сражениях, по-видимому, не оставляли там, где он погибал, а после сожжения и совершения определенных обрядов пепел собирали и увозили на родину, для чего требовалось много времени, иногда несколько месяцев.

В хронике различается день кончины и день похорон. «В день похорон, так же как и в день кончины» (разрядка наша. — Л. А.) совершался траурный обряд. Мы считаем, что в «день похорон», т. е. при вторичном захоронении, в могилу клалась привезенная с места кончины зола, оставшаяся после сожжения тела покойника и принадлежавших ему вещей. В помещении же, «построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений». Кроме того, во время вторичного обряда на могилах устанавливают балбалов. «Обычно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»¹¹⁵.

Следовательно, можно предположить, что балбалы ставились только на месте вторичного захоронения. Этим и объясняется концентрация каменных фигур в основном в районах постоянных кочевок тюрков.

Раскопки, проведенные на местах установления балбалов, показали, что здесь могильные ямы отсутствуют. Это позволило В. В. Радлову еще в 1897 г. прийти к заключению, что балбалы являются могильными памятниками, которые ставились в честь умерших князей не над могилой,

¹¹³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 230.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

а в стороне, чтобы предохранить ее от разграбления¹¹⁶. Балбалы помещались на курганах, около дорог, у перевалов, «дабы эти герои не были забыты народом»¹¹⁷.

Отсутствие могил под балбалами с какими-либо останками объясняется, как уже говорилось, тем, что это было вторичное захоронение, когда погребали только пепел, оставшийся после сожжения воина, убитого или умершего вдали от родных мест, а не стремлением «...предохранить могилу от разграбления». Это подтверждается раскопками Е. Ф. Каля, который при вскрытии одного из холмов в районе Джиты-тепе не обнаружил внутри «ничего, кроме пепла»¹¹⁸. Для вторичного захоронения выбирались места вблизи главных дорог, откуда воин отправлялся в свои завоевательные походы.

Изложенный выше материал позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1. Персонажи росписей полностью соответствуют определенной группе фигур балбалов. На основании этого можно говорить о том, что они изображают людей, входивших в эфталитское политическое объединение и населявших территорию правобережного Тохаристана или Согда. Вышеуказанные группы балбалов являются памятниками, отображающими борьбу, которую вел тюркский каганат против эфталитского государства.

2. Некоторые балбалы были памятниками, воздвигнутыми над прахом тюрков, погибших вдали от родных земель. Отсутствие же под камнями каких-либо останков объясняется тем, что во время вторичных захоронений под балбалами зарывался лишь пепел, оставшийся после сожжения трупа.

* * *

Росписи Балалык-тепе изображают, как мы предполагаем, сцену культового пиршества. О существовании пиршеств при храмах известно по археологическим раскопкам в Хорезме. Здесь одна из комнат на городище Джанбас-кала, находящаяся сразу же за помещением храма огня, служила местом, «где происходили какие-то трапезы с большим количеством участников»¹¹⁹. Разъясняя назначение этого помещения, С. П. Толстов приводит указания Бируни о том, что во время зороастрийских праздников в Согде при «домах огня» устраивались коллективные трапезы¹²⁰.

¹¹⁶ В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 17.

¹¹⁷ Там же, стр. 14.

¹¹⁸ В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., стр. 21.

¹¹⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 98.

¹²⁰ Там же.

В первом храме Пянджикента нарисована сцена ритуального пиршества. А. Ю. Якубовский считает, что это — сцена праздника весны (праздник нового года)¹²¹. А. М. Беленицкий не сомневается в том, что здесь изображено культовое пиршество, но он связывает его не с новым годом, а «с обрядностью, посвященной какому-то божеству»¹²².

Наряду с мужчинами в культовых сценах принимали участие и женщины, о чем можно судить по бия-найманским оссуариям¹²³, найденным около Катта-Кургана. В частности, на одном из них воспроизведены детали архитектуры здания — арки и колонны¹²⁴. Под арками изображены двое мужчин и две женщины-жрицы¹²⁵. При маздакитских храмах были женщины-танцовщицы, исполнявшие ритуальные танцы¹²⁶.

Г. А. Пугаченкова, изучая сосуды из Лимаровки, а также из Кварцпилеева, на которых нарисованы танцующие женщины, пришла к выводу, что это жрицы, совершающие ритуал какого-то культового обряда¹²⁷.

В этой же статье Г. А. Пугаченкова приводит интересную выдержку из пехлевийского текста, где автор, ортодоксальный зороастриец, возмущен тем, что в Самарканде при семи святилищах огня имеются непотребные женщины, а это несовместимо с зороастрийским культом¹²⁸.

А. М. Беленицкий сообщает о том, что у харранских сабейцев в храме, посвященном планете Венере, служительницами были в основном молодые девушки, танцевавшие и игравшие на музыкальных инструментах¹²⁹.

На основании изучения бронзовой ажурной пластинки, найденной на городище Той-Тюбе, М. Е. Массон пришел к выводу, что на ней изображена жрица, исполняющая ритуальный танец¹³⁰.

¹²¹ А. Ю. Якубовский, Древний Пянджикент, Сб. «По следам древних культур», стр. 248.

¹²² А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов), Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 74.

¹²³ Б. Н. Кастальский, Бия-Найманский оссуарий, Самарканд, 1908.

¹²⁴ Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950.

¹²⁵ Л. А. Потапов, Рельефы древней Согдианы как исторический источник, ВДИ, М., 1938, № 2 (3), стр. 13.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Г. А. Пугаченкова, Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, стр. 56.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов), Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 62—63.

¹³⁰ М. Е. Массон, Ахашгеран. Археолого-топографический очерк, стр. 53.

Можно указать еще на целый ряд подобных памятников¹³¹, однако вышеприведенные примеры достаточно убедительно говорят о том, что женщины могли быть участницами ритуального пиршества. Это указывает на существенное отличие местных культовых обрядов от ортодоксального сасанидского зороастризма, так как, согласно воззрениям зороастрийского духовенства сасанидского Ирана, женщины не имели права принимать участие в богослужении.

Возможно, некоторые женщины, изображенные в росписях Балалыктепе, были жрицами. В целом живопись воспроизводила сцену культового пиршества. Но так как в идеологии раннесредневекового общества культ тесно переплетался с бытом, то эту сцену можно назвать и бытовой.

У мужчин и женщин в руках — золотые и серебряные кубки, из которых они пили какой-то напиток. Данные раскопок позволяют предположить его состав. Как уже упоминалось выше, в комнате 2 под обмазкой пола были найдены кружки высушенного винограда. Из него могли готовить напиток. Виноградный сок выдерживался в стоявших тут же хумах, вделанных в пол. Возможно, мужчины и женщины, изображенные в росписях, употребляли именно такой напиток.

Большинство этих фигур, помимо кубков, держит в руках зеркала круглой формы с ободком по краю наружной стороны; диаметр их — около 10 см. Снизу к зеркалу при помощи трилистника прикреплена длинная ручка.

На внешней стороне зеркала, помимо очертаний ободка, видны какие-то полукруги. Это заставило некоторых исследователей предположить, что изображено не зеркало, а цветок; по мнению других, здесь нарисован стеклянный шар, который соприкасаясь с бубенцами, висящими на лентах, издавал определенные звуки.

Зеркала известны на Востоке примерно с IV тысячелетия до н. э. Они были и в древнем Египте, а также у греков и римлян. У китайцев зеркало, помимо утилитарного, имело еще и магическое значение.

Так, например, у даосских монахов зеркало обладало волшебной силой: с его помощью якобы отгонялись демоны и т. д. У буддистов оно было принадлежностью алтаря и употреблялось для освящения воды. «Зеркало устанавливают так, чтобы в нем отражалось имеющееся в храме изображение Будды, затем льют на него воду, которая, стекая по отображенному лицу Будды, приобретает тем святость — ее пьют и окропляют ею верующих»¹³².

¹³¹ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Сасанидский металл, стр. XXXV, рис. 44—47.

¹³² М. Лаврова, Китайские зеркала ханьского времени, Материалы по этнографии, т. IV, вып. 1, М., 1927, стр. 1.

В результате археологических исследований на Гяур-кала (в Туркмении) были найдены терракотовые статуэтки¹³³ женщин, держащих перед собой на уровне груди зеркала с ручками¹³⁴.

По мнению Л. И. Ремпеля, все терракотовые статуэтки этой группы — копия с одного оригинала, вероятно Мервской богини, главным атрибутом которой было зеркало¹³⁵.

Зеркало было ритуальным предметом, как лотос или плод, являвшиеся, видимо, общими атрибутами для богинь Мерва, Согда и, отчасти Тохаристана¹³⁶. Терракоты датируются IV—VII вв.¹³⁷ Аналогичность атрибутов, находящихся в руках у фигур росписей и терракот, позволяет предположить, что на территории Мерва и правобережного Тохаристана существовала общность культа.

Мнение о том, что статуэтки — копия одного оригинала Мервской богини, нуждается в доказательстве, так как не все они похожи одна на другую: общие у них только зеркала. Терракотовые фигурки, как нам кажется, изображают людей в момент совершения ритуала, характерные черты которого могли быть распространены не только в Мерве, Согде, Тохаристане, но и в сопредельных странах.

Пальцы рук фигур росписей находятся в различном положении (рис. 129), что имело, несомненно, определенное значение. Например, правая рука мужской фигуры 7 держит кубок, а левая, согнутая в локте, обращена к женщине. Два пальца этой руки подняты вверх «характерным жестом для Сабазия — универсального божества, вобравшего в себя черты из культов богини-матери и юного умирающего и воскресающего бога»¹³⁸. Этот культ был распространен на территории от Испании до Парфии, а в Среднюю Азию он мог проникнуть, как предполагает Г. А. Пугаченкова, с манихейством. На вышеупомянутом бия-найманском оссуарии у одной из жриц два пальца левой руки подняты вверх. Этот жест, несомненно, также имеет какое-то определенное значение.

В настоящее время еще нельзя полностью расшифровать всю сцену, изображенную в росписях Балалык-тепе, и определить, какой культ исповедывали обитатели замка. Во всяком случае, он не принадлежит ни ортодоксальному иранскому зороастризму, ни буддизму.

¹³³ Л. И. Ремпель, Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 177, рис. 8.

¹³⁴ Там же, стр. 178, рис. 9.

¹³⁵ Там же, стр. 179.

¹³⁶ Там же, стр. 181.

¹³⁷ Там же, стр. 182.

¹³⁸ Г. А. Пугаченкова, Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, стр. 65.

Данные из работы армянского историка Елише (V в.), которые приводит К. В. Тревер, свидетельствуют о том, что «религия кушан-хионитов... ничего общего с зороастризмом... не имела»¹³⁹.

При Сасанидах зороастризм становится государственной религией Ирана. По свидетельству Иоанна Эфесского, при Хосрове началось гонение на все другие религии, особенно христианскую. Царь «приказал им отречься от своей веры и почитать с ним огонь, солнце и прочие божества»¹⁴⁰.

Эфталиты, занимавшие территорию к северу от государства Сасанидов, также были отчасти зороастрийцами, но зороастризм здесь носил несколько иные формы, чем в Иране. В среднеазиатском зороастризме наблюдается переплетение его с местными культами, например с культом Анахиты и с культом Сиявуша¹⁴¹.

Основываясь на археологических материалах, мы пришли к выводу, что почитался культ плодородия. Неизвестно, как называлась богиня или бог этого культа, но в том, что обряд был смешанным, сомневаться не приходится. Тут мы усматриваем элементы зороастризма (челюсти собак на суфах), буддизма (зеркала), культа огня (курильница, алтарь, зола), культа плодородия (медальон, верблюды из соли, а также семена различных растений). Синтез этих начал и был тем культом, который мог почитаться жителями замка, и, вероятно, культ плодородия подчинил себе начала других религий.

Эпизоды, представленные в росписях, могли быть связаны с торжеством по поводу окончания полевых работ, когда выращены новые плоды, собраны семена, приносившиеся в жертву богине плодородия.

Семена были разложены на суфах культового помещения 12. О том, что эти семена приносились в дар богине плодородия, можно судить на основании сопоставления этого обряда с древнекитайскими культовыми жертвоприношениями. Так, в оде, посвященной жертвоприношению предкам, говорится:

«И в срок надлежащий, по правилам строгим твоим
И в жертву ты ныне и просо принес, и зерно,
И в должном порядке разложено было оно»¹⁴².

В каждом из зерен заключается начало новой жизни — «Жизни зародыш в себе заключает оно»¹⁴³.

¹³⁹ К. В. Тревер, Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв., СА, XXI, М., 1954, стр. 137.

¹⁴⁰ Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 110.

¹⁴¹ История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 134.

¹⁴² Шицзин, стр. 287.

¹⁴³ Там же, стр. 437.

Виноградный напиток мог быть по своему значению аналогичен индийскому священному напитку, который изготовлялся из сока растения сомы и употреблялся при жертвенных возлияниях¹⁴⁴.

Приношение семян в жертву, вероятно, сопровождалось игрой на музыкальных инструментах; детали их мы обнаружили в культовом помещении замка. Музыканты сидели, по-видимому, на маленькой суфе, расположенной перед северной суфой. Можно также предположить, что при этом происходила трапеза, так как в помещении было найдено большое количество сосудов.

В связи с вышеизложенным необходимо кратко остановиться на некоторых культовых сооружениях, существовавших на территории Средней Азии и сопредельных стран¹⁴⁵.

При кушанах основной религией был буддизм. Наряду с этим существовали и другие религии; уже в конце IV в. усилилось влияние зороастризма. Но эти религии существовали наряду с местными культами.

Священным местом зороастрийцев был храм огня, куда не проникал дневной свет и где постоянно горел огонь. Этот огонь считался настолько священным, что даже зороастрийский жрец (маг) не имел права подходить к нему иначе, как одев на руки перчатки и завязав рот повязкою, чтобы не осквернить его дыханием¹⁴⁶.

Сведения об устройстве храмов в государстве Сасанидов мы находим в работе Э. Херцфельда, производившего раскопки в Хорасане, в замке Кала-и-Духтар (Kale i Dukhtor), где храм имеет «неровные стены из гальки на толстом известковом растворе, высокий параболический купол, сооруженный над четырехугольной комнатой с четырьмя большими сводчатыми проходами и покоящийся на примитивных помостах. Вокруг главной комнаты расположен узкий проход¹⁴⁷. Для доказательства того, что это храм огня, Э. Херцфельд ссылается на дворец Кух-и-Ходжа (Kuh i Khuaja), относящийся, как он считает, к I в. до н. э. В центральной комнате дворца был откопан алтарь и база под ним. «Этот алтарь по форме напоминает аршакидские, известные в Вавилонии и Ассирии: цилиндрический или двухконический ствол на нескольких уступах, которые служат в качестве базы, и те же уступы переходят в чашу для огня¹⁴⁸. Алтари больших размеров, сделаны из камня или металла и состоят из двух частей: большой жаровни и треножника (иногда цилиндрической

¹⁴⁴ Махабхарата, Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, М.—Л., 1950, стр. 627.

¹⁴⁵ Подробно этот вопрос освещен в работе А. М. Беленицкого «Вопросы идеологии и культов Согда», Сб. «Живопись древнего Пянджикента».

¹⁴⁶ Б. Н. Заходер, История восточного средневековья, М., 1944, стр. 7.

¹⁴⁷ E. Herzfeld, Archeological history of Iran, p. 89.

¹⁴⁸ Там же.

опоры). Э. Херцфельд считает, что сасанидские храмы по своей архитектуре имеют мало общих черт с храмами времени Ахеменидов и более сходны с набатейскими и месопотамскими, хотя происхождение их все же остается неясным¹⁴⁹.

В Северном Афганистане, около Мазар-и-Шерифа, был расположен храм огня, датируемый раннекушанским временем. При его раскопках найдены монеты Хувишки. По предположению Д. Шламберже, храм мог быть воздвигнут во II—I вв. до н. э. и его перестройка относится к кушанскому периоду. Он состоит из квадратной комнаты, вход в которую находится с восточной стороны, и обходной галереи вокруг. Стены храма сложены из квадратного кирпича¹⁵⁰.

Раскопками С. П. Толстова в Хорезме, на городище Джанбас-кала, вскрыто общинное святилище — храм огня (VI—I вв. до н. э.). Первоначальная внутренняя планировка его несколько напоминает культовое помещение Балалык-тепе: продолговатая комната, вдоль стен суфы и в середине «на овальном возвышении, по-видимому, на металлическом жертвеннике, горел неугасимый огонь Джанбас-калы»¹⁵¹.

Чтобы яснее представить себе структуру помещений, где находились святилища огня, остановимся на одном из самых интересных храмов Таксилы — Джандиал, возведенном на искусственном холме. По мнению А. Кунингхама, на которого ссылается Дж. Маршалл, этот храм может быть отнесен ко II—I вв. до н. э., т. е. ко времени Азеса I или II. Дж. Маршалл, однако, склонен датировать постройку I в. до н. э.¹⁵²

Храм имеет прямоугольную форму, примерно 46×25 м. Перед входом во двор стоят две колонны ионического типа. Еще две колонны находятся при входе в айван и две полуколонны — по краям его, у стен; за ними — вход в наус¹⁵³.

С западной стороны, в середине стены, расположен вход в коридор, окружающий помещение. Пространство между этим помещением и наусом застроено мощной платформой, возвышающейся, по определению Дж. Маршалла, над остальными зданиями. Эта платформа, или башня, стоит на мощном фундаменте. Со стороны коридора на башню вела лестница, от которой сохранилось два пролета. Стены коридора имеют проемы для проникновения света. Назначение храма точно не выяснено, однако он явно не буддийский, так как в отличие от многих помещений Таксилы

¹⁴⁹ E. Herzfeld, *Archeological history of Iran*, p. 93; *Iran in the Ancient East*, p. 301, fig. 398.

¹⁵⁰ D. Schlumberger, *Le temple de surkh hotal en Bactriane*, *Journal Asiatique*, vol. CCXL, Paris, 1952, p. 161—187.

¹⁵¹ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 97.

¹⁵² J. Marshall, *Taxila*, vol. I, p. 225.

¹⁵³ Там же, стр. 222.

там не было обнаружено предметов, связанных с культом Будды¹⁵⁴. Дж. Маршалл предполагает, что башни имели характер зиккурата, как и в Месопотамии. Отсутствие в храме лепных изображений заставляет отнести данный храм к зороастрийскому культу. Как считает Дж. Модии, на которого ссылается Дж. Маршалл, алтарь мог помещаться внутри науса, а башня использовалась в то время, когда молились Солнцу или Луне. М. Ростовцев ставит под сомнение существование башни над крышей храма. Он полагает, что лестница вела только на плоскую крышу, как в храме Пальмиры, и что на крыше стоял «храм огня обычной планировки, внутри которого был ступенчатый алтарь»¹⁵⁵.

На этом памятнике мы остановились несколько подробнее, так как в его планировке мы находим общие черты с планировкой храмов Пянджикента.

В плане храмовые помещения Пянджикента состоят из двух основных частей: а) айвана, открытого с восточной стороны, с четырьмя колоннами и б) находящегося к западу от айвана помещения с плохо сохранившимися суфами, которое окружает галерея. Перед айваном — большой двор.

А. М. Беленицкий, описывая устройство храмов, приходит к выводу, что в доарабском зодчестве ни в Средней Азии, ни в соседних странах нет близких аналогий пянджикентским храмам. Это позволяет ему говорить о том, что данный тип храмов складывался на основе местной строительной традиции¹⁵⁶. Нам кажется, что следовало бы обратить внимание на план храма Джандиал, который имеет много общего с храмами Пянджикента.

Сравнивая планировку замка Балалык-тепе второго строительного периода с планами описанных храмов, мы пришли к выводу, что в этот период замок не был перестроен в храм, как мы считали раньше, а лишь одна из его комнат (12) имела культовое назначение.

Необходимо отметить, что в южной части этого помещения сооружен глиняный алтарь с продолговатой жаровней, где горел священный огонь. Ввиду того, что зола считалась священной, ее не выбрасывали, а складывали, как и в храме огня Топрак-кала, в определенное место. Для этой цели использовался коридор, находящийся в восточной стороне комнаты. Южное помещение (7) с бойницами также было приспособлено для хранения золы¹⁵⁷.

¹⁵⁴ J. Marshall, *Taxila*, vol. I., p. 225.

¹⁵⁵ Там же, стр. 226.

¹⁵⁶ А. М. Беленицкий, Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., МНЛ СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 58.

¹⁵⁷ Н. П. Дыренкова, Культ огня у алтайцев и телсутов, Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. VI, Л., 1927, стр. 67. Н. П. Дыренкова пишет,

В замке Балалык-тепе после разрушения помещения с росписями на его месте из кирпича была сделана, как и в храме Джандиал, мощная квадратная площадка высотой в настоящее время более 3 м. На эту возвышенность вела лестница. Вполне можно допустить, что на нее верующие поднимались для поклонения Солнцу и Луне. Молитва сопровождалась особой обрядностью, с которой связана переносная курильница, найденная в помещении (4).

У индусов значение священного огня очень велико. Они считают, что «в своем пламени и дыме он возносит к богам приношения людей — жертвенную пищу, напиток сомы, молитвы и гимны... Они (боги)...питаются той пищей, которую преподносят им люди в таинстве жертвоприношения (в особенности необходим для них напиток сомы: он укрепляет, вдохновляет их)»¹⁵⁸.

В жертвенный огонь Балалык-тепе бросали жертвенные подношения. Об этом свидетельствуют остатки обгоревших семян различных растений, обнаруженных как в очаге алтаря, так и в курильнице (злаковые семена).

На эфталитских монетах, найденных в Таксиле, на реверсе изображен жертвенник, очень напоминающий варахшский и пянджикентский.

В 1953 г. на городище Варахша при вскрытии Красного зала была обнаружена полуовальная суфа, огороженная по краю трехгранным валиком высотой 5 см. Таким же валиком суфа разделена на две части с севера на юг. Поверхность восточной части суфы обожжена¹⁵⁹. Можно предположить, что на этом месте находился жертвенник, а жрец, поддерживавший огонь, сидел на другой части суфы. Стенная роспись на южной стене комнаты с «всадниками» изображает сцену с жертвенником. Никаких данных о культе, которому поклонялись варахшские правители, пока не имеется¹⁶⁰.

Дальнейшее вскрытие археологических памятников позволит дополнить и уточнить характеристику культа и культовых сооружений, существовавших на территории Средней Азии в период раннего средневековья.

что, помимо огня, алтайцы и телеуты почитали очаг, в котором он горит. Огонь запрещалось выносить из жилища. Если пришедшие в гости закуривали от хозяйского очага, то, выходя из юрты, они должны были выколотить свою трубку. Все это делалось из-за боязни утратить благополучие дома или рода. «Золу из печи или очага нельзя бросать там, где ходят люди. Телеуты и алтайцы складывают ее обычно в угол загона для скота, чтобы человек на нее не наступил».

¹⁵⁸ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, К истории культа огня у индусов в эпоху Вед, Одесса, 1887, стр. 4.

¹⁵⁹ В. А. Шишкин, Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), стр. 22.

¹⁶⁰ Там же, стр. 36.

В результате изучения археологических памятников, расположенных на территории Ангорского района Сурхан-Дарьинской области, мы пришли к следующим выводам.

Городища Зар-тепе и Хайрабад-тепе возникли в первые века до нашей эры. Данные раскопочных работ на городище Хайрабад-тепе говорят о большом строительном периоде, относящемся к первым векам нашей эры. В это время возводятся крепостные стены и цитадели обоих городищ, что подтверждается находками монет «Безымянного царя» (Кадфиз I). В первые века нашей эры народы Средней Азии имели обширные внешнеполитические связи, в частности с Римской империей, о чем лишний раз свидетельствует монета Нерона, обнаруженная в одном слое вместе с кушанскими монетами. Кроме того, о культурном общении населения изучаемого района с другими народами говорят художественные изделия коропластов — терракотовые статуэтки.

Археологические раскопки на цитадели замка Хайрабад-тепе показали, что к III в. жизнь города пришла в упадок и определенный промежуток времени он находился в запустении. За этот период на полах помещений накопился почти метровый слой культурных отложений, на котором впоследствии возводятся новые стены, и город вновь временно заселяется. Здесь были найдены сасанидские монеты Хормизда I (302—309 гг.) и одна кушанская монета Васудевы. По датировке Р. Гиршмана, правление Васудевы I приходится на 217—241 гг., а Васудевы II — на вторую половину III в.¹⁶¹

На территории городища Зар-тепе обнаружены монеты Шапура I (242—272 гг.). Это подтверждает данные письменных источников о том, что Шапур I, который вел успешную борьбу с Римом из-за Месопотамии и Армении, предпринял также поход в Среднюю Азию. Он захватил, в частности, территорию современной Сурхан-Дарьинской области. По-видимому, в этот период разрушались города, возведенные в первых веках нашей эры, но вскоре они снова заселяются. Указанная территория находилась под властью Сасанидов до первой четверти IV в. н. э.

Дальнейшая история этого района связана с появлением здесь хионитов, а затем эфталитов.

Трудно точно определить движение этих народов в Среднюю Азию и определить их этническое происхождение. По этому вопросу имеется множество мнений. В. В. Бартольд предполагает, что хиониты вышли из среды юе-баньцев — хуннов, осевших в IV—V вв. в киргизских степях.

¹⁶¹ R. Ghirshman, Bégam. Recherches archéologiques et historiques de Bamiyan, p. 164.

Он не смешивает хионитов и эфталитов. Первые, по его мнению, произошли от хуннов, а вторые — от иранцев¹⁶².

Р. Гиршман пишет, что путь, по которому двигались хиониты, точно не известен, но можно предположить, что прежде чем попасть в Среднюю Азию и закрепиться к югу от Оксуса, они прошли Карашар, Кучу, Кашгар и Хатан¹⁶³.

Некоторые ученые (например Н. И. Веселовский) отождествляют эфталитов с юе-джийцами¹⁶⁴. С. П. Толстов же считает, что эфталиты — потомки массагетов и говорили на языке, близком к тюркскому¹⁶⁵.

Р. Гиршман указывает, что эфталиты отличались от хуннов как по физическому типу, так и по языку, который, судя по монетам, не был ни тюркским, ни монгольским, а принадлежал к иранской группе¹⁶⁶.

Здесь приведены только некоторые мнения о происхождении эфталитов, но этому вопросу посвящено много работ¹⁶⁷. Однако права К. В. Тревер, говоря, что «мы не располагаем достаточными данными, чтобы считать вопрос об этнической сущности кушанов и эфталитов более или менее выясненным»¹⁶⁸.

С уверенностью можно сказать, что хионито-эфталитское объединение представляло конгломерат разных племен и народов, поэтому в письменных источниках мы встречаем их различные наименования, нередко зависящие от того, с какой территории были получены сведения тем или иным хронистом.

Так, в римских и византийских источниках народы Средней Азии V—VI вв. называются белыми гуннами, хионитами, кидаритами, эфталитами. В армянских источниках эфталитов иногда называют кушанами. Например, в «Истории» Себеоса говорится, что полководец Хосрова Смбаг Багратуни собирается в поход «на народ кушанов и на царя эфталитов»¹⁶⁹. В данном случае мы не наблюдаем какой-ли-

¹⁶² В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 9.

¹⁶³ R. Ghirshman, Les Chionites-Hephthalites, Le Caire, 1948, p. 120.

¹⁶⁴ Н. И. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего времени, СПб., 1877, стр. 13.

¹⁶⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 276.

¹⁶⁶ R. Ghirshman, Les Chionites-Hephthalites, p. 117.

¹⁶⁷ В. В. Григорьев, О скифском народе саках, СПб., 1871; А. Ю. Якубовский, Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг.; А. Н. Бернштам, К вопросу об усунь, кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии), СЭ, М., 1947, № 3; Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР; К. В. Тревер, Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв.

¹⁶⁸ К. В. Тревер, Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв., стр. 132.

¹⁶⁹ Себеос, История, Перевод с армянского Ст. Малхасянца, Ереван, 1939, стр. 60.

бо путаницы в источнике: автору, по-видимому, было хорошо известно, что народ продолжал называться кушанским, а их царь был эфталитом.

Другие армянские источники называют эфталитов хепталами.

Вероятно, что при нападении на Кушанскую империю Сасаниды и хионитское племенное объединение заключили между собой какое-то союзническое соглашение. Сасаниды продвигались с юго-запада, а хиониты — с востока и северо-востока. Хиониты также принимали активное участие в борьбе сасанидского Ирана с Римом. По сообщению Аммиана Марцеллина, зиму 356—357 гг. Шапур II (309—379 гг.) находился в стране «хионов и евсенов». И далее: «царь персидский (Шапур), все еще находившийся на пограничиях своего царства с самыми отдаленными народами, собирался уже вернуться домой, заключив союзный договор с хионитами и геланами, племенами, отличавшимися особенной воинственностью»¹⁷⁰.

О том, что этот союз был осуществлен, мы узнаем из дальнейшего повествования Аммиана Марцеллина: при осаде Шапуром римской крепости Амиды в качестве союзника участвовал со своим войском хионитский царь Грумбат¹⁷¹.

Впоследствии в хионито-эфталитском объединении основную роль начинают играть эфталиты, растущая экспансия которых, по-видимому, встревожила и бывшего союзника — Сасанидов. Эфталиты, руководимые царем Вахшунваром, к середине V в. окончательно отвоевывают у Сасанидов захваченную ими территорию Тохаристана и ряд других областей. Завоевания эфталитов распространились до Индии и Ирана, где их помнят в основном как жестоких захватчиков.

В Таксиле эфталиты превратили в развалины храмы и буддийские ступы, и она после этого уже не могла оправиться, несмотря на изгнание гуннов (эфталитов) еще до середины VI в.¹⁷²

Разрушению подверглись и города правобережного Тохаристана. Здесь перестали функционировать водные магистрали Зангского канала. «Одна единственная разрушительная война, — писал Ф. Энгельс, — могла превратить страну в пустыню, безлюдную на сотни лет, и уничтожить всю ее цивилизацию»¹⁷³. Но в отличие от Индии в самом конце V в. народы, населявшие эту территорию, восстанавливают города и хозяйство.

Об образе жизни эфталитов мы знаем по описаниям китайских хронистов и византийских историков. Так, Прокопий Кесарийский

¹⁷⁰ Ammiani Marcellini, *Rerum Gestorum libri qui supersunt*, Berlin, 1910: Аммиан Марцеллин, *История*, Перевод с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонни, вып. I, книга XVII, Киев, 1906, стр. 174.

¹⁷¹ Там же, книга XIX, стр. 249.

¹⁷² J. Marshall, *Taxila*, vol. I. p. 77.

¹⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. XXI, М., 1929, стр. 494.

сообщает, что эфталиты «народ уннского племени, но они не смешаны и не сносятся с известными нам уннами, ибо ни смежной с ними области у них нет, ни вблизи от них не живут... Они не кочевники, подобно другим уннским племенам, но издревле населяют плодородную страну... Из всех уннов они одни белы телом и не безобразны лицом. Образом жизни они также не похожи на других уннов и не живут, как те, по-скотски; но состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собой и соседями справедливость не хуже римлян или кого другого»¹⁷⁴.

Из этого описания следует, что эфталиты по своему облику совершенно не похожи на гуннов; в культурном отношении они стояли выше последних.

На основании изучения эфталитских монет К. Уйфольви пришел к выводу, что головы, изображенные на монетах, деформированны¹⁷⁵. То же самое можно сказать об эфталитских монетах, опубликованных А. Кунингхамом¹⁷⁶, Дж. Маршаллом¹⁷⁷ и другими исследователями. Но эта деформация голов была, по-видимому, характерна, лишь для эфталитских правителей, а не для аборигенов, населявших эту территорию.

Рассматривая изображения на эфталитских монетах, мы не видим каких-либо признаков монголоидности¹⁷⁸. Следовательно, эфталиты были европеоидами. Появились они на территории Средней Азии в связи с гуннским нашествием (возможно, что под их давлением или вместе с ними) как один из народов, входивших в конгломерат гуннского союза. Поэтому византийские историки и называют их гуннами и чтобы отличить от прочих прибавляют «белые».

По сообщению Феофана Византийского, эфталиты получили свое название по имени царя Эфталана¹⁷⁹.

Р. Гиршман, прочитав надписи на эфталитских монетах, доказывает, что народ назывался хионитами, а эфталитами они называли себя только в официальных документах, и это — имя династическое¹⁸⁰.

¹⁷⁴ Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, стр. 20—24.

¹⁷⁵ Ch. de Uifolvy. Mémoires sur les Huns Blancs et sur la déformation de leurs crânes, J. Anthropologie, IX, 1898, p. 395—396, fig. 398.

¹⁷⁶ A. Cunningham, Coins of the later Indo-Scythians Ephtalites or White Huns, Numismatic Chronicle, 1894, tabl. X, 14; XI, 14.

¹⁷⁷ J. Marshall, Taxila, vol. III, pl. 245, No. 300—313.

¹⁷⁸ R. Ghirshman, Les Chionites-Hephtalites, p. 10—11, 19—22, fig. 5—8, 17—23.

¹⁷⁹ C. Müllerus, Fragmenta Historicorum, IV, Paris. 1858, Перевод Г. Десту-нса, в кн.: Византийские историки, стр. 493.

¹⁸⁰ R. Ghirshman, Les Chionites-Hephtalites, p. 115.

Повествуя о государстве Тухоло, китайские летописи отделяют местных жителей от эфталитов: «Жители перемешаны с иданьцами»¹⁸¹.

Описание образа жизни йеда в них несколько отличается от того, которое дают византийские историки¹⁸². Они говорят о них, как о кочевниках: «Городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках. Летом избирают прохладные места, а зимой — теплые»¹⁸³.

В этих же летописях говорится, что владетель живет в городе Бадиянь (Баиань). «Город сей есть дворец владетеля: в окружности содержит около 10 ли (около 6 км). В нем множество храмов и обелисков буддийских и все украшены золотом»¹⁸⁴.

Из текста видно, что небольшая часть йеда жила в городах, а другая, более многочисленная, продолжала кочевать. О каких городах может идти речь? По-видимому, это города местных оседлых жителей, захваченные эфталитами, где они оставляли своих наместников или приезжали туда только для сбора подати.

Поэтому обследованные нами археологические памятники Ангорского района, относящиеся к V—VI вв., нельзя рассматривать как памятники строительного искусства эфталитов. Что же касается материальной культуры этого времени, то ее тоже следует считать не эфталитской, а культурой местного, покоренного эфталитами населения, которая к V в. уже сложилась и имела свою многовековую историю.

У нас мало сведений о материальной культуре самих эфталитов, которые вели кочевой образ жизни. Известно, что у них не было телег, но имелось много лошадей и верблюдов¹⁸⁵.

Эфталиты, захватив территорию оседлого населения, стоявшего в культурном отношении намного выше их, несомненно, как-то воспринимали ее, перенимая некоторые обычаи и культурные навыки.

На основании изучения Ангорского района, территория которого была завоевана эфталитами, мы считаем явно ошибочным высказывавшееся

¹⁸¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 274.

¹⁸² В 568 г. в Византию прибыло тюркское посольство. Император Юстин II в беседе с посланниками «расспрашивал их о стране и о владениях тюрков. Посланники говорили..., что они покорили эфталитов и заставили их платить себе дань. Император спросил посланников: «Всю ли эфталитскую силу вы подчинили себе?» — «Всю», — отвечали посланники. Государь: «Как жили эфталиты, в городах или селениях?» Посланники: «Это племя, государь, живет в городах. «Итак, — заметил император, — ясно, что вы овладели и городами». «Так точно», — отвечали они» (Менандр, Отрывок 18, В кн.: «Византийские историки», стр. 374).

¹⁸³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 268.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же, стр. 269.

ранее в научной литературе предположение о том, что результатом эфталитского нашествия был только упадок¹⁸⁶. Естественно, что всякое завоевание, в частности хионитское и эфталитское, сопровождалось грабежами и разрушением городов, однако за этим последовал созидательный период.

А. И. Тереножкин, изучая древний Самарканд, пришел к выводу, «что возрождение Самарканда началось при эфталитах»¹⁸⁷. Раскопанный замок Ак-тепе близ Ташкента, по его предположению, мог быть воздвигнут еще при эфталитах¹⁸⁸. Все это свидетельствует о том, что многие районы, захваченные и разрушенные эфталитами, очень скоро восстанавливаются и входят в колею нормальной экономической и культурной жизни. В Хорезме V—VI вв. характеризуются упадком городского хозяйства, в частности ремесленного производства. Керамическая посуда становится более грубой¹⁸⁹. В то же время появляется целый ряд небольших по размерам укрепленных усадеб, сооруженных на массивных глинобитных цоколях¹⁹⁰. Эти поселения были созданы людьми, жившими в постоянном ожидании нападения, в эпоху каких-то бурных социальных и межплеменных столкновений¹⁹¹. Р. Гиршман на основании изучения Беграма¹⁹² также приходит к выводу, что после эфталитского завоевания и связанных с ним разрушений сразу наступает созидательный период.

В Ангорском районе мы наблюдаем ту же картину. Оправившиеся после военных потрясений местные жители активно берутся за восстановление разрушенного района. На месте старых городов и поселений, существовавших при кушанах, возникают новые, более крупные, вокруг которых появляется большое количество замков, сооруженных на высоких цоколях. Если при кушанах основным строительным материалом был квадратный кирпич, то теперь на смену ему пришел сырцовый прямоугольный кирпич. Кроме того, в строительстве широко использовалась пахса. Помещения замков хорошо укреплялись. Во внешних стенах каждого помещения имелись бойницы. В отличие от спаренных и строенных бойниц кушанского периода (Хайрабад-тепе) бойницы времени эфталитов были прямыми. Толщина стен также уменьшается с 2—2,5 до 1—1,3 м. Некоторые замки были двухэтажными, квадратными в пла-

¹⁸⁶ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 5.

¹⁸⁷ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 161.

¹⁸⁸ Там же, стр. 162.

¹⁸⁹ С. П. Толстов, Некоторые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, IV (15), М., 1946, стр. 74.

¹⁹⁰ С. П. Толстов, Древне-хорезмийские памятники в Кара-Калпакии, стр. 188.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² R. Ghirshman, Les Chionites-Hephthalites, p. 131.

не и с квадратными башнями по углам (Кулаглы-тепе). В замках могли селиться отдельные семьи общины.

Обращает на себя внимание большое количество мелких укрепленных замков, расположенных в определенных районах. «Затруднения, встречающиеся для общины, происходят только от других общин, которые либо уже раньше захватили земли, либо тревожат общину в захваченных ею землях, — писал К. Маркс. — Поэтому война является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увесочечить»¹⁹³. Во время неприятельских набегов в замке сосредоточивалось основное население, и он превращался в крепость. Почти отвесные стены цоколя высотой 6—10 м ограждали его от неприятеля. Из бойниц же хорошо просматривалась и простреливалась лежащая вокруг местность. Кроме того, концентрация в одном районе большого количества замков связана с системой искусственного орошения, для поддержания которой требовались совместные усилия общин.

Вскоре после эфталитского завоевания восстанавливается Зангская оросительная система. Это видно из того, что почти все замки, сохранившиеся до настоящего времени, расположены по берегам канала¹⁹⁴. Земли вокруг городища обрабатывались семьей или родом. Члены рода жили, по-видимому, вне крепости: около замка Кулаглы-тепе находятся помещения. Расчищенные неполностью два из них, к сожалению, не дают нам пока полной картины их устройства (рис. 37).

При эфталитах были восстановлены земледелие и садоводство. Об этом свидетельствуют находки большого количества семян различных растений. Очевидно, вокруг замков находились сады. Тут же располагались виноградники, хлопковые и злаковые поля, росли дыни и арбузы.

Выше говорилось, что одна из комнат замка Балалык-тепе связана с культом.

Сами эфталиты поклонялись духу неба и духу огня. Ежедневно на пороге своего дома они приносили жертву духам, сжигая ее на огне¹⁹⁵. Основным богом эфталитов был Сун — бог Солнца. Культ его, по мнению Р. Гиршмана, мог быть только хионитским, а не кушанским или каким-нибудь другим¹⁹⁶. Захватив обширные территории,

¹⁹³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., Госполитиздат, 1940, стр. 8.

¹⁹⁴ Подробно об орошении этого времени см.: Я. Г. Гулямов, *История орошения Хорезма*, Ташкент, 1957, стр. 114—124.

¹⁹⁵ R. Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, p. 120.

¹⁹⁶ Там же, стр. 124.

хиониты и эфталиты столкнулись с различными религиями, в частности с буддизмом. Сначала хиониты подвергли гонению чужие религиозные верования, но затем они, по-видимому, в какой-то мере стремились соединить свои религиозные воззрения с культами, бытовавшими на захваченной ими территории. Культ бога Солнца, как считает Р. Гиршман, не мог избежать влияния буддизма, и поэтому хиониты отождествляли своего бога с Митрой¹⁹⁷.

Мы уже говорили о синкретизме различных культов в замке Балалык-тепе, возникших на базе культа богини Анахиты.

Рис. 152. Часть керамического гроба

Еще при кушанах синкретизм культов, очевидно, поощрялся правителями, несмотря на то, что основной религией был буддизм. На монетах Канишки мы видим изображение божеств различных религий¹⁹⁸.

На городище Хайрабад-тепе обнаружена половина детского глиняного гробика (рис. 152), а при раскопках замка Джумалак-тепе — полови-

на обожженного глиняного гроба для взрослого человека. В связи с этим небезынтересно остановиться на некоторых моментах, связанных с погребальными обрядами.

По свидетельству китайских летописей, в государстве Еда умерших из богатых домов хоронят в каменных склепах, а бедных — в обыкновенных могилах, причем вместе с покойником в могилу кладут его вещи¹⁹⁹. Р. Гиршман, ссылаясь на китайские хроники, указывает что эфталиты «хоронят своих мертвых в деревянных гробах»²⁰⁰.

¹⁹⁷ R. Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*, p. 123.

¹⁹⁸ Синкретизм культов не является новшеством — он был и в других странах. По сообщению Прокопия Кесарийского, император Деоклитян распорядился на одном из островов Нила соорудить крепость, а «храмы и жертвенники» сделать общими «для римлян и варваров». Он «определил в этой крепости жрецов из тех и других, полагая, что дружба между ними будет самая прочная, когда у них будут общие священные обряды. По этой причине город этот прозван Филами» (Прокопий Кесарийский, *История войн римлян с персами*, стр. 265).

¹⁹⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, стр. 269.

²⁰⁰ R. Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*, p. 120.

Но это не единственный вид погребального обряда. Прокопий Кесарийский сообщает: «Самые богатые приобретают себе друзей, человек, пожалуй, до двадцати и более; друзья всегда обедают вместе с ними, разделяют их достаток, имея на него с ними общее право. Когда же тот, кто приобрел друзей, умирает, то по закону они должны быть положены в гроб вместе с ним живые»²⁰¹.

Однако обряд захоронения живых друзей покойного выполнялся лишь формально. Об этом мы узнаем из сообщения Аммиана Марцеллина, описывающего одну из битв Шапура с римлянами при осаде города Амиды. В этом бою погиб сын хионитского царя Грумбата. Его «по туземному обычаю» положили на высоком помосте, а вокруг расставили «десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо исполнены, что совершенно походили на покойников». В течение десяти дней все люди пировали и пели особые погребальные песни, а женщины, по своему обычаю, оплакивали юношу. Затем труп предали огню, а кости собрали в урну, чтобы отвезти их на родину покойника²⁰². Этот обряд перенесения сгоревших останков существовал и у тюрков, о чем говорилось выше.

А. И. Тереножкин в 1950 г. писал: «Недостаток материалов не позволяет нам осветить характер материальной культуры времени эфталитов»²⁰³. Теперь же многочисленные археологические раскопки, проведенные в Хорезме, Туркмении, в Кашка-Дарьинской и Самаркандской областях, проливают некоторый свет на этот вопрос.

Искусство правобережного Тохаристана ко времени захвата его территории эфталитами имело свою длительную историю, начинающуюся с первобытно-общинного строя, к которому относится наскальная красочная живопись Зараутсая.

При эфталитах кушанское искусство сохраняет свои традиции. Выделившаяся эфталитская классовая верхушка, осевшая в городах, по-видимому, поощряла его развитие. Некоторые общие черты для кушан и эфталитов мы находим при сравнении одежды кушанских терракотовых статуэток, изображающих богиню плодородия Анахиту, (рис. 153), с одеждой женских фигур наших росписей. Одним из общих признаков костюма является накидка без рукавов, набрасываемая на плечи, по бортам которой проходит орнаментальная кайма.

С. П. Толстов пришел к выводу, что для мужских костюмов Хорезма афригидского времени характерны двусторонние треугольные отвороты. На основании этого он проводит параллель между древнехо-

²⁰¹ Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, стр. 24—25.

²⁰² Аммиан Марцеллин, История, книга XIX, стр. 240.

²⁰³ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 160.

рёзмийскими (афригидскими) костюмами и одеждой фресок Восточного Туркестана, что, по его мнению, свидетельствует об устойчивой культурной общности населения Кушанского царства и в послекушанский период²⁰⁴.

Особенно хорошо можно проследить культурные традиции в технике изготовления керамической посуды. Качество черепка, ангобирование, лощение, многие формы сосудов продолжают оставаться прежними.

Рис. 153. Терракотовые статуэтки
богини Анахиты

Р. Гиршман считает, что преобладающее влияние на материальную культуру самих эфталитов оказали сасаниды²⁰⁵.

Этот вывод можно считать правильным только в отношении эфталитов, осевших на территории сасанидского государства. В других местах (Тохаристане, Согде и др.) культура местного населения развивалась и в эфталитское время. Захватив обширные территории, эфталиты познакомились с различными видами искусства и несомненно в какой-то мере являлись посредниками в передаче художественных традиций одного народа другому. В частности, об этом свидетельствует нумизматический

материал: среднеазиатские эфталитские монеты конца V в. очень похожи на сасанидские.

Территория Афганистана также входила в состав земель, захваченных эфталитами. Поэтому неудивительно, что определенная часть фигур росписей Бамиана изображает людей в характерной для того времени одежде, что подтверждается нами при сопоставлении костюмов этих фигур с костюмами персонажей росписей Балалык-тепе. Характерной их чертой являются те же правосторонние треугольные отвороты, прически, аксессуары и отдельные орнаментальные мотивы.

Дальнейшая история Ангорского района связана с тюркским завоеванием. В середине VI в. на востоке эфталитского государства появи-

²⁰⁴ С. П. Толстов, Хорезмийский всадник, КСИИМК, вып. I, М., 1939, стр. 9; он же, Древний Хорезм, стр. 198.

²⁰⁵ R. Ghirshman, Les Chionites-Hephthalites, p. 131.

лось мощное кочевое объединение — Тюркский каганат. Захватив большую часть Средней Азии, тюрки столкнулись с эфталитами. В это же время на эфталитов с запада стали нападать сасаниды, заключившие союз с тюрками. Повторилась примерно такая же картина, как и при разгроме Кушанской империи, против которой вначале совместно выступили хиониты и сасаниды.

В 567 г. тюрки захватывают эфталитское царство. С этим завоеванием мы связываем частичное разрушение замков Ангорского района. Монеты, найденные в помещении городищ Хайрабад-тепе и Джумалак-тепе, датируются концом V или началом VI в. Но они могли находиться в обращении и в середине VI в.

В это же время разрушились росписи Балалык-тепе, но, по-видимому, в таком состоянии замок простоял недолго. Большинство помещений было заново отремонтировано; правда, комната с росписями не восстанавливалась, а после расчистки и новой штукатурки стен и пола ее залили кирпичом. С южной стороны комнаты была сооружена лестница из сырцового кирпича, которая вела на образовавшуюся площадку, имевшую, очевидно, какое-то культовое назначение.

Замок Джумалак-тепе так и не был восстановлен. То же самое можно сказать о северо-западной группе помещений на цитадели Хайрабад-тепе.

Данные об окончательном разрушении поселений Ангорского района имеются в трудах армянского епископа Себеоса (VII в.). Из его «Истории» мы узнаем, что Хосров II «возвеличил» армянского полководца Смбата Багратуни, который находился на службе у персов. Хосров снарядил войско и направил его на восток, в землю кушанов²⁰⁶.

Далее перечисляются имена полководцев, принимавших участие в походе. Смбат Багратуни, возглавивший поход, обратил внимание, что кушаны (так Себеос продолжал называть народы, находившиеся в подчинении эфталитов), совершая набеги, раздробляют свои силы по всей земле. Он хотел воспользоваться этим, но при приближении персидского войска «кушаны» соединились и отошли. Смбат настиг их и разбил. Тогда «кушанские цари» попросили помощи у «великого Хакана, царя Севера»²⁰⁷, армия которого, перейдя реку Вехрот (по-видимому, Аму-Дарью), берущую начало в Туркестане из страны Евилата²⁰⁸, рассенвает сасанидское войско. Сам Смбат выходит из окружения. Вскоре после ухода тюрков, которых Джембуху (тюркский каган) отозвал «в свои места», Смбат вновь собирает воинов и в

²⁰⁶ Себеос, История, стр. 58.

²⁰⁷ Там же, стр. 59.

²⁰⁸ Там же.

617 г. снова «идет походом на народ кушанов и на царя эфталитов». Эфталиты, в свою очередь, также выступают против Смбата. Войска выстроились друг против друга. Перед боем между «царем кушанов» и Смбатом произошел поединок. Смбату удалось разбить крепкую «бахлскую плетеную кольчугу»²⁰⁹.

Увидев побежденного царя, кушанское войско обратилось в бегство. Смбат преследовал их «до Балха Шахристана Кушанской земли, разгромил всю страну: Гар Вотагес и весь Тохаристан и Тагакан; (Смбат) взял также много крепостей и разрушил их»²¹⁰.

С этим завоеванием мы связываем окончательную гибель поселений Ангорского района. Это предположение подтверждается также монетными находками: из более трехсот монет, найденных в Ангорском районе, только одна относится к раннесогдийскому чекану — первой половине VIII в. Кроме того, китайский путешественник Сюань-цзань, посетивший в 30-х годах VII в. царство Тухоло (Тохаристан), сообщает, что, «все города там в разрушении и заросли дикой травой»²¹¹.

Мы, конечно, не можем говорить, что это завоевание прекратило жизнь всего правобережного Тохаристана, но жизнь Ангорского района всецело зависела от состояния Зангской оросительной системы. Поэтому разрушение ее повлекло за собой запустение целого района. Новые материалы, полученные в результате наших работ, пополняют и уточняют данные раскопок, проводившихся Термезской археологической комплексной экспедицией. Ее исследования показали, что на время эфталитов, т. е. на V—VI вв., приходится кризис в жизни правобережного Тохаристана, закончившийся к VII в.

При изучении городищ Старого Термеза не были еще выявлены слои V—VI вв. Некоторое оживление, отмечавшееся в Термезе в VII—VIII вв., вероятно, связано с переселением жителей из заброшенных северных районов.

Арабское завоевание не способствовало развитию Ангорского района. Как показывают археологические данные, VII—VIII вв. являются периодом упадка, и только в IX—XI вв. создаются новые крупные поселения и города без укрепленных стен (вокруг Хайрабад-тепе). Восстанавливается ирригационная система.

В это же время в Уч-Кызылской впадине сооружается водохра-

²⁰⁹ Себеос, История, стр. 69. Ст. Малхасянц считает, что слово «бахлская» является производным от названия города Баглешагастан (сноска 115). Более правильно, нам кажется, отождествлять это слово с названием города Балх, который славился своими кольчугами.

²¹⁰ Себеос, История, стр. 60.

²¹¹ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, стр. 103.

иплище, вода из которого поступала по керамическим трубам на поля²¹².

Раскопки, произведенные нами в Ангорском районе, не дают пока еще достаточного материала для характеристики социально-экономических отношений времени разложения рабовладельческого общества и сложения феодального. Это одна из наиболее сложных проблем в истории Средней Азии. До сих пор не разрешен полностью вопрос о специфике феодализма на Востоке²¹³.

Советские историки считают, что в Иране переход к феодальным отношениям начинается с момента маздакитского движения²¹⁴. Период разложения рабовладельческих отношений в Средней Азии принято относить примерно к этому же периоду, т. е. ко времени завоевания государства Кушан эфталитами²¹⁵. В Хорезме на это время приходится упадок городской жизни, которая к VII в. окончательно прекращается. Жители переселяются в замки²¹⁶.

Разложение рабовладельческого общества отмечается и для Термеза (V—VI вв.) и также связывается с появлением хионитов и эфталитов²¹⁷.

Интересно отметить, что жизнь в таком крупном городе кушанского времени, как Беграм (Афганистан), во второй половине IV в. также приходит в упадок²¹⁸.

На городище Хайрабад-тепе, согласно данным наших раскопок, кризис городской жизни начинается со второй половины III в.

Как и в Хорезме, жители городов переселяются в замки, что является характерной чертой перехода от рабовладельческого строя к феодальному²¹⁹.

На месте старых городов образуются большие укрепленные селения, как, например, на Хайрабад-тепе и Зар-тепе. Они, как и замки,

²¹² Трубопровод был обнаружен при рытье котлована под плотину на глубине 1 м от поверхности. Средняя длина трубы — 60 см, диаметр — 67—71 см. Частичная расчистка труб произведена сотрудниками Сурхан-Дарьинского музея В. А. Козловским и Г. С. Бовкун.

²¹³ А. Ю. Якубовский, Вопросы периодизации Средней Азии в средние века (VI—XV вв.), КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 30.

²¹⁴ П. В. Пигулевская, Маздакитское движение, «Известия АН СССР», Серия истории и философии, М., 1944, № 4, стр. 180.

²¹⁵ С. П. Толстов, Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, М.—Л., 1938, № 1, стр. 168.

²¹⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 124.

²¹⁷ М. Е. Массон, Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг., стр. 6.

²¹⁸ R. Ghirshman, Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kuchans, p. 41.

²¹⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 124.

появляются непосредственно на оросительных каналах, посреди полей²²⁰. В это время еще нельзя проследить резкой грани между городом и селением²²¹.

Земледельцы становятся все более зависимыми от местной аристократии, которая стремится закрепить свободных крестьян, чей труд был выгоднее рабского. Мы не останавливаемся подробно на этом вопросе, так как у нас нет по нему новых данных.

Фигуры росписей Балалык-тепе дают нам возможность судить об облике жителей правобережного Тохаристана. Центральные персонажи, несомненно, изображали господ, людей определенной классовой группы, представителей феодальной верхушки.

Одежда женщин, состоявшая из парчи и шелка, украшалась драгоценными камнями²²².

По рассказу буддийского паломника Си-Ю-чи (VI в.), эфталитские женщины из окружения князя одеты в «роскошные платья из дорогих тканей, со шлейфами в три и более футов, которые несли за ними специальные лица»²²³. Вероятно, такую сцену мы видим в росписях Балалык-тепе на северной стене (фигуры 26 и 27).

Слуги, стоящие за спинами господ с опахалами в руках, изображены в меньшем масштабе. Разницей масштабов художник, рисовавший по заказу представителей господствующего класса, подчеркивал социальное неравенство персонажей. Этот прием известен в изобразительном искусстве с древних времен. Достаточно вспомнить изображения фараонов Египта²²⁴. То же самое мы видим в росписях Варахши.

Наряду со слугами существовали и рабы. Изображение раба мы знаем по терракотовой статуэтке из Хатын-рабада; на его ногах — кандалы.

Из росписей мы узнаем о быте феодалов, предметах, их окружающих. Богатая одежда свидетельствует о том, что ткачество находилось на очень высоком уровне. Доказательством этого служит обнаруженный в замке шелковый мешочек, ткань которого имеет очень сложное плетение; изготовить ее мог только искусный мастер. Разнообразие орнаментальных мотивов на тканях фигур росписей еще раз подтверждает высокий уровень текстильного ремесла. Большое развитие получило производство предметов торевтики. Обнаружение стеклянной посуды говорит о существовании и этого ремесла.

Живопись Балалык-тепе дает нам представление о творчестве художников. Она свидетельствует, что в Северном Тохаристане, в

²²⁰ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма, стр. 115.

²²¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 271.

²²² R. Ghirshman, Les Chionites-Hephthalites, p. 129.

²²³ История Узбекской ССР, т. I, Книга первая, стр. 112.

²²⁴ Всемирная история, т. I, М., 1955, стр. 351, 352.

VI в. н. э. существовала особая школа монументальной живописи, несколько отличающейся от живописи Восточного Туркестана, Афганистана и Средней Азии. Традиции этой школы уходят своими корнями к кушанскому времени.

Подъем материальной культуры в V—VI вв. объясняется появлением новых производственных отношений — феодальных, пришедших на смену рабовладельческим, которые перестали соответствовать характеру производительных сил и не могли создать условий для дальнейшего экономического роста. При этом надо помнить, что рабский труд в Средней Азии никогда не составлял основы хозяйства²²⁵.

Археологические исследования, проводившиеся нами на территории Ангорского района, проливают некоторый свет на историю материальной культуры народов правобережного Тохаристана времени эфталитского господства, на их искусство, дают новые сведения для решения вопросов этногенеза узбекского народа. Намечается определенная хронологическая периодизация, которая впоследствии будет уточнена.

Дальнейшие раскопки, особенно изучение крупных городищ, позволят более полно разрешить эти проблемы.

²²⁵ Л. Ю. Якубовский, Вопросы периодизации Средней Азии в средние века (VI—XV), стр. 32.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗВОРГО — Записки Восточного отделения Русского географического общества
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов
ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества
КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология (журнал)
САГУ — Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина
СЭ — Советская этнография (журнал).
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Узкомстарис — Узбекский комитет по охране и реставрации памятников материальной культуры
УзФАН СССР — Узбекский филиал Академии наук СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркестанская археологическая комплексная экспедиция
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
RAA — Revue des Arts Asiatiques

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Госполитиздат, 1940.
Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1946.
Авдиев В. И., История древнего Востока, М., 1948.
Авеста, Перевод Е. Бертельса, ж. «Восток», кн. 4, М.—Л., 1924.

- Альбаум Л. И., Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. VII, Ташкент, 1955.
- Ананьев А. Г., Ширабадская долина, СПб., 1914.
- Апохин А. В., Материалы по шаманству у алтайцев, Сборник Музея антропологии и этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1924.
- Бартольд В. В., Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению, т. I, № 4, СПб., 1897.
- Бартольд В. В., Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века, ИТОРГО, т. IV, Научные результаты Аральской экспедиции, вып. II, Ташкент, 1902.
- Бартольд В. В., К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, Пг., 1921.
- Бартольд В. В., Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4, Пг., 1921.
- Бартольд В. В., Отчет о командировке в Туркестан, Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. II, Пг., 1922.
- Бартольд В. В., История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
- Беленицкий А. М., Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953.
- Беленицкий А. М., Археологические работы в Пянджикенте, КСИИМК, вып. 55, М., 1954.
- Беленицкий А. М., Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов), Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.
- Бентович И. Б., Керамика Пянджикента, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953.
- Бернштам А. Н., Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, XI, М.—Л., 1940.
- Бернштам А. Н., Археологический очерк Северной Киргизии, Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана, вып. IV, Фрунзе, 1941.
- Бернштам А. Н., Проблемы истории Восточного Туркестана; Новые работы по тохарской проблеме, ВДИ, М.—Л., 1947, № 2.
- Бернштам А. Н., К вопросу об усунь, кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии), СЭ, М., 1947, № 3.
- Бернштам А. Н., Труды Семипалатинской археологической экспедиции, «Чуйская долина», МИА СССР, № 14, М.—Л., 1950.
- Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, № 26, М.—Л., 1952.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—II, М.—Л., 1950; т. III, М.—Л., 1953.
- Борнс А., Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849.
- Вальдгауэр О. Ф., Античная скульптура, Пг., 1924.
- Васильев А. В., Согдийский замок на горе Муг, Согдийский сборник, М., 1934.
- Веймарн Б. В., Орнаментация дворца XII в. в древнем Термезе, ж. «Искусство», М., 1934, № 6.
- Веселовский Н. И., Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего времени, СПб., 1877.
- Веселовский Н. И., Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах», Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXXII, Одесса, 1915.

- Вечеслов М. Г., Археологические памятники в Афганистане, Сборник статей Всероссийской научной ассоциации востоковедов, М., 1924.
- Вишневский В. Н., К антропологии древнего населения Восточного Туркестана, вып. 1—2, Казань, 1921.
- Воронина В. Л., Изучение архитектуры древнего Пянджикента, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950.
- Воронина В. Л. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г., Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948.
- Воронина В. Л., Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии, ҚСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949.
- Воронина В. Л., Архитектурные памятники древнего Пянджикента, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953.
- Всемирная история, т. I, М., 1955.
- Вязьмитина М. И., Раскопки на городище Айртам; Керамика Айртама времени кушанов, Труды АН УзССР, сер. I, т. II, История, археология, Ташкент, 1945.
- Гайдукевич В. Ф. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе, ҚСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949.
- Гайдукевич В. Ф., Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., ҚСИИМК, вып. XIV, М.—Л., 1947.
- Гинзбург В. В., Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950.
- Григорьев В. В., О скифском народе саках, СПб., 1871.
- Григорьев Г. В., Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
- Григорьев Г. В., Поселения древнего Согда, ҚСИИМК, вып. VI, М.—Л., 1940.
- Григорьев Г. В., Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда, ҚСИИМК, вып. XIII, М.—Л., 1946.
- Гулямов Я. Г., История орошения Хорезма, Ташкент, 1957.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А., Археологический очерк Исфаринского района, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955.
- Денике Б. П., Искусство Востока, Казань, 1923.
- Денике Б. П., Экспедиция Музея Восточных культур в Термез, Предварительный отчет, Сб. «Культура Востока», М., 1927.
- Денике Б. П., Экспедиция Музея Восточных культур в Среднюю Азию 1927 года, Сб. «Культура Востока», вып. II, М., 1928.
- Денике Б. П., Живопись Ирана, М., 1938.
- Дьяконов М. М., Работы Кафирниганского отряда, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950.
- Дьяконов М. М., Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии, ҚСИИМК, вып. XL, М.—Л., 1951.
- Дьяконов М. М., Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.
- Дьяконов М. М., Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.), МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953.
- Дыренкова Н. П., Культ огня у алтайцев и телеутов, Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. VI, Л., 1927.
- Евтюхова А. А., Каменные изваяния Северного Алтая, Труды ГИМ, вып. 16, М., 1911.

- Живопись древнего Пянджикента, М., 1954.
- Забелина Н. Н., Новые археологические находки из Гиссарской долины, Сообщение Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР, вып. 1, Сталинабад, 1952.
- Заславская Ф. А., Терракотные статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР, Труды Музея истории УзССР, вып. III, Ташкент, 1956.
- Засыпкин Б. Н., Памятники архитектуры Термезского района, Сб. «Культура Востока», вып. II, М., 1928.
- Заходер Б. Н., История восточного средневековья, М., 1944.
- Зограф А. Н., Античные монеты, МИА СССР, № 16, М.—Л., 1951.
- Иловайский Д., Разыскания о начале Руси, М., 1852.
- Иностранцев К. А., О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, Новая серия, СПб., 1909, ч. XX, № 3 (март).
- Иностранцев К. А., О домусульманской культуре Хивинского оазиса, ЖМНП, СПб., 1911 (февраль).
- История Узбекской ССР, т. I, Книга первая, Ташкент, 1956.
- Кабанов С. К., Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950.
- Каль Е. Ф., Дневник (рукопись).
- Кастальский Б. Н., Бия-Найманские оссуарии, Самарканд, 1908.
- Кастальский Б. Н., Историко-географический обзор Сурхан-Дарьинской и Широбадской долин, «Вестник ирригации», Ташкент, 1930, № 2, 3, 4.
- Кизерицкий Г., Хотанские древности из собрания П. Ф. Петровского, ЗВОРАО, т. IX, вып. I—IV, СПб., 1896.
- Книпович Т. Н., Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949.
- Книпович Т. Н., Танаис, М.—Л., 1949.
- Ковалевский С. А., Путешествие Ибн Фадлана на Волгу, М.—Л., 1939.
- Костров П. И., Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.
- Лаврова М., Китайские зеркала ханьского времени, Материалы по этнографии, т. IV, вып. I, М., 1927.
- Ладжванти Мазан, Пенджабский фольклор, ж. «Советское востоковедение», М., 1955, № 1.
- Литвинский Б. А., Новые материалы по археологии Таджикистана, КСИИМК вып. 55, М., 1954.
- Масальский В. И., Туркестанский край, Россия, т. XIX, СПб., 1913.
- Массон М. Е., Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг., ж. «Научная мысль», вып. I, Самарканд — Ташкент, 1930.
- Массон М. Е., Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Материалы Узкомстариса, вып. I, Ташкент, 1933.
- Массон М. Е., Скульптура Айртама, ж. «Искусство», М., 1935, № 2.
- Массон М. Е., Археологические исследования в Узбекистане (1924—1939 гг.), Сб. «Наука в Узбекистане за XV лет», Ташкент, 1939.
- Массон М. Е., Термезская археологическая комплексная экспедиция, КСИИМК, вып. VIII, М.—Л., 1940.
- Массон М. Е., Городища Старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН СССР, сер. 1, вып. 2, История, археология, ТАКЭ, Ташкент, 1940.

- Массон М. Е., Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг., Труды АН УзССР, сер. I, История, археология, т. II, Ташкент, 1945.
- Массон М. Е., О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана, Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.
- Массон М. Е., Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя», Труды САГУ, «Археология Средней Азии», Новая серия, вып. XI, кн. 3, Ташкент, 1950.
- Массон М. Е., К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ, вып. XXIII, кн. 4, Ташкент, 1951.
- Массон М. Е., Ахангераи. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953.
- Массон В. М., Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным, ВДИ, М., 1955, № 2.
- Матье М. Э., Коптские и египетские магические женские статуэтки, ТОВЭ, т. I, Л., 1939.
- Махабхарата, Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, М.—Л., 1950.
- Мелноранский П., Памятники в честь Кюль-Тегина, ЗВОРГО, т. XII, вып. II, III, СПб., 1899.
- Менандр, Отрывок 18, Перевод с греческого С. Дестуниса, в кн.: «Византийские историки», СПб., 1861.
- Мешкерис В. А., Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории, Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954.
- Миронов А. М., Изображение богини победы в греческой пластике, Казань, 1911.
- Мушкетов И. В., Туркестан, СПб., 1886.
- Неуструев С., Путешествие в Южную Бухару и исследование Ширабадской долины, Пг., 1915.
- Нильсен В. А., Варахшская цитадель, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н., К истории культа огня у индусов в эпоху Вед, Одесса, 1887.
- Окладников А. П., Находка неандертальца в Узбекистане, ВДИ, М., 1939, № 1.
- Окладников А. П., Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау, КСИИМК, вып. VII, М.—Л., 1940.
- Окладников А. П., Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш (Южный Узбекистан), Сб. «Тешик-Таш», М., 1949.
- Ольденбург С. Ф., Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг., СПб., 1914.
- Орбели И. А., Сасанидское искусство, ж. «Восток», кн. 4, М., 1924.
- Орбели И. А., Тревер К. В., Сасанидский металл, М.—Л., 1950.
- Ошанин Л. В., Зезенкова В. Я., Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.
- Ошанин Л. В., Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, 1957.
- Пигулевская Н. В., Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.
- Пигулевская Н. В., Маздакитское движение, «Известия АН СССР», Серия истории и философии, М., 1944, № 4.
- Пигулевская Н. В., Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв., КСИВ, т. XIV, М., 1955.

- Пигулевская Н. В., Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв., Византийский временник, т. 7, М., 1953.
- Потапов Л. А., Рельефы древней Согдианы как исторический источник, ВДИ, М., 1938, № 2 (3).
- Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, Перевод с греческого С. Дестуниса, Книга первая, СПб., 1876.
- Пугаченкова Г. А., Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, Труды АН УзССР, сер. I, т. II, История, археология, Ташкент, 1945.
- Пугаченкова Г. А., Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
- Пугаченкова Г. А., Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950.
- Пугаченкова Г. А., Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», Сталинабад, 1952, № 2.
- Пчелина Е. Г., Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе (Термез), Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 4, М., 1946.
- Пчелина Е. Г., Урсдонское ущелье в Северной Осетии, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947.
- Радлов В. В., Мелиоранский П. М., Древне-тюркские памятники в Кошопайдаме, Труды Орхонской экспедиции, вып. IV, СПб., 1897.
- Ранович А. Б., Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950.
- Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. III, Перевод с персидского А. К. Арндса, М.—Л., 1946.
- Ремпель Л. И., Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
- Ремпель Л. И., Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.
- Римские поэты в биографиях и образцах, Составил В. Алексеев, СПб., 1897.
- Рогинская А., Зараут-сай (записки художника), М.—Л., 1950.
- Ростовцев М., Античная декоративная живопись на юге России, т. I, СПб., 1914.
- Себеос, История, Перевод с армянского Ст. Малхасянца, Ереван, 1939.
- Синха Н. К., Банерджи А. Ч., История Индии, М., 1954.
- Смирнов Я. И., Восточное серебро, СПб., 1909.
- Стучевский И. А., Восточные корни мифа о Христе, М., 1948.
- Тереножкин А. И., Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950.
- Тереножкин А. И., К истории искусства Хорезма. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма, ж. «Искусство», М., 1939, № 2.
- Тереножкин А. И., Жилые постройки XI—XII вв. н. э. в Кара-Калпакской АССР, «Известия УзФАН СССР», Ташкент, 1940, № 5.
- Тереножкин А. И., Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948.
- Тереножкин А. И., Раскопки на городище Афрасиабе, КСИИМК, вып. XXXVI, М.—Л., 1951.
- Тереножкин А. И., Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1950.
- Термезская археологическая комплексная экспедиция, Труды УзФАН СССР, сер. I, История, археология, вып. 2, Ташкент, 1940; Труды АН УзССР, сер. I, т. II, История, археология, Ташкент, 1945.

- Толстов С. П., Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, М.—Л., 1938, № 1.
- Толстов С. П., Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, М., 1938, № 4 (5).
- Толстов С. П., Хорезмийский всадник, КСИИМК, вып. I, М.—Л., 1939.
- Толстов С. П., Древне-хорезмийские памятники в Кара-Калпакии, ВДИ, М., 1939, № 3.
- Толстов С. П., Древний Хорезм, М., 1948.
- Толстов С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П., Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890.
- Тревер К. В., Проблема греко-бактрийского искусства, Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939.
- Тревер К. В., Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма, ТОВЭ, т. I, Л., 1939.
- Тревер К. В., Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940.
- Тревер К. В., Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947.
- Тревер К. В., К вопросу о так называемых сасанидских памятниках, СА, XVI, М.—Л., 1952.
- Тревер К. В., Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв., СА, XXI, М., 1954.
- Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950.
- Умняков И. И., Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация, 1920—1928, Ташкент, 1929.
- Успенский П. Д., Символы Таро, Пг., 1917.
- Фрейман А. А., Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, Согдийский сборник, Л., 1936.
- Фавстос Бузанд, История Армении, Перевод с древнеармянского М. А. Геворгяна, Ереван, 1953.
- Худяк М. М., Работы Нимфейской экспедиции 1939 года, Труды Отдела истории, искусства и культуры античного мира, т. I, Л., 1945.
- Шейннна Е. Г., Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пянджикента, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953.
- Шницин (Книга песен), Перевод с китайского А. А. Штукина, М., 1957.
- Шишкин В. А., Новые данные по искусству Согдианы. Резная штукковая декорация из развалин Варахши, ж. «Искусство», М., 1938, № 5.
- Шишкин В. А., Археологические работы в западной части Бухарского оазиса в 1937 г., Ташкент, 1940.
- Шишкин В. А., Архитектурная декорация дворца в Варахше, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947.
- Шишкин В. А., Археологические работы 1947 года на городище Варахша, «Известия АН УзССР», Ташкент, 1948, № 5.
- Шишкин В. А., Исследование городища Варахша и его окрестностей, КСИИМК, вып. X, М.—Л., 1941.
- Шишкин В. А., Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), СА, XXIII, М., 1955.
- Шишкин В. А., Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.

- Шмидт А. В., Тульский всадник (к вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией), ЗКВ, т. 1, Л., 1925.
- Якубовский А. Ю., Культура и искусство Средней Азии, Л., 1940.
- Якубовский А. Ю., Вопросы периодизации Средней Азии в средние века (VI—XV вв.), КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949.
- Якубовский А. Ю., Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Советской археологической экспедиции 1948—1949 гг., «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. VII, № 5, М., 1950.
- Якубовский А. Ю., Древний Пянджикент, Сб. «По следам древних культур», М., 1951.
- Якубовский А. Ю., Вопросы изучения Пянджикентской живописи, Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.
- Bahrami M., A Gold Medal in the Freer Gallery of Art, *Archaeologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld*, New York, 1952.
- Bloch E., Liste géographique des villes de l'Iran, 1895.
- Le Coq A., Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens, Berlin, 1925.
- Le Coq A., Chotscho, Berlin, 1913.
- Le Coq A., Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, Berlin, 1922—1926.
- Le Coq A., Auf Hellas Spuren in Ostturkestan, Berlin, 1926.
- Cunningham A., Coins of the later Indo-Scythians Epthalites or White Huns, *Numismatic Chronicle*, 1894.
- Delovgaz P., Pottery from the Devola Region, Chicago, Illinois.
- Eliot H. W., Excavations in Mesopotamia and Western Iran, Sites of 4000—500 B. C., Cambridge, Massachusetts, 1950.
- Gardner P., The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum, London, 1885.
- Ghirshman R., Les Chionites-Hephthalites, Le Caire, 1948.
- Ghirshman R., Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kuchans, MDAFA, vol. XII, Caire, 1946.
- Godard A., Godard Y., Hackin J., Les antiquités bouddhiques de Bamiyan, MDAFA, vol. II, Paris et Bruxelles, 1928.
- Grünwedel A., Alt-Kutscha, Berlin, 1920.
- Hackin J., Carl J., Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan, MDAFA, vol. III, Paris, 1933.
- Hackin J., Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan, Compte-rendu sommaire, *Revue des Arts Asiatiques (RAA)*, vol. XII, No. 1, Paris, 1938.
- Herzfeld E., Am Tor von Asien, Berlin, 1920.
- Herzfeld E., Die Malereien von Sammare, Berlin, 1927.
- Herzfeld E., Archeological history of Iran, London, 1935.
- Herzfeld E., Iran in the Ancient East, London—New York, 1941.
- Klein D., Die frühen Seidengewebe aus China, Ausstellung in London, *Ostasiatische Zeitschrift*, 1936.
- Marcellini Ammiani, *Rerum gestorum libri qui supersunt*, Berlin, 1910; Аммиан Марцеллин, История, Перевод с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонни, вып. I, книга XVII, Киев, 1906.
- Marshall J., Mohenjo-Daro, The Indus civilization, vol. I, London, 1931.
- Marshall J., Taxila, v. I—III, Cambridge University Press, 1951.

- Morgenstern L., La peinture murale dans l'art Iranien, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939.
- Müllerus C., Fragmenta Historicorum, IV, Paris, 1858, в кн.: „Византийские историк“, Перевод С. Дестуниса, СПб., 1851.
- Pumpelly R., Explorations in Turkestan, vol. I, Washington, 1908.
- Rostovtzeff M., Dura-Europos and its Art, Oxford, 1938.
- Rowland D., The Wallpaintings of India, Central Asia and Ceylon, Boston, 1938.
- Ruffy A. W., The Origins of Playing Cards, The Geographical Magazine, London, December, 1951.
- Schlumberger D., Le temple de surkh hotai en Bactriane, Journal Asiatique, vol. CCXL, Paris, 1952.
- Schmidt E. F., Persepolis II, The University of Chicago, Oriental Institute Publications, vol. LXIX, Chicago, Illinois, 1957.
- Stein A., Ancient Khotan, vol. II, Oxford, 1907.
- Stein A., Serindia, vol. I—IV, Oxford, 1921.
- Stein A., Innermost Asia, vol. III, London, 1928.
- Tarn W. W., The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938.
- Trever C., Terracotas from Afrasiab, Leningrad, 1934.
- De Uifolvy Ch., Memoires sur les Huns Blancs et sur la déformation de leurs crânes, J. Anthropologie, IX, 1898.

Лазарь Израилевич Альбаум
БАЛАЛЫК—ТЕПЕ

Редактор Издательства М. Б. Ицковский
Оформление художника В. Тий
Художественный редактор А. Т. Шепельков
Технический редактор В. П. Барцева
Корректор Р. Терновская

Р03036. Сдано в набор 29/X—59 г. Подписано к печати 9/II-60 г. Бумага 84×108¹₁₆ = 7,12 бум. л. Печ. л. 23,37. Изд. л. 19,0 (25 вклейки, из них 18 цветных). Тираж 1000. Цена 22 р. 90 к. Переплёт 3 р.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская 9. Заказ 1202.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева. 15.

